

**МАСТЕРА
ПСИХОЛОГИИ**

Н. В. Гришина

ПСИХОЛОГИЯ КОНФЛИКТА

2-е издание

 ПИТЕР

Мастера психологии

Наталия Гришина

Психология конфликта

«Питер»

Гришина Н. В.

Психология конфликта / Н. В. Гришина — «Питер»,
— (Мастера психологии)

Во втором издании книги (предыдущее выпущено в 2000 г.) полно и систематично изложены психологические проблемы конфликтов. Виды конфликтов, психологические подходы к их пониманию, анализ взаимодействия людей в конфликтных ситуациях, особенности переживания человеком конфликтов, закономерности реакций людей на трудные ситуации в общении, переговорные модели разрешения конфликтов, психологическая помощь людям при возникновении конфликтов – это и многое другое представлено на страницах этой не имеющей аналогов книги. Она может оказать необходимую помощь в практической работе психологам, педагогам, социальным работникам, менеджерам, социологам.

© Гришина Н. В.

© Питер

Содержание

Предисловие	6
Предисловие ко второму изданию	8
Введение	10
Интерпретация конфликта обыденным сознанием и наукой	11
Классификации видов конфликтных явлений	15
Научные определения конфликтов	17
Признаки конфликтов	19
Резюме	21
Часть I. Основы изучения конфликтов	22
Глава 1. Философско-социологическая традиция изучения конфликтов	23
Борьба в человеческом обществе: социал – дарвинизм	24
Функциональная («равновесная») модель	26
«Конфликтная модель»	27
К. Маркс и Г. Зиммель: социология конфликта	28
Р. Дарендорф и Л. Козер: начало конфликтологии	30
Конфликтный функционализм: позитивные функции конфликтов	32
Победа теоретиков конфликта	34
Становление конфликтологии	35
Изучение конфликтов в отечественной науке	36
Как сегодня понимаются конфликты	41
Резюме	42
Глава 2. Психологическая традиция изучения конфликтов	44
Конфликты человеческой души: интрапсихическая интерпретация	45
З. Фрейд: конфликт как постоянный элемент душевной жизни человека	45
К. Хорни: «Наши внутренние конфликты»	47
Интерпретация интерперсональных проблем	48
Э. Эриксон: новый взгляд на конфликты	49
Признание и критика	50
Ситуационные подходы: исследование конфликта как реакции на внешнюю ситуацию	51
Конфликт как форма агрессивного ответа на внешнюю ситуацию	52
Исследования М. Дойча: конфликт как форма ответа на конкурентную ситуацию	53
М. Шериф: ситуационный подход в изучении межгрупповых конфликтов	55
Общая оценка	55
Когнитивистские подходы: конфликт как когнитивный феномен	56
Курт Левин	57
Теории баланса	58
Конфликт как когнитивная схема	60

Субъективная оценка ситуации как условие конфликта	61
Разные феноменологии конфликта и разные объяснительные модели	62
Современные тенденции в подходе к конфликтам: признанное и спорное	64
Доминирование практической ориентации	64
Изменение отношения к конфликтам	64
Позитивные функции конфликтов	66
Определение понятия конфликта	69
Резюме	72
Глава 3. Отдельные виды конфликтов	74
Личностные конфликты	75
А. Р. Лурия: «Природа человеческих конфликтов»	75
В. С. Мерлин: описание психологических конфликтов	76
Мотивационные конфликты	78
Когнитивные конфликты	80
Ролевые конфликты	82
Внутриличностные противоречия и конфликты	83
Межличностные конфликты	85
Психоаналитическая интерпретация	85
Позиция К. Левина: удовлетворение потребностей	86
М. Дойч: зависимость от контекста	87
Конфликты в различных сферах взаимодействия	89
Попытки систематизации	94
Межгрупповые конфликты	95
Мотивационные подходы	95
Ситуационный подход	97
Когнитивные подходы	102
Примеры исследований: соединение подходов	103
Внутригрупповые конфликты	106
Л. Козер: позитивные функции внутригрупповых конфликтов	106
К. Левин: «пространство свободного движения»	108
М. Дойч: зависимость внутригрупповой ситуации от характера взаимосвязей между членами группы	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Н. В. Гришина

Психология конфликта

Предисловие

Сегодня никому не надо доказывать, что проблематика, связанная с изучением конфликтов, имеет право на существование. К проблемам возникновения и эффективного разрешения конфликтов, проведения переговоров и поиска согласия проявляют огромный интерес не только профессиональные психологи и социологи, но и политики, руководители, педагоги, социальные работники – словом, все те, кто в своей практической деятельности связан с проблемами взаимодействия людей.

К сожалению, этот все возрастающий интерес в немалой степени связан и с ростом напряженности в разных сферах социального взаимодействия, с острой потребностью и различных общественных структур, и отдельных людей в практической помощи в разрешении конфликтов.

Мы оказались неподготовленными к этой сложной ситуации. Ориентация на «бесконфликтное» развитие общества делала проблематику конфликтов неперспективной. Это привело не только к ее фактическому исключению из области научного исследования, но и к тому, что в обществе не сформировались механизмы работы с конфликтами. Не хватает подготовленных специалистов, а некомпетентные усилия по преодолению конфликтности лишь усугубляют ситуацию. Попытки копирования опыта зарубежных конфликтологов, особенно в области социальных проблем, естественно, не рассчитанного на универсальное приложение в любых социокультурных условиях, оказываются мало успешными.

В какой-то мере это противоречие – осознание необходимости научного осмысления и практической работы с конфликтами и неготовность к ней – касается и психологов. В то же время проблема конфликтов является фундаментальной для психологической науки. Во многих теоретических подходах психологические конфликты, их характер и содержание становятся основой объяснительных моделей личности. Противоречия, конфликты, кризисы, переживаемые человеком, являются источником развития личности, определяют ее конструктивный или деструктивный жизненный сценарий.

Не меньшую роль они играют и в социальной жизни человека, как в его интерперсональных отношениях, так и в межгрупповом взаимодействии. Таким образом, проблема конфликта проходит через разные области психологического знания.

Нет необходимости говорить о том практическом интересе, который связан с работой с конфликтами. Вся практическая психология с ее разнообразными современными формами работы так или иначе связана с проблемами психологических трудностей человека, в том числе переживаемых и в виде конфликтов.

Несмотря на очевидное значение проблемы конфликтов для психологии, мы не имеем сегодня сколь-нибудь полных изданий, ей посвященных. В какой-то мере это стало следствием уже отмечавшегося недостаточного внимания науки к «негативной» проблематике. Однако, пожалуй, именно фундаментальность проблемы конфликта более всего затрудняет попытки ее освещения. В психологии немало работ, прямо или косвенно посвященных проблеме конфликта; в последние годы они появляются и в отечественной науке. Однако явления конфликта оказались «поделенными» между различными областями психологии – в первую очередь общей психологии, психологии личности, социальной психологии. Необходимость целостного описания конфликта требовала иного, проблемно-ориентированного подхода.

Решение этой задачи представляется не только сложным, но и обреченным на критику неизбежных пробелов и упущений. Занимаясь этой проблемой более двадцати лет, я осознаю это, возможно, лучше других, так же как и отдаю себе отчет в той ответственности, которая сопряжена с подобным изданием. Мною двигало прежде всего убеждение в целесообразности предварительной систематизации имеющихся в этой области представлений, которая необходима для дальнейшего их уточнения, развития идей и практической работы с конфликтами. Именно эту задачу – введение в научный обиход систематизированного материала по психологии конфликта – я и ставила перед собой. Это в какой-то мере и определило жанр книги, в которой мне хотелось отразить наиболее существенные теоретические представления многих замечательных психологов XX века, опыт их работы и достигнутые результаты, хотя из-за объема материала в большинстве случаев это пришлось делать очень кратко.

Данная работа написана прежде всего для психологов, а также всех, кто отдает себе отчет в той огромной роли, которую в конфликтах любого вида играют психологические факторы.

Огромную роль в моей работе сыграла предоставленная мне факультетом психологии Санкт-Петербургского государственного университета возможность чтения цикла лекций по психологии конфликтов, где впервые в стране эта проблематика была введена в учебные программы подготовки психологов. За эти годы менялось само время, менялись и наши представления о конфликтах, но неизменным оставался огромный интерес студентов и доброжелательное отношение коллег. В сущности, именно им, а также многим из тех, кто делился со мной своими личными историями, своими жизненными драмами и победами, помогая лучше понимать сложный и трудноуловимый мир человеческих конфликтов, я обязана тем, что решилась на написание этой книги.

Предисловие ко второму изданию

Подготовка данной книги к новому изданию вызвала у меня смешанные чувства. Внимательно прочитывая страницу за страницей, я имела возможность убедиться в том, что за небольшим исключением весь представленный в тексте материал не утратил своей значимости и даже актуальности, и сегодня я также готова подписаться под каждым высказанным тезисом теоретического или практического характера. Более того, прошедшие годы во многом подтвердили и еще более укрепили меня в моих представлениях. Как автор книги, первое издание которой было сопряжено с большой ответственностью, поскольку в отечественной психологической науке не было работ подобного рода, а потому и немалым волнением, я испытываю большое удовлетворение.

Однако приходится констатировать, что это фактически означает отсутствие значительных изменений в разработке проблематики конфликта – как в теоретическом, так и в практическом аспектах. За прошедшие годы в отечественной психологии не появилось фундаментальных исследований, которые позволяли бы говорить хотя бы о перспективе «прорыва» в области изучения конфликтов. Начиная с 1980-х годов в течение 20 лет в наших ведущих психологических журналах появлялось ежегодно в среднем по одной статье, связанной с данной проблематикой. Если ориентироваться на те же издания, то фактически ничего не изменилось и сейчас: в период с 2001 по 2006 год было опубликовано пять статей. И хотя, безусловно, увеличилось число специалистов, разрабатывающих проблематику конфликтов – прежде всего в практическом плане, приходится признать: первоначальный энтузиазм, связанный с исследованием конфликтов и работой с ними, пожалуй, несколько уменьшился.

Состояние теоретической разработки проблемы конфликтов отражает общее состояние изучения фундаментальных проблем в нашей науке. Высказывания по поводу методологических сложностей и отсутствия серьезного развития теоретических подходов уже стали привычными для отечественной психологии.

Что касается практики работы с конфликтами, и прежде всего относительно новой и актуальной для отечественной психологии работы с конфликтами человеческих отношений – от межличностных до межгрупповых, то ее состояние отражает отсутствие ясных представлений о разнообразии форм практической работы с конфликтами и их релевантности разным формам нарушения отношений, о позитивных и негативных следствиях конфликтов, их последствиях и других важных для практической работы с конфликтами аспектах конфликтной проблематики.

Не вполне, на мой взгляд, оправдались и надежды, связанные с новой для нас и поначалу динамично развивавшейся отечественной конфликтологией. Активно осваивая зарубежный, в основном американский, опыт, она не сумела создать собственное понимание проблематики конфликтов и работы с ними, отражающее и учитывающее особенности отечественной ситуации, ее социальных, культурных, ментальных сторон. Вызывает сожаление, что в целом осознаваемый специалистами междисциплинарный характер изучаемой проблематики не привел, однако, к возникновению необходимых объединений специалистов – прежде всего социологов, философов, психологов, согласованные усилия которых позволили бы наметить столь необходимые для отечественной практики перспективы собственного видения ситуации, проблемы и практики работы.

Разочарование, вызванное недостаточной эффективностью усилий специалистов, приводит к тому, что в столь очевидно перспективной области, как психология конфликта, нет существенного теоретического развития, а подготовка в практической области в основном сводится к тренинговым процедурам.

Впрочем, спрос на книги, посвященные психологии конфликта, заставляет надеяться на то, что отечественная конфликтология переживает всего лишь болезнь роста и любое нетерпение здесь неоправданно.

С надеждой и даже уверенностью в этом издательство «Питер» предпринимает новое издание моей «Психологии конфликта». Что изменилось в этом издании по сравнению с предыдущим?

За прошедшие годы появился ряд работ в области социологии конфликта и конфликтологии, среди которых стоит специально упомянуть «Словарь конфликтолога», выпущенный такими авторитетными специалистами, как А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов. Однако в своей книге мы не стали пересматривать и дополнять разделы, посвященные философской и социологической традиции в исследовании конфликтов, учитывая, что наши интересы лежат в области психологии.

Вместе с тем следует отметить, что мы включили в книгу новые небольшие фрагменты, посвященные книгам С. Мадди и А. Р. Лурия, чтобы привлечь внимание читателей к этим работам как наиболее значительным изданиям прошлых лет в сфере интересующей нас проблематики. И в то же время мы исключили небольшой фрагмент, касающийся организационных конфликтов: область организационной психологии относится к одной из наиболее динамично развивающихся, а это требует ее более основательного и, возможно, отдельного освещения.

Для второго издания также были уточнены некоторые формулировки. Среди прочего стоит подчеркнуть, что список литературы дополнен новыми изданиями; при этом мы не стали сокращать его за счет прежних наименований, чтобы сохранить статус сравнительно полной библиографии в области психологии конфликта.

Судьба моей книги оказалась счастливой: она была востребованной, получила немало хороших отзывов, в том числе и официальных, из которых наибольшее чувство гордости у меня вызывает диплом моего Санкт-Петербургского университета – награда, которая по традиции ежегодно вручается университетским ученым за лучшие научные работы. «Психология конфликта» рекомендована в качестве учебного пособия для студентов психологических факультетов российских вузов. Но, конечно, самое главное – то, что книга пользуется спросом у читателей.

Вполне вероятно, это не последнее издание. Многие из написанного сохраняет свою актуальность и, надеюсь, поможет молодым психологам – начинающим исследователям и практикам. Но если нам придется в дальнейшем многое изменить или переделать – это будет означать, что в области психологии конфликтов действительно произошли изменения. И я искренне желаю этого.

Н. Гришина, доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Введение

Что такое конфликт

Во введении описывается содержание научного и обыденного понятия конфликта и определяются границы его проблемного поля.

- Интерпретация конфликта обыденным сознанием и наукой
- Классификации видов конфликтных явлений
- Научные определения конфликтов
- Признаки конфликтов
- Резюме

Интерпретация конфликта обыденным сознанием и наукой

Понятие конфликта принадлежит как науке, так и обыденному сознанию, наделяющему его своим специфическим смыслом. Каждый из нас интуитивно понимает, что такое конфликт, однако от этого определение его содержания не становится более легким.

В обыденной речи слово «конфликт» используется применительно к широкому кругу явлений – от вооруженных столкновений и противостояния различных социальных групп до служебных или супружеских разногласий. Мы называем конфликтом семейную ссору, военные действия, дискуссии в парламенте, столкновение внутренних мотивов, борьбу собственных желаний и чувства долга и многое другое.

Слово «конфликт» происходит от латинского *conflictus* – столкновение и практически в неизменном виде входит в другие языки (*conflict* – англ., *konflikt* – нем., *conflit* – франц.). Анализ определений конфликта, принятых в различных современных неспециальных энциклопедиях, обнаруживает их сходство. Как правило, содержание понятия конфликта раскрывается через следующие значения.

1. Состояние открытой, часто затяжной борьбы; сражение или война.
2. Состояние дисгармонии в отношениях между людьми, идеями или интересами; столкновение противоположностей.
3. Психическая борьба, возникающая как результат одновременного функционирования взаимно исключающих импульсов, желаний или тенденций.
4. Противостояние характеров или сил в литературном или сценическом произведении, в особенности главная оппозиция, на которой строится сюжет (Grolier Multimedia Encyclopedia, 1998).

Из других изданий (Compton's Interactive Encyclopedia, 1996) к этому можно добавить еще одно значение: эмоциональное напряжение (волнение, беспокойство), возникающее в результате столкновения противоположных импульсов или неспособности согласовать, примирить внутренние импульсы с реальностью или моральными ограничениями.

По мнению составителей «Grolier Multimedia Encyclopedia» (1988), общий синонимический ряд понятия «конфликт» включает *конфликт* (*conflict*), *спор*, *соперничество* (*contest*), *единоборство* (*combat*), *борьбу* (*fight*), *скандал* (*affray*). *Contest* относится как к дружескому соревнованию, так и к враждебной борьбе за достижение цели; *combat*, как правило, употребляется, когда речь идет о вооруженном конфликте; *fight* чаще всего обозначает столкновение индивидуальных соперников; *affray* предполагает публичное столкновение или шумную ссору. В свою очередь, Compton's Interactive Encyclopedia (1996) дает следующую расшифровку этого синонимического ряда: *конфликт* (*conflict*) относится к острому разногласию, столкновению интересов или идей и скорее подчеркивает процесс, чем результат; *борьба* (*fight*) – это наиболее общее слово для любого спора (*contest*), борьбы (*struggle*) или ссоры (*quarrel*), подчеркивающее физическое или рукопашное единоборство; *борьба* (*struggle*) предполагает значительные усилия или жесткие проявления физического или любого другого характера (например, «борьба за существование»); *спор*, *ссора* (*contention*) наиболее часто используется применительно к горячему вербальному спору или диспуту; *соперничество* (*contest*) относится к борьбе – как дружественной, так и враждебной – за превосходство в каком-либо деле. В качестве антонимов предлагаются понятия *согласия* (*accord*) и *гармонии* (*harmony*). В ряде других изданий в данном контексте упоминается также понятие *консенсус*.

Анализ приведенных синонимических рядов показывает, что практически неизменным компонентом значения понятия «конфликт» является столкновение оппозиционных начал, чаще всего – двух. Очевидно, что для описания границ проблемного поля конфликтных явлений этого предельно общего признака недостаточно.

Знакомство с научной литературой также не вносит ясности. Понятие конфликта обрело статус термина сравнительно поздно: так, в изданном в начале века известном трехтомном «Словаре философии и психологии» под редакцией Дж. Болдуина приводится только понятие «конфликт законов» (Dictionary of Philosophy and Psychology, 1901). В дальнейшем проблемное поле понятия интенсивно расширяется. Например, в «Социологическом словаре», вышедшем в ФРГ в период бурного развития конфликтологии, термином «конфликт» обозначались «парламентские дискуссии и гражданская война, мирные тарифные переговоры и забастовка, легкое внутреннее напряжение вследствие известного несогласия между данным лицом и его профессией, психическое заболевание» (Worterbuch der Soziologie, 1969). В качестве различных форм конфликта начинают рассматриваться столкновения отдельных личностей, внутрисемейные трения, конкурентная борьба монополий, гражданские войны, военные перевороты, все типы международных конфликтов, независимо от их характера (Доронина, 1981).

«Дискуссия» в чилийском парламенте
(источник: Международная выставка «Интерпресс-фото 66». Л., 1966)

В психологии понятие конфликта также применяется достаточно широко, фактически адресуясь к весьма разнородным явлениям. Например, «конфликт используется для описания поведения групп, которые идут одна против другой, соперничества между индивидами и субъективной неопределенности внутри индивида» (Costello, Zalkind, 1963, p. 127). Анализ материалов первой отечественной психологической конференции по конфликтам показывает, что конфликтом называют межличностные трудности и внутриличностные переживания и кризисные явления, предмет психотерапевтической работы и столкновение алгоритмов решения учебных задач у ребенка и др. (Конфликт в конструктивной психологии, 1990.) Таким образом, одним и тем же понятием конфликта обозначается широкий спектр явлений.

Понятие конфликта сегодня не принадлежит какой-то одной определенной области науки или практики. В междисциплинарном обзоре работ по исследованию конфликтов А. Я. Анцуповым и А. И. Шипиловым выделяются 11 областей научного знания, так или иначе изучающих конфликты (по степени убывания количества публикаций): психология, социология, политология, история, философия, искусствоведение, педагогика, правоведение, социобиология, математика и военные науки. Анализ исследований конфликта, выполненный на основе изучения публикаций, показал, что в различных областях используются следующие понятия: военный конфликт, художественный конфликт, международный конфликт, региональный конфликт, этнический конфликт, межнациональный конфликт, «сложные конфликты в различных системах», конфликты в коллективах школьников, педагогических коллективах, конфликты в спорте, педагогический конфликт, социальный, трудовой, криминальный конфликт, конфликт поколений, конфликт «личность – группа», моральный конфликт, нравственный конфликт и др. (Анцупов, Шипилов, 1996.)

Однако проблемы, возникающие с определением конфликта, и сегодня не решены. Конфликтологи часто ссылаются на неудачу американских социологов Р. Макка и Р. Снайдера, которые еще более двух десятилетий назад, в период особенно интенсивного развития исследований в области конфликтов, попытались навести порядок в использовании терминов и проанализировали ряд понятий, таких как антагонизм интересов, агрессивность, вражда, конкуренция, социальный раскол и др. Признав, что ни одно из них не является синонимом конфликта, авторы были вынуждены констатировать: «Очевидно, „конфликт“ представляет собой большей частью резиноподобное понятие, которое можно растягивать и полученное использовать в своих целях» (Нечипоренко, 1982, с. 38–39). При этом разные дисциплины наделяют понятие конфликта своим содержанием: экономисты часто отождествляют конфликт с конкуренцией, психологи – с «трудностями», «напряженностями», социологи заменяют им понятия «дебатов», «оппозиции» и т. д. (Доронина, 1981.)

Сегодня многие – особенно западные – конфликтологи высказывают весьма скептическое отношение к возможности (и необходимости) создания единой универсальной теории конфликта, приложимой к разнородным конфликтным явлениям. Похоже, они уже не так озабочены отсутствием точных дефиниций и спокойно относятся к тому, что словом «конфликт» обозначают довольно широкий спектр явлений.

Вместе с тем анализ использования понятия конфликта и разнообразных контекстов его применения показывает, что наряду со словосочетаниями, обозначающими конкретные явления («вооруженный конфликт», «трудовой конфликт», «психологический», «внутренний», «политический» и т. д.), в словарях, энциклопедиях и других справочных изданиях часто встречаются такие образные выражения, как «конфликт возвышенного, аскетического и чувственного понимания любви», «конфликт личности и репрессивного общества», «конфликт между современным обществом и человеческой природой», «конфликт свободной человеческой души и враждебного мира», «конфликт традиционной этики старшего поколения с прагматизмом молодых» и т. д. (Энциклопедия Кирилла и Мефодия, 1998). Добавим к этому такие широко используемые метафоры, как «конфликт природы и цивилизации», «конфликт чело-

века с техникой», «поэзии и прозы жизни», «героя и толпы» и т. д. Эти примеры говорят о необходимости определения – хотя бы в первом приближении – таких признаков или критериев, которые позволяли бы отделять конфликтные явления, подлежащие научному осмыслению и анализу, от нестрогих, образных или метафорических случаев использования понятия конфликта.

Классификации видов конфликтных явлений

Возможно, некоторую ясность внесет знакомство с используемыми в науке классификациями конфликтов, что может помочь при определении проблемного поля конфликтных явлений.

Традиционное выделение видов конфликта основано на различении конфликтующих сторон. Это могут быть, как у К. Боулдинга, конфликты между отдельными личностями, между личностью и группой, между личностью и организацией, между группой и организацией, между разными типами групп и организаций (Boulding, 1962). С. Чейз предложил 18-уровневую структурную классификацию, охватывающую конфликтные явления от внутриличностного и межличностного уровня до конфликтов между государствами, нациями и т. д., вплоть до противостояния Востока и Запада (Chase, 1951). Отечественный исследователь А. Г. Здравомыслов, основываясь на работах Н. Смелзера, приводит следующий ряд уровней конфликтующих сторон.

1. Межиндивидуальные конфликты.
2. Межгрупповые конфликты (при этом выделяются отдельные типы групп):
 - а) группы интересов;
 - б) группы этнонационального характера;
 - в) группы, объединенные общностью положения.
3. Конфликты между ассоциациями (партиями).
4. Внутри- и межинституциональные конфликты.
5. Конфликты между секторами общественного разделения труда.
6. Конфликты между государственными образованиями.
7. Конфликт между культурами или типами культур (Здравомыслов, 1995, с. 105).

Авторы единственного отечественного междисциплинарного обзора по проблемам конфликта предлагают различать три основных типа конфликтов: внутриличностные конфликты, социальные конфликты и зооконфликты. К основным видам социальных конфликтов они относят: межличностные конфликты, конфликты между малыми, средними и большими социальными группами, международные конфликты между отдельными государствами и их коалициями (Анцупов, Шипилов, 1996). В качестве примеров могут быть приведены и другие классификации, которые, различаясь по степени претензий на всеобъемлющий характер, в сущности оказываются довольно близки друг другу по содержанию и выделяемым типам конфликтов.

Не останавливаясь на спорных моментах описанных классификаций, их недостаточной строгости и неясности формулировок, отметим следующее: *понятие «конфликт» относится к широкому кругу разноуровневых явлений, возникающих обязательно «между кем-то и кем-то» или режисе – «между чем-то и чем-то»*. Примерами последнего является противостояние между Востоком и Западом (Чейз) и конфликт между культурами или типами культур (Здравомыслов). В этих случаях сторонами конфликта фактически выступают не определенные субъекты взаимодействия, а социальные образования или явления, не имеющие границ и конкретного носителя. Достаточно редко в классификации конфликтов включают зооконфликты. А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов аргументируют целесообразность включения зооконфликтов в сферу изучения конфликтологии тем, что «невозможно всесторонне оценить поведение человека в конфликте, не учитывая его биологическую природу»: «Та часть мотивов, которую человек в конфликте либо не осознает, либо маскирует, в зооконflikте выступает в свободном от социальных наслоений виде» (Анцупов, Шипилов, 1999, с. 97). Современная психология, по крайней мере в ее гуманистическом варианте, отвергает правомерность параллелей между психическими проявлениями людей и животных, равно как и возможность переноса данных,

полученных при изучении животных, на человеческую психику. Исходя из этого, вышеуказанные аргументы вряд ли нашли бы поддержку у большинства психологов.

Таким образом, анализ принятых в науке и предлагаемых классификаций конфликтов обнаруживает, что к конфликтам относят разноуровневые явления широкого диапазона. Однако проблемное поле их исследования остается не вполне определенным: наряду с конфликтами, имеющими конкретных субъектов взаимодействия, классификации могут включать явления, не принадлежащие к конкретной социальной структуре (конфликт культур), а также те, социальный характер которых нуждается в обосновании (зооконфликты) и т. д.

Научные определения конфликтов

Выше уже упоминались неудачные попытки западных ученых упорядочить разнообразие определения конфликта. И это действительно непросто, ведь, как пишет Ф. Е. Василюк, «если задаться целью найти дефиницию, которая не противоречила бы ни одному из имеющихся взглядов на конфликт, она звучала бы абсолютно бессодержательно: конфликт – это столкновение чего-то с чем-то» (Василюк, 1984, с. 42).

Как решают для себя эту задачу конфликтологи? Один из возможных вариантов определения конфликта основан на его философском понимании, в соответствии с которым он описывается как «предельный случай обострения противоречия» (Философская энциклопедия, 1964, с. 55). Тогда, например, социальный конфликт может быть определен как «предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в столкновении различных социальных общностей – классов, наций, государств, социальных групп, социальных институтов и т. п., обусловленном противоположностью или существенным различием их интересов, целей, тенденций развития» (Социологический словарь, 1991, с. 80). А. Г. Здравомыслов, автор фундаментальной работы по проблемам социологии конфликта, пишет, что «конфликт – это важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточка социального бытия. Это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями» (Здравомыслов, 1995, с. 94). Данная формулировка вызывает вопрос: является ли это противостояние объективным, могущим быть установленным извне, или субъективным, проистекающим из оценок участвующих сторон? Р. Дарендорф, наиболее известный западный исследователь социального конфликта, определяет его как «любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные („латентные“) или субъективные („явные“) противоположности» (Степаненкова, 1994, с. 141). Получается, что вопрос объективности-субъективности, осознанности-неосознанности противоположностей не значим с точки зрения возникновения конфликта, однако неясно, что такое «любое отношение».

«Психологический словарь» определяет конфликт как «трудно разрешимое противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями» (Психологический словарь, 1983, с. 161). При этом в качестве его форм выделяются внутриличностные, межличностные и межгрупповые конфликты. Определения психологических конфликтов будут далее предметом нашего специального внимания, однако очевидно, что формулировки, подобные приведенной, не дают ответа на вопрос о содержании конфликта, а скорее провоцируют новые вопросы: что значит «трудно разрешимое» или, например, «острые переживания»? А. Я. Анцупов и А. И. Шпилов предлагают следующее определение: «Под конфликтом понимается наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями» (Анцупов, Шпилов, 1999, с. 8). Если наличествует противодействие, но отсутствуют негативные чувства или, наоборот, негативные эмоции переживаются, но нет противодействия, то такие ситуации считаются предконфликтными. Тем самым предложенное понимание конфликта предполагает в качестве его обязательных компонентов негативные чувства и противодействие субъектов. При этом под данное определение подпадают, по мнению авторов, и зооконфликты, в которых имеет место социальное (в широком смысле) взаимодействие между животными. Непонятно, однако, согласуются ли с данным определением внутриличностные конфликты, характеризуются ли они признаками социального взаимодействия и противостояния субъектов. Неясно также, следует ли считать, что конфликт как спо-

соб разрешения противоречий обязательно предполагает их разрешение или, по крайней мере, направленность на разрешение.

В более позднем издании А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов приводят следующее определение: конфликт – это «наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, а также борьба подструктур личности» (2006, с. 158).

В данном определении обращает на себя внимание сдвиг в позиции авторов в сторону оценки конфликта как деструктивного явления во взаимодействии, что, естественно, предполагает необходимость избегания конфликтов.

Б. И. Хасан, один из известных отечественных исследователей конфликта, предлагает следующее понимание конфликта: «Конфликт – это такая характеристика взаимодействия, в которой не могущие сосуществовать в неизменном виде действия взаимодействуют и взаимозаменяют друг друга, требуя для этого специальной организации. При этом важно учитывать, что действие можно рассматривать и во внешнем, и во внутреннем плане. Вместе с тем любой конфликт представляет собой актуализировавшееся противоречие, т. е. воплощенные во взаимодействии противостоящие ценности, установки, мотивы. Можно считать достаточно очевидным, что для своего разрешения противоречие непременно должно воплотиться в действиях в их столкновении. Только через столкновение действий, буквальное или мыслимое, противоречие себя и являет» (Хасан, 1996, с. 33). В этом определении в качестве составляющих конфликта можно выделить такие его компоненты, как наличие противоречия и столкновение, при этом сам конфликт рассматривается прежде всего как характеристика взаимодействия.

Анализ этих и других определений показывает, что при всей близости характеристик, описываемых в качестве компонентов или признаков конфликта, ни одно из определений не может быть принято в качестве универсального либо в силу ограниченности охватываемых им явлений лишь частью конфликтной феноменологии, либо из-за многозначности используемых формулировок.

Признаки конфликтов

Сравнение и анализ различных определений конфликта позволит выделить его инвариантные признаки и хотя бы в первом приближении ограничить его проблемное поле.

Авторы большинства существующих определений конфликта сходятся относительно лежащего в его основе «столкновения» (синонимами которого могут также выступать «несовместимость», «борьба», «разногласия» и т. д.). Любой конфликт, независимо от его характера, конкретного содержания и вида, обязательно содержит в себе момент противостояния, «противоборства». Вооруженное столкновение соседних государств, семейная ссора, служебный конфликт, забастовка на предприятии, личная драма – во всех этих конфликтах присутствует столкновение противоречивых или несовместимых интересов, позиций, тенденций и т. д.

Что означает это «столкновение чего-то с чем-то»? Прежде всего, оно предполагает наличие противоречащих друг другу начал. Тема «бинарности» или «поляризма» хорошо знакома философии, в различных формах обращавшейся к ней на разных этапах своего развития. Для нас важно, что эти «полюса», как подчеркивают философы, взаимно предполагают друг друга – как левое и правое, добро и зло, высокое и низкое и т. д. Это означает, что их противостояние становится возможным только во взаимодействии, другими словами, противоречие не может существовать само по себе, вне своих конкретных носителей. В контексте проблемы определения конфликтов это свойство может быть обозначено как **биполярность**, что означает и взаимосвязанность и взаимопротивоположность одновременно. Истинная точка зрения может существовать, только если с ней сосуществует ложная. Противостояние интересов предполагает наличие двух противоречащих друг другу или несовместимых интересов. Борьба мотивов также возможна только при их множественности.

Биполярность как особенность конфликта, видимо, характерна и для случаев более широкого социального противостояния. Например, один из видных современных теоретиков в области социологии конфликта Р. Дарендорф считает, что любой конфликт сводится к «отношениям двух элементов». Даже если в конфликте участвует несколько групп, между ними образуются коалиции, и конфликт вновь приобретает биполярную природу (Дарендорф, 1994, с. 142).

Однако сама по себе биполярность еще не означает столкновения двух разных начал. Их подлинная противоположность обнаруживает себя не просто в их сопоставлении, но в их противостоянии, предполагающем «борьбу», активное взаимодействие, направленное на преодоление разделяющего их противоречия. Южный и Северный полюсы, при всей их полярности, «полюсности» в буквальном смысле слова, не находятся в конфликте друг с другом.

Конфликт обнаруживает себя в «борьбе» его разных сторон, которая завершается разрешением или снятием этого противоречия. Г. Зиммель утверждал, что «конфликт... предназначен для решения любого дуализма, это – способ достижения своеобразного единства, даже если оно достигается ценой уничтожения одной из сторон, участвующих в конфликте» (Зиммель, цит. по: Тернер, 1985, с. 131). Таким образом, наряду с биполярностью, являющейся носителем противоречия, в качестве обязательного атрибута конфликта выступает **активность, направленная на преодоление противоречия**.

Еще один критерий, на основании которого мы можем охарактеризовать явление конфликта, – это **наличие субъекта или субъектов как носителей конфликта**. Действительно, «столкновение» как ядро конфликта предполагает осознанную активность сторон. Это согласуется с традицией философского понимания противоречий и их развития, согласно которой, например, в природных противоречиях не бывает фазы конфликта: «Конфликт как фаза противоречия возможен лишь тогда, когда его стороны представлены субъектами. Где субъекта нет – не может быть конфликта» (Штракс, 1977, с. 26). Это означает, что находиться в

конflikте можно только с кем-то – с другой группой, с другим человеком, с самим собой. То, что конфликт требует наличия субъекта или субъектов, представляющих его стороны, предполагает возможность (по крайней мере, потенциальную) активных и осознанных действий со стороны данных субъектов. Этим конфликт отличается от противоречия, стороны которого не обязательно должны быть представлены субъектами.

Принятие этой точки зрения ограничивает проблемное поле конфликта «человеческими» явлениями. Тем самым мы отделяем от научного понимания конфликта его метафорические значения: нельзя находиться в конфликте с природой или техникой, поскольку они не могут вступать в активное и осознанное взаимодействие с нами. Когда же речь идет, например, о «конflikте добра и зла», то, в сущности, он всегда реализуется в каких-то персонализированных формах и противостоянии конкретных людей или групп. Кроме того, признак «субъектности» исключает конфликты между животными, ограничивая их «соперничество» или «конкуренцию» явлениями борьбы, поскольку, на наш взгляд, специфика биологических форм не дает возможности использовать применительно к ним термин «конflikт». Между тем в работах биологов нередко встречается понятие конфликта. Например, Д. Мак-Фарленд упоминает о конфликтах животных, хотя при этом речь фактически идет об инстинктивном поведении (Мак-Фарленд, 1988). Ранняя психологическая традиция допускала в исследовательских целях использование результатов экспериментирования на животных в объяснительных моделях человеческого поведения. Ж. Нюттен, анализируя психологические исследования конфликта, приводит в качестве примеров эксперименты классического типа на животных (Экспериментальная психология, вып. 5, 1976, с. 71–75). Однако современные гуманитарные науки, включая психологию, исходят из несводимости сложных форм человеческого поведения к биологическим схемам. В том, что конфликт относится к одному из самых сложных явлений психической жизни человека, нам придется все более убеждаться по мере описания его феноменологии.

Сопоставим предложенное нами первичное понимание конфликта с диалектической традицией, в рамках которой Гегель дал классическое описание «разворачивания» противоречия: «... Действие начинается, собственно говоря, лишь тогда, когда выступила наружу противоположность, содержащаяся в ситуации. Но так как сталкивающееся действие нарушает некоторую противостоящую сторону, то этим разладом оно вызывает против себя противоположную силу, на которую оно нападает, и вследствие этого с акцией непосредственно связана реакция... Теперь противостоят друг другу в борьбе два вырванных из их гармонии интереса, и они в своем взаимном противоречии необходимо требуют некоего разрешения». Несмотря на то что конфликт является частным случаем противоречия и потому более специфичен, выделенные нами признаки конфликта вполне согласуются с гегелевским пониманием противоречия.

Таким образом, при первоначальном рассмотрении конфликт выступает как биполярное явление – противостояние двух начал, проявляющее себя в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, причем стороны конфликта представлены активным субъектом (субъектами).

Дальнейшее развитие и применение этого термина определяется тем, в каких сферах бытия и познания развертывается противоречие, каков характер противостоящих друг другу сторон, как происходит их взаимодействие и т. д.

Уже упоминавшийся обзор исследований конфликта (Анцупов, Шипилов) позволяет выделить в качестве наиболее значительных (по длительности существования и количеству работ) философско-социологическую и психологическую традиции изучения конфликта. Возможно, их анализ позволит нам уточнить определение конфликта и границы его проблемного поля, а также расширить понимание природы конфликтов, перейдя к описанию их феноменологии.

Резюме

1. Понятие конфликта принадлежит науке и обыденному сознанию.
2. Анализ содержания понятия конфликта обнаруживает, что и в обыденной речи, и в науке оно применяется для обозначения широкого круга явлений от внутриличностного до социального уровня, используется в разнообразных контекстах, а также в метафорическом значении.
3. Понятием конфликта пользуются разнообразные научные дисциплины, в зависимости от своих интересов акцентирующие внимание на разных видах конфликтов, а иногда и придающие данному понятию специфическое значение.
4. Классификации конфликтов обычно подчеркивают их разноуровневый характер. При этом широта предметного поля затрудняет корректное определение конфликта, релевантное всем его видам.
5. Анализ и сравнение разных определений конфликта позволяет выделить в качестве инвариантных такие его характеристики, как биполярность, активность, направленная на преодоление противоречий, субъектность (наличие субъекта или субъектов как носителей конфликта).
6. Выделение инвариантных характеристик конфликта позволяет наложить ограничение на рамки его предметного поля. Конфликт – это биполярное явление (противостояние двух начал), проявляющее себя в активности сторон, направленной на преодоление противоречий, причем стороны представлены активным субъектом (субъектами).
7. Наиболее продолжительными и развитыми в науке являются философско-социологическая и психологическая традиции, рассмотрение которых может способствовать уточнению понятия конфликта, а также его предметной области.

Часть I. Основы изучения конфликтов

Первая часть посвящена тем основам, которые необходимы для понимания феноменологии конфликтов. Даже если психолога прежде всего интересуют практические вопросы разрешения конфликтов, ему важно представлять себе разные подходы к интерпретации конфликтов, отдельные виды конфликтов и возможности их исследования. В главе 1 описывается философско-социологическая традиция изучения конфликтов – наиболее продолжительная в науке. Изменение отношения к конфликтам в социальных науках оказало влияние на гуманитарную мысль в целом, в том числе и в психологии. В главе 2 – «Психологическая традиция изучения конфликтов» – рассматриваются различные подходы к пониманию конфликтов в психологии, в совокупности описывающие многообразие конфликтных явлений, которым посвящена глава 3 – «Отдельные виды конфликтов». Глава 4 описывает методы изучения конфликтов, без которых знания профессионального психолога о конфликтах были бы неполными.

Глава 1. Философско-социологическая традиция изучения конфликтов

В этой главе описывается эволюция представлений о конфликтах, в ходе которой первоначальное их отождествление с явлениями борьбы в обществе и негативная оценка как патологии социального организма сменяется их признанием в качестве естественного элемента общественной системы. Утверждение нового взгляда на конфликты приводит сначала к выделению особой области исследований – социологии конфликта, а впоследствии и к формированию конфликтологии, интегрирующей теоретические исследования конфликтов в различных научных дисциплинах и выдвигающей принципиально новые задачи по управлению конфликтами.

- Борьба в человеческом обществе: социал-дарвинизм
- Функциональная («равновесная») модель
- «Конфликтная модель»
- К. Маркс и Г. Зиммель: социология конфликта
- Р. Дарендорф и Л. Козер: начало конфликтологии
- Конфликтный функционализм: позитивные функции конфликтов
- Победа теоретиков конфликта
- Становление конфликтологии
- Изучение конфликтов в отечественной науке
- Как сегодня понимаются конфликты
- Резюме

Разнообразие видов, конкретных форм и содержания конфликтов делает их предметом внимания самых разнообразных областей знания – от военных наук и правоведения до искусствоведения и психологии. Особое место, однако, занимают среди прочих дисциплин философия и социология.

Перефразируя известное высказывание Г. Эббингауза о психологии, можно сказать, что изучение конфликтов в общественных науках имеет длинное прошлое и краткую историю. С одной стороны, философия с давних времен искала ответы на вопросы о законах сосуществования людей и народов, о причинах войн, вражды, раздоров, столкновений, с другой – лишь в XX веке появляется научно обоснованный подход к изучению конфликтов и работе с ними. Естественно, что для социологии, исследующей процессы возникновения, развития и взаимодействия социальных структур, конфликт представляет особый интерес. Интерес социальных наук к конфликтам связан с двумя главными вопросами: 1) какое влияние оказывают конфликтные явления и отношения на социальные структуры и различные аспекты человеческого взаимодействия и 2) как изучение и понимание конфликтов помогает пролить свет на происхождение, развитие и последствия войн, революций, забастовок и напряженностей (The Social Science Encyclopedia, 1985, p. 146).

По мнению видного конфликтолога К. Боулдинга, общий диапазон представлений ученых относительно роли и места конфликта в динамике жизни общества представляет собой некий континуум подходов: на одном его полюсе находятся те, которые рассматривают развитие общества в целом почти исключительно через борьбу и конфликт (в особенности через классовый конфликт); на противоположном полюсе оказываются подходы социальных ученых-эволюционистов, считающих конфликт значимым, но все же второстепенным аспектом общей динамики развития общества; промежуточное положение занимают специалисты в области политической и экономической истории (Boulding, 1986).

Борьба в человеческом обществе: социал – дарвинизм

Ранняя социологическая традиция в своем описании природы человеческого общества, его структуры и процессов часто исходила из идеи универсальности законов живой природы, усматривая аналогии между социальным обществом и животным миром, между жизнедеятельностью социума и человеческого организма. Неудивительно, что истоками последующего исследования конфликтов в философской и социологической традиции стало рассмотрение процессов борьбы в обществе.

Борьба не является порождением людей. Наиболее законченное описание процессов борьбы и ее роли в животном мире принадлежит, конечно, Ч. Дарвину (и А. Уоллесу). Оно построено на идеях естественного отбора, в основе которого лежит борьба за существование, обеспечивающая выживание наиболее приспособленных особей. Борьба как средство выживания связана с соперничеством за пропитание, территорию, особь противоположного пола или со стремлением к более высокому месту в иерархической структуре своей группы (Анцупов, Шпилов, 1996, с. 30).

Другая форма, в которой находит свое выражение борьба, – это игровое взаимодействие животных. И. Хейзинга пишет об играх животных с элементами состязательности, имитирующих борьбу: щенята хотя и «притворяются ужасно злыми», но соблюдают правила: «нельзя, например, партнеру по игре прокусывать ухо». При этом, «играя», они испытывают «огромное удовольствие и радость» (Хейзинга, 1992, с. 10).

Люди получили в наследство от животного мира те же формы борьбы. Стремление к состязательности породило спорт, рыцарские турниры, интеллектуальные игры, разнообразные конкурсы и даже, по мнению некоторых специалистов, «политические игры». По К. Боулдингу, одной из форм существования конфликта в обществе является так называемый «ритуальный конфликт», примерами которого он считает спорт и демократические выборы. Спорт – это конфликт, в нем имеют место и выигрыш и проигрыш, однако он носит ритуальный характер в силу использования многочисленных правил и запретов. При этом необходимо наличие элемента случайности в том, кто выигрывает и кто проигрывает, поскольку если бы, например, одна команда все время выигрывала, то спорт потерял бы всякий смысл. С точки зрения Боулдинга, демократические выборы родственны спорту, поскольку также включают в себя элементы ритуального конфликта (Boulding, 1986).

В свою очередь борьба, в основе которой лежат проблемы выживания (территория, пропитание, естественные ресурсы, власть и т. д.), приобрела характер войн, вооруженных конфликтов, дуэлей, забастовок и другие самые разнообразные формы.

Не все разделяли точку зрения на человеческие проблемы как на аналог борьбы за существование в животном мире. В частности, определенную известность приобрела работа П. Кропоткина «Взаимная помощь как фактор эволюции» (1902), где он писал: «...Практика взаимной помощи и ее последовательное развитие создали сами условия общественной жизни, благодаря которым человек смог развить свои ремесла и искусства, свою науку и свой разум; и мы видим, что периоды, когда институты, имевшие целью взаимную помощь, достигали своего высшего развития, были также периодами величайшего прогресса в области искусств, промышленности и науки» (Кропоткин, 1918).

Современный конфликтолог К. Боулдинг также считал, что «борьба за существование», о которой писал Ч. Дарвин, – это скорее вводящая в заблуждение метафора, поскольку в действительности речь идет о взаимодействиях, направленных не столько на уничтожение «конкурентов», сколько на поиск оптимальной экологической ниши, обеспечивающей сосуществование и выживание животных (Boulding, 1986).

И все же описание социальных процессов в обществе под углом зрения борьбы за существование приобрело некоторую популярность в ранней социологии и стало основанием возникновения школы социал-дарвинизма. Понятием социал-дарвинизма обозначают представления, в соответствии с которыми человеческое общество интерпретируется прежде всего в системе биологических понятий, опирающихся на законы естественного существования.

Один из представителей этой школы Л. Гумплович (1838–1909), автор книги «Расовая борьба», рассматривал общество как совокупность «групп людей, беспощадно борющихся между собой за влияние, выживание и господство» (История социологии, 1993, с. 60). В основе всех общественных процессов лежит стремление людей к удовлетворению собственных материальных потребностей, которое, по мнению автора, неизбежно сопряжено с применением насилия и принуждения. Соответственно социальная жизнь представляет собой процесс группового взаимодействия, основной формой которого является борьба. Фундаментальные причины такого положения вещей коренятся в том, что «людям от рождения присуща взаимная ненависть, определяющая отношения между группами, народами, племенами и расами» (Гумплович, 1899, с. 79). Следствием этого является неустранимость конфликтов из жизни общества, по мере развития которого меняются лишь их формы.

Теория борьбы за существование стала предметом рассмотрения и другого представителя социал-дарвинистского направления в социологии – Г. Ратценхофера (1842–1904). И борьба за существование, и абсолютная враждебность рас входят, по его мнению, в число основных процессов и явлений социальной жизни, а базовым законом социологии должно быть «приведение во взаимное соответствие индивидуальных и социальных интересов». Еще один социал-дарвинист – У. Самнер (1840–1910) – считал естественный отбор и борьбу за существование неизбежными и универсальными условиями социальной жизни. Теоретические описания А. Смолла (1854–1926) строятся вокруг категории «интерес», которую он предлагал считать основной единицей социологического анализа, а основным социальным конфликтом в обществе, соответственно, конфликт интересов.

Благодаря работам Л. Гумпловича, Г. Ратценхофера, У. Самнера, А. Смолла и др. конец XIX – начало XX века иногда считается начальным периодом в изучении конфликтов, заложившим основы школы социального конфликта в социологии (Беккер, Босков, 1961). В соответствии с представлениями этой школы конфликт отождествляется с борьбой, которая, в свою очередь, рассматривается как форма (и возможно, основная) социального взаимодействия.

Между борьбой и конфликтом действительно много общего, что подтверждается обращением к содержанию понятия борьбы, например, в толковом словаре В. Даля.

Борьба

Усилие одолеть противника, состязание двух сил; единоборство без оружия и без побоев и драки, где противники, только стараются побороть друг друга, свалить с ног; духовное усилие или состязание на одоление чего-то; внутреннее борение, разлад ума и сердца.

В.И.Даль

Ближние значения понятия «борьба» приводятся в Grolier Multimedia Encyclopedia (1999 г): – конфронтация между противостоящими группами, в которой каждая пытается нанести ущерб другой или взять над ней верх, в том числе и с помощью оружия; ссора или конфликт; физическое столкновение между двумя или более индивидами, включая спортивную борьбу и т. д.

Борьба, судя по контексту употребления этого понятия, – это борьба с чем-то или с кем-то («с врагом», «с грызунами», «с безумием», «с плотью», «с контрреволюцией» и др.), или против кого-то («против атомной угрозы», «против власти», «против крестоносцев»), или между кем-то и чем-то («между государствами», «между добрым, светлым началом и темным»,

«между единицами наследственности» и др.). В борьбе присутствует то же противостояние, что и в конфликте, и она также предполагает активное действие, усилия, направленные на разрешение некоторого противоречия. В то же время борьба, опять-таки судя по контексту, не обязательно имеет определенного оппонента и может быть просто борьбой «за что-то»: «за жизнь на Земле», «за уборку урожая», «за счастье», «за идеализм», «за новую жизнь» и т. д. (все примеры приводятся по «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия»). Если же вернуться к пониманию борьбы в раннесоциологических построениях, когда ее источники усматривались в инстинкте борьбы и во врожденно присущей человеку враждебности к другим, то она скорее превращается в борьбу всех со всеми.

Таким образом, понятия борьбы и конфликта не вполне совпадают по содержанию. Борьба, как и конфликт, в качестве необходимого компонента включает в себя активные усилия, направленные на решение имеющейся проблемы, однако как форма социального поведения она не всегда имеет строго направленный характер и ясного «противника» (хотя и может при конкретном взаимодействии персонифицироваться). Эта неопределенность, а часто и откровенная метафоричность в употреблении понятия борьбы, видимо, и стали препятствием на пути превращения этого понятия в научный термин.

Понятие же конфликта начинает занимать все более прочное место в теоретических описаниях социологов, а явления конфликта – привлекать их самое пристальное внимание.

Функциональная («равновесная») модель

Считается, что с точки зрения понимания устройства общества и его структуры социологи придерживаются одной из двух принципиальных позиций: теории функционализма и теории конфликта (иногда их также называют «равновесной» и «конфликтной» моделями).

Первоначальные попытки социологов создать общую социологическую теорию основывались на равновесных моделях общества, на представлениях об относительно стабильной и интегрированной природе его устройства. Позиция функционализма (исторически более ранняя) первоначально была сформулирована Гербертом Спенсером, затем развита не менее известным ученым Эмилем Дюркгеймом и продолжает находить своих последователей и сегодня.

Основные принципы функционализма

1. Общество – это система частей, объединенных в единое целое.
2. Общественные системы сохраняют устойчивость, поскольку в них существуют внутренние механизмы контроля.
3. Дисфункции существуют, но они преодолеваются сами по себе или в конце концов укореняются в обществе.
4. Изменения обычно имеют постепенный, а не революционный характер.
5. Социальная интеграция или ощущение, что общество является крепкой тканью, сотканной из различных нитей, формируются на основе согласия большинства граждан страны следовать единой системе ценностей. Эта система ценностей – самый устойчивый остов общественной системы (Смелзер. 1994, с. 24).

«Равновесная» модель исходит из предположения о функциональном единстве, т. е. гармоничном соответствии и внутренней согласованности различных частей социальной системы. При этом социальный конфликт рассматривается как некая патология в существовании социальных систем. Только если по тем или иным причинам их внутренняя гармония нарушается, возможно возникновение рассогласований и конфликтов.

Подобной точки зрения, в частности, придерживался Т. Парсонс, идеи которого нередко оцениваются как наивысшее достижение функционалистского направления в социологии. Для Парсонса конфликт деструктивен, дисфункционален и разрушителен. Слову «конфликт» Парсонс предпочитает термин «напряжение» (*tension* или *strain*), рассматривая конфликт как «эндемическую» форму болезни социального организма. Озабоченность возможностями социального контроля над конфликтами и их минимизации привела Парсонса к убеждению, что психоаналитики и другие специалисты по психическому здоровью могут играть значительную роль в уменьшении социальных отклонений. По мнению Л. Козера, социологи этой генерации были ориентированы на обеспечение поддержания порядка, «равновесия», «сотрудничества», что, например, стало программным положением для Э. Мейо и его школы индустриальной социологии. Анализ конфликта начинает подменяться изучением неэффективного функционирования и психологической неприспособленности (Cosser, 1956, p. 15–31).

Конфликты – вражда, междоусобицы, соперничество и их наиболее острые формы, такие как вооруженные столкновения и войны, – всегда описывались в учебниках истории в ряду национальных бедствий, таких как эпидемии болезней, голод, стихийные бедствия, разруха и др. Естественно, что в контексте идей согласия, стремления к внутренней интеграции конфликты не могли рассматриваться иначе как «аномалии», которые должны и могут быть исключены из жизни общества при его более правильном и разумном устройстве.

«Конфликтная модель»

Однако реалии социальной жизни доказывали, что эти так называемые «отклонения» встречаются слишком часто, чтобы рассматривать их как некое досадное исключение из правил или «ненормальность».

Уточняя структурно-функционалистскую модель общества, Р. Мертон прежде всего критиковал идею «функционального единства общества», вопреки которой не однородность и единодушие, но конфликт ценностей и столкновения культур являются типичными для современного общества (Боглинд, 1993, с. 54–55). Таким образом, идее «социального равновесия» была противопоставлена идея «социального изменения» (Танчер, 1994, с. 267), которая в литературе также часто именуется «конфликтной» моделью, или «теорией конфликта».

Основные тезисы теории конфликта Дарендорфа

1. Главными отличительными чертами любого общества являются господство, конфликт и подчинение.

2. Общественная структура основана на власти одних групп людей над другими, например предпринимателей над рабочими, офицеров над солдатами, преподавателей над студентами и т. д.

3. У каждой из таких групп есть общие интересы независимо оттого, осознают их входящие в такие группы или нет; интересы членов разных групп различны и противоположны. Например, может возникнуть конфликт между деловыми людьми, стремящимися к повышению своих доходов, и активистами движения в защиту окружающей среды, которые борются за очищение воздуха и воды.

4. Когда люди осознают свои общие интересы, они образуют общественный класс, который может обнаружить себя в форме профсоюзного движения, лобби политической партии и т. д.

5. Классовый конфликт обостряется, если:

а) почти вся власть сосредоточена в руках нескольких людей, а остальные почти полностью лишены ее;

- б) те, кто лишен власти, не имеют возможности ее получить;
- в) люди могут свободно организовывать политические группы (Дарендорф. 1959, цит. по: Смелзер, 1994, с. 26).

Таким образом, для функционалистов общество – это устойчивое единое целое, главным элементом которого является согласие его членов в отношении общих ценностей. Сторонники теории конфликта, напротив, исходят из того, что в обществе постоянно происходят изменения и возникают конфликты, в том числе связанные и с подавлением одних членов общества другими.

Модель конфликта и модель согласия изначально были ценностно окрашены. Даже социал-дарвинисты, признававшие «естественный» характер происхождения конфликтов, расходились во мнении относительно того, являются ли конфликты «неизбежным злом» или «позитивным фактором естественного отбора» (Социальные конфликты..., 1991, с. 36–37). В то же время для большинства социологов перспектива устранения напряженных ситуаций из жизни общества представлялась, бесспорно, гораздо более привлекательной, а значит, и конфликты рассматривались главным образом как временное негативное явление, вызванное «неправильностями» в общественном устройстве. Усилия ученых были сосредоточены на поиске возможностей избегания конфликтов. Сами конфликты интересовали их гораздо меньше.

К. Маркс и Г. Зиммель: социология конфликта

Наиболее сильными выразителями оппозиционной точки зрения были Карл Маркс (1818–1883) и Георг Зиммель (1858–1918), идеи которых, развитые последователями, фактически заложили основание современной конфликтологии.

Первоначальное формирование теории конфликта как определенной системы воззрений на природу общества, его устройство и развитие произошло, по общему признанию, под непосредственным влиянием работ Карла Маркса. К. Маркс является признанным предшественником современной конфликтологии, его идеи во многом разделяет большинство конфликтологов. Его основные тезисы, повлиявшие на возникновение «конфликтной» модели общества, связаны с постулированием неизбежности классовой борьбы, возникающей в обществе в силу его разделенности на враждующие классы (эксплуататоров и эксплуатируемых), а классовая борьба между ними становится главной движущей силой истории. Конфликты связаны с противоположными интересами социальных групп и берут свое начало в отношениях собственности и ее распределения. К. Маркс не считал себя «первооткрывателем» явления классовой борьбы:

«...Мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов» (Маркс, 1962, с. 424–427).

И хотя сам К. Маркс ограничивает новизну сделанного им доказательством ряда положений, связанных с существованием классов и их постепенным уничтожением, полнота и глубина его описания и анализа классовой борьбы обеспечили ему приоритетное место в ряду исследователей этой проблематики. Даже в 70-80-х годах нашего века К. Маркс все еще продолжал считаться не просто известным, но наиболее значительным теоретиком конфликта, а его идеи оказали и продолжают оказывать влияние на многие представления современной конфликтологии. Как указывает Н. Смелзер, «теория конфликта сформировалась главным образом на основе произведений Карла Маркса» (Смелзер, 1994, с. 25). Заслуги К. Маркса усматриваются не столько в выдвижении каких-то конкретных идей или решений проблем, но в создании

«социологии классовой борьбы» (Арон, 1993, с. 194), в том, что его идеи «бросают прямой вызов допущениям, приписываемым функционализму, и служат интеллектуальным трамплином для конфликтной альтернативы социологического теоретизирования» (Тернер, 1985, с. 128).

Другим классиком, имя которого в истории конфликтологии обычно соседствует с именем Маркса, является немецкий философ Г. Зиммель, научное наследие которого оценивается столь высоко, что его иногда считают одним из основоположников современной социологии в целом¹.

Одни только филистеры могут полагать, что конфликты и проблемы существуют для того, чтобы быть разрешенными. И те и другие имеют в обиходе и истории жизни еще и другие задачи, выполняемые ими независимо от своего собственного разрешения. И ни один конфликт не существовал напрасно, если время не разрешит его, а заменит его по форме и содержанию другим. Правда, все указанные нами проблематические явления слишком противоречат настоящему, чтобы оставаться неподвижными в нем, и свидетельствуют с несомненностью о нарастании более фундаментального процесса, имеющего иные цели, чем одно только вытеснение существующей формы вновь образуемой. Ибо едва ли мост между предыдущим и последующим культурных форм был столь основательно разрушен, как теперь, когда осталась одна бесформенная сама по себе жизнь, имеющая заполнить образовавшийся пробел. Столь же несомненно она имеет своей целью создание новых форм, более соответствующих силам настоящего – быть может, сознательно задерживая наступление открытой борьбы – и заменяющих лишь старую проблему новой, один конфликт другим. Так выполняется настоящее предназначение жизни, которая есть борьба в абсолютном смысле, охватывающем относительное противопоставление борьбы и мира. Абсолютный же мир, который, быть может, также возвышается над этим противоречием, остается вечной мировой тайной.

Г. Зиммель

Подобно Марксу, Зиммель полагал, что конфликт в обществе неизбежен, и считал одной из его основных форм конфликт между индивидом и обществом (*The Sociology of Georg Simmel*, 1950). Зиммелю приписывается и авторство самого термина «социология конфликта», и приоритет в ее основании. В отличие от Маркса Зиммель проявлял интерес к более широкому спектру конфликтных явлений, описывая конфликты и между этническими группами, и между разными поколениями людей и культурами, и между мужчинами и женщинами, и т. д. Но главное отличие социологии конфликта Зиммеля от идей Маркса – это вера в то, что конфликт может приводить к социальной интеграции и, обеспечивая выход враждебности, усиливать социальную солидарность. Конфликт, по Зиммелю, не всегда и не обязательно приводит к разрушениям; напротив, он может выполнять важнейшие функции сохранения социальных отношений и социальных систем. Зиммелем сформулирован ряд положений, связанных с функциями конфликта, касающимися участвующих в конфликте сторон, а также социального целого, в рамках которого развивается конфликт.

Несмотря на «социологическое происхождение» идей Зиммеля, конфликт понимается им не просто как столкновение интересов, но более психологизированно, как выражение

¹ В юбилейном издании американского социологического журнала, посвященного столетию со дня рождения Зиммеля, его даже называют «Фрейдом в исследовании общества», проводя параллель между плодотворностью фрейдовской концепции сновидения как проявления неосознанных мотивов индивида и значением идеи Зиммеля об отражении определенных групповых процессов в символических формах игры (Mills, 1958, p. 643).

некоей присущей людям и их отношениям враждебности. Влечение к враждебности Зиммель рассматривает, в свою очередь, как парную противоположность потребности в симпатии. Он говорит о «естественной враждебности между человеком и человеком», которая является «основой человеческих отношений, наряду с другой – симпатией между людьми». Зиммель приписывает инстинкту борьбы априорный характер, ссылаясь на ту легкость, с которой, по его мнению, между людьми возникает враждебность друг к другу, перерастающая в борьбу в ее самых разрушительных проявлениях. В ходе рассмотрения исторических фактов и этнографических наблюдений у Зиммеля «создается впечатление, что люди никогда не любили друг друга из-за вещей столь малых и ничтожных, как те, из-за которых один другого ненавидит» (Зиммель, 1994, с. 116). Таким образом, Зиммеля трудно было бы назвать идеалистом, оценивающим социальную жизнь, в том числе и ее конфликтные формы, в позитивных тонах.

Хотя многие ученые склонны были рассматривать конфликт как одно из центральных явлений, свойственных социальным системам, приоритет в попытках осмысления его позитивных функций в жизни общества традиционно отдается тем не менее Зиммелю. Считается, что идеи Зиммеля оказали огромное влияние на американскую социологию и прежде всего на работы Л. Козера.

Несмотря на отмеченную выше ведущую роль Маркса и Зиммеля в создании основ социологической конфликтологии, благодаря чему они заслуженно называются первым поколением ее классиков, их идеи и разработки не ограничены собственно явлением конфликта и скорее относятся к общему полю конфликтной проблематики. Маркс пишет о противоречиях и противостоянии частей социальной системы, о неизбежности борьбы, обреченности классового общества на противостояние, которое до поры до времени может находиться в скрытом состоянии. В таком контексте многие положения Маркса больше отвечают понятию борьбы, чем конфликта в его современном понимании. (Впрочем, и сам Маркс, признанный западной социологией выдающимся теоретиком в области конфликта, пишет именно о борьбе – классовой, экономической, политической и т. д.)

Сказанное в значительной мере относится и к идеям Зиммеля. Утверждение априорного характера борьбы сближает его позицию с идеями социал-дарвинистов, с их центральным концептом борьбы. Описания Зиммеля, опирающиеся на конкретные факты исторического, этнографического и политического характера, нередко используют понятие конфликта скорее в метафорическом смысле.

Важно, однако, отметить, что Зиммель уже вводит различие понятий борьбы и конфликта. Как утверждает Дж. Тернер на основе анализа многочисленных высказываний Зиммеля, последний рассматривает конфликт как своего рода переменную, интенсивность которой образует континуум с полюсами «конкуренция» и «борьба», причем «конкуренция связана с более упорядоченной взаимной борьбой партий, приводящей к их взаимному обособлению, а борьба обозначает более беспорядочную, непосредственную битву партий» (Тернер, 1985, с. 132–133). Зиммель считает, что конфликт может менять свою остроту и в силу этого иметь разные последствия для социального целого. Благодаря новизне идей Зиммеля его работы оказались существенным шагом вперед в развитии собственно конфликтной проблематики.

Р. Дарендорф и Л. Козер: начало конфликтологии

Последователями Маркса и Зиммеля и современными «классиками» конфликтологии считаются немецкий социолог Р. Дарендорф и американский ученый Л. Козер, идеи которых стали концептуальной основой современной парадигмы конфликта.

По мнению Дж. Тернера, они продолжают развивать два основных направления, заданных «родоначальниками»: Дарендорф представляет диалектическую теорию конфликта в тра-

диции диалектического подхода Маркса, а Козер – конфликтный функционализм, развивающий идеи Зиммеля.

Наиболее видным современным социологом, придерживающимся диалектической теории конфликта, является Ральф Дарендорф. По Дарендорфу социальный конфликт всегда был и будет присущ любому обществу в силу неизбежного различия интересов. Однако в постиндустриальном обществе, исследованием которого и занимался Дарендорф, основное противоречие социальных систем перемещается, по его мнению, из экономической плоскости, из сферы отношений собственности в область отношений господства-подчинения, и основной конфликт оказывается связан с перераспределением власти. В то же время динамика его возникновения в сущности повторяет логику рассуждений Маркса о диалектике развития конфликта: объективная противоположность интересов сторон, осознание этой противоположности, возникновение социальных организаций и т. д. Дарендорф подробно разбирает условия возникновения конфликтов, факторы, определяющие их остроту, реальные и возможные последствия и т. д.

Работы Дарендорфа по праву позволяют рассматривать его в качестве одного из современных классиков конфликтологии. В то же время, по мнению критиков, понятие «конфликт», наряду с такими основными для Дарендорфа понятиями, как «насилие», «господство и подчинение» и «диалектика», используется им риторически (Тернер, 1985, с. 159). (Надо сказать, это распространенный упрек, адресуемый конфликтологам.) Дарендорф пытается применить свои рассуждения к широкому кругу социальных конфликтов; в его текстах «конфликт между предпринимателями и профсоюзами» соседствует с конфликтом «между Востоком и Западом» (Дарендорф, 1994, с. 144), в связи с чем он (там же) отмечает: «В этом месте должен стать полностью ясным смысл взятого за основу широкого определения конфликта. Форма столкновения, которая в обыденном языке называется „конфликтом“ (впрочем, как и так называемая „классовая борьба“), оказывается здесь только одной формой более широкого феномена конфликта, а именно формой крайней или значительной насильственности (и, возможно, также интенсивности)».

Успех Л. Козера – в попытках не противопоставить теорию конфликта структурному функционализму, а «вписать» конфликт в идеи общественного порядка. Хотя его первые работы и проникнуты протестом против дискриминации конфликта как явления, пренебрегаемого традиционными функционалистскими построениями, впоследствии он достаточно осторожно помещает конфликт в свою схему устройства общества.

Л. Козер: образ общества

1. Социальный мир можно рассматривать как систему различным образом взаимосвязанных частей.

2. В любой социальной системе различным образом взаимосвязанных частей обнаруживаются отсутствие равновесия, напряженность, конфликтные интересы.

3. Процессы, протекающие в составных частях системы и между ними, при определенных условиях содействуют сохранению, изменению, возрастанию или уменьшению интеграции и «адаптивности» системы.

4. Можно также представить себе, что многие процессы, которые, как обычно считается, разрушают систему (например, насилие, разногласия, отклонения и конфликты), при определенных условиях укрепляют основы интеграции системы, а также ее «приспособляемость» к окружающим условиям (цит. по: Тернер, 1985, с. 164).

Определение конфликта, принадлежащее Л. Козеру является одним из наиболее распространенных в западной науке: «Социальный конфликт может быть определен как борьба из-за ценностей или претензий на статус, власть или ограниченные ресурсы, в которой целями конфликтующих сторон являются не только достижение желаемого, но также и нейтрализа-

ция, нанесение ущерба или устранение соперника» (Coser, 1968, p. 232). Оно приложимо и реально используется применительно к широкому диапазону конфликтных явлений – от межгосударственных до межличностных. В качестве существенных для дальнейшего рассмотрения моментов этого определения отметим, во-первых, сведение конфликта к одной из форм борьбы, а во-вторых, негативный характер целей, связанных с воздействием на противостоящую сторону, наиболее мягкой из которых является его нейтрализация.

Из всех «классиков» конфликтологии Козер развивает наиболее многоаспектный и всеобъемлющий взгляд на конфликты: он пишет об условиях и факторах возникновения конфликтов, их остроте, длительности и функциях. Именно последние заняли приоритетное место в теоретической системе Козера, дав основание обозначению всей его концепции как «конфликтного функционализма».

Развивая и уточняя идеи Зиммеля, Козер в немалой степени изменил взгляд науки на конфликты. По его мнению, признание конфликта в качестве неотъемлемой характеристики социальных отношений никак не противоречит задаче обеспечения стабильности и устойчивости существующей социальной системы. Интересы Козера фокусируются не столько вокруг анализа источников конфликта и его возникновения в социальных системах, сколько на его функциях. Его первая большая работа, посвященная конфликтам, так и называлась – «Функции социального конфликта» (1956). Эта книга воистину сыграла историческую роль в оформлении и судьбах конфликтологии, а развитие Козером идей Зиммеля о позитивных функциях конфликта по праву рассматривается как одно из высших достижений конфликтологии.

В предисловии к русскому изданию своей книги Л. Козер указывает, что его книга до сих пор «переиздается в том же виде, в каком была издана в 1956 году, и считается бестселлером среди книг по социологии, публикуемых в Америке», а ее совокупный тираж со времени первого издания составил 80 тысяч экземпляров (Козер, 2000, с. 26).

Заслуги «второго поколения» классиков конфликтологии не ограничиваются развитием идей К. Маркса и Г. Зиммеля и описанием новых аспектов конфликтной феноменологии. Именно работы Р. Дарендорфа и Л. Козера создали возможность научного изучения конфликтов прежде всего за счет более строгого определения проблемных полей их исследования. Понятие конфликта начинает отделяться от понятия борьбы, приобретает более определенное содержание и более конкретное описание. Конфликт перестает быть абстрактным (как в описаниях «первого поколения») явлением, он обретает конкретную феноменологию и конкретные рамки своего существования в социальном пространстве. Идеи о позитивных функциях конфликта выступают против дискриминации явления конфликта и его однозначной трактовки как явления вредного, опасного, свидетельствующего о «патологии», «болезни» социального организма. Они подготовили почву для утверждения основных принципов современной конфликтологии – признания конфликтов в качестве закономерной и естественной характеристики социальных отношений, возможности протекания конфликтов в разнообразных, в том числе и конструктивных формах, а также утверждение принципиальной возможности управления конфликтами.

Конфликтный функционализм: позитивные функции конфликтов

Социологическое описание позитивных функций конфликта в первую очередь ориентировано на их роль во взаимодействии социальных единиц, на их влияние на эти социальные единицы, а также на общество в целом, внутри которого взаимодействуют участники конфликта.

По Козеру, одна из позитивных функций конфликта заключается в его способности разрядить и снять напряженность между антагонистами, накопление которой только обостряет их

отношения. Кроме того, конфликт может выполнять «коммуникативно-информационную» и «связующую» функции.

Конфликт по-своему объединяет людей общностью ситуации, позволяя им больше узнать друг о друге в процессе взаимодействия.

Социально контролируемый конфликт «очищает воздух» для его участников и позволяет продолжение их отношений.

Л. Козер

Некоторые потенциально позитивные функции групповых конфликтов могут быть, по мнению Козера, преимущественно связаны с тем, что конфликт приводит к установлению более четких границ между группами; формированию более четких централизованных структур, ответственных за принятие решений; укреплению внутреннего единства; усилению нормативности поведения. Конфликты могут оказывать влияние и на то социальное целое, в рамках которого развиваются: в частности, могут способствовать интеграции, позитивным изменениям и нововведениям, уменьшению враждебности и ослаблению напряжения, могут выполнять сигнальную функцию, привлекая внимание к необходимости изменений.

Самая неожиданная из возможных позитивных функций конфликта состоит в его способности сдерживать конфликт. Подчеркивая эту особенность, Козер опирается на так называемый «зиммелевский парадокс», который звучит следующим образом: «Наиболее эффективным средством предотвращения борьбы является точное знание сравнительной силы обеих сторон, которое очень часто может быть получено только в результате самого конфликта» (Coser, 1956, p. 133). Речь идет о том, что противостояние сторон, возникающее в результате конфликта, заставляет «противников» оценивать шансы на «победу» и соизмерять свои силы. Если прогнозируемые шансы на победу невелики, а потери могут оказаться значительными, то это состояние конфликтного противостояния может удерживать стороны от прямой борьбы и обострения ситуации, т. е. являться средством сдерживания конфликта. Примеры, наглядно иллюстрирующие «зиммелевский парадокс», часто встречаются в практике международных отношений, когда усиление противостояния, взаимная демонстрация собственной силы и решимости заставляют стороны (или одну из них) в последний момент пойти на уступки и избежать тем самым перехода конфликта в более острую форму, например вооруженного столкновения.

Правда, в своем анализе Козер постоянно оговаривается, что эти позитивные возможности реализуются только при определенных условиях, касающихся остроты конфликта, характера отношений внутри группы, жесткости социальной структуры, в которой возникает конфликт, частоты возникновения конфликтов.

К. Боулдинг приводит ряд любопытных, хотя и небесспорных рассуждений относительно возможных позитивных последствий конфликта. По его мнению, существует немало исторических свидетельств того, как основной выигрыш от конфликта оказывался связанным с реакциями на поражение. В качестве примера автор приводит ситуацию, сложившуюся во Франции, потерпевшей поражение от Германии в 1870 году, когда в течение двух поколений Париж оставался культурной столицей мира, испытывая небывалый подъем во многих областях – живописи, музыке, литературе. В противоположность тому, Германия в это же время переживает культурную стагнацию. Своего апогея германская культура достигла в период до 1870 года, будучи опять-таки более пассивным и слабым государством. Далее, культурный расцвет Вены главным образом был связан с поражением Австрии от Пруссии. В Соединенных Штатах Америки после Гражданской войны именно на юге расцветает американская литература, и т. д. Конечно, эти последствия в первую очередь зависят от характера поражения. Поражение, приводящее к деструкции общества, очевидно не может дать никакого культурного подъема. В обществе должен быть значительный творческий потенциал, чтобы адаптироваться к пораже-

нию и выразить себя в культуре. Тем не менее, как утверждает автор, впечатляет число позитивных примеров того, что победа может быть разрушительной, а поражение плодотворным (Boulding, 1986).

Возвращаясь к Козеру, можно сказать, что в целом позитивные функции конфликта могут быть сведены к стимулированию изменений, структурированию и оформлению групповых процессов и образований, разрядке напряженности, лучшему узнаванию и сближению партнеров, а также предотвращению более сильных конфликтов.

Победа теоретиков конфликта

К уже названным часто добавляют имена М. Вебера, Э. Дюркгейма, а также их младших собратьев, таких как, например, К. Боулдинг. И все же прежде всего именно работы К. Маркса, Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа и Л. Козера заложили основы того, что сегодня называется социологией конфликта.

Современная теория конфликта часто рассматривается как теоретический протест против доминирования структурного функционализма. Его принципы – стабильность, устойчивость, согласие и др. – слишком контрастировали с социальной реальностью, изобилующей противоречиями, конфликтами и другими потрясениями.

В наши дни мы еще можем уповать нас будущее без войны в традиционном смысле слова, но невозможно представить себе будущее без разного рода насильственных конфликтов.

Н. Грант

Н. Грант, автор книги «Конфликты XX века. Иллюстрированная история.», анализирует наиболее трагические события двадцатого столетия, существенно повлиявшие на историю человечества, и констатирует, что «грядущие поколения будут рассматривать XX век как наиболее воинственный и жестокий. Волна насилия нарастает: исследование, проведенное в 1986 году показало, что число погибших от бомб и пуль за последние сорок лет превышает число солдат, убитых во Второй мировой. К 1992 году количество войн (в которых участвовали регулярные войска) достигло двухсот, и если в пятидесятые годы в среднем за год велось девять войн, то к семидесятым ежегодный показатель возрос до четырнадцати» (Грант, 1995, с. 9); при этом больше половины из них были связаны с конфликтами внутри стран.

Считается, что именно конфликтные явления в конце концов и нанесли решающий удар по функционализму в социологической теории, в 60-х годах объявленному утопией. В это время возрождается интерес к конфликтам, «были заново открыты конфликты и изменения, что побудило некоторых провозгласить точку зрения конфликта „новой социологией“» (Тернер, 1985, с. 126).

Успехи теоретиков конфликта и их последователей привели к парадоксальному, на первый взгляд, но закономерному в науке результату. Как пишет по этому поводу «Международная социологическая энциклопедия», «конфликтная теория как особая школа мысли более не существует. Ее оригинальная аргументация принята: все социологические теории должны сказать что-нибудь о вездесущности конфликта в социальной жизни» (The International Encyclopedia of Sociology, 1984, p. 62).

В соответствии с довольно распространенной точкой зрения, «конфликтный подход Л. Козера явился основой нынешней теоретической социологии на Западе» (Танчер, 1994, с. 265; см. также Тернер, 1985).

Данное высказывание может показаться излишне категоричным, однако оно отражает бесспорное признание прав конфликта на внимание со стороны социальных ученых, а также возможность перейти от доказывания «права на существование» конфликта к его более глубокому изучению.

Идеи классиков конфликта создали (пользуясь выражением Тернера) прекрасный «интеллектуальный трамплин» для последующего развития работ в этой области. Но это развитие не было простым и легким. Извечной мечтой человечества всегда было создание такого справедливого и прекрасного мира, в котором не будет ни войн, ни распрей, ни конфликтов. И это казалось возможным – достаточно было лишь победить всех врагов, придумать правильные законы, найти мудрых правителей. Особенное значение приобретали способы избегания конфликтов, на поиск которых и были направлены усилия социальных ученых, общественных деятелей, политиков и т. д. И поиск практических средств ликвидации конфликтов представлялся более благородной и значимой целью, чем исследование самих конфликтов.

Изучение многих проблем, на которых сосредоточено внимание ученых, можно считать внутренним делом самой науки, они достаточно безразличны широкому общественному мнению и разного рода социальным идеям и движениям, а потому становятся достоянием гласности и будоражат воображение только в случае каких-то сенсационных открытий или шокирующих экспериментов.

Но есть проблемы, изучение которых невольно испытывает на себе влияние социального контекста. Культурные нормы и социальные ценности своего времени, общественные настроения и состояние умов оказывают влияние на выбор (или не выбор) тех или иных тем для исследования. Их влияние в гуманитарных науках обнаруживается в проявлении или отсутствии интереса к каким-то аспектам человеческого существования, в тех пристрастиях или предубеждениях, которые явным или скрытым образом определяют позиции и взгляды ученых.

Тема конфликта относится именно к тому типу научных проблем, в истории которых в полной мере отражаются культурные, социальные, идеологические ценности и предрассудки своего времени.

В 1950 году в американском социологическом журнале появляется статья Дж. Бернарда «Где современная социология конфликта?», в которой анализируются причины отсутствия прогресса в этой области и причины пренебрежения изучением конфликтов. По мнению автора, общество не хочет признавать факт существования определенных конфликтов. Кроме того, некоторые влиятельные организации не заинтересованы в развитии исследований конфликтов, поскольку тактика секретности и внезапности усиливает потенциальные возможности влияния конфликта, а изучение конфликтов «разоружает» конфликтующие стороны. Также, считает Бернард, социологи хотели бы избежать идентификации с марксизмом, доминировавшим в исследовании конфликтов. В качестве еще одного объяснения слабой изученности конфликта приводится соображение, что тот, кто изучает конфликт, невольно защищает или одобряет его. Бернард утверждает, что западная социология конфликта продолжает оставаться на уровне работ Зиммеля. При этом отмечается, что за предшествующее десятилетие вышла лишь одна научная книга, посвященная социальному конфликту, да и та принадлежащая перу психолога (имеется в виду работа К. Левина «Разрешение социальных конфликтов» 1948 года) (Bernard, 1950, p. 12–13).

Становление конфликтологии

Уже через десятилетие (после публикации статьи Дж. Бернарда) фактически начинает складываться наука конфликтология, сочетающая как концептуальные и методологические подходы к изучению и описанию конфликтных явлений разного рода, так и практику работы с ними. Наиболее интенсивный период развития исследований в области конфликтов пришелся на вторую половину 50-х – начало 60-х годов. В 1957 году обсуждение проблем конфликтов было проведено Социологической ассоциацией ЮНЕСКО, что, видимо, послужило некоторым организационным импульсом к проведению конференций по теме конфликтов, созданию ряда

организаций и центров, а также выпуску специальных журналов по «конфликтным» проблемам.

Конфликтология – особая междисциплинарная область, объединяющая теоретические, методологические и методические подходы к описанию, изучению и развитию практики работы с конфликтными явлениями разного рода, возникающих в разных областях человеческого взаимодействия.

Первоначально конфликтология оформляется скорее как область поиска средств предотвращения конфликтов и их ослабления, было стимулировано жестоким опытом Второй мировой войны. Развитие конфликтологии характеризуется постепенным переходом от теоретических описаний к практике управления конфликтами. Анализ современного состояния конфликтологии позволяет сделать вывод о доминирующем развитии именно практических подходов. С одной стороны, это, возможно, связано с некоторыми теоретическими неудачами. Так, не удалось попытки построить единую концептуальную схему описания всех видов конфликтов, создать общую теорию конфликта, построить единую универсальную типологию конфликтов. Такого рода построения существуют, однако они неизбежно наделены той степенью абстракции, которая затрудняет их практическое применение к решению задач прогнозирования и регулирования конфликтов.

С другой стороны, и интерес к конфликтам в большей мере смещается именно к проблемам их регулирования и практической работы с ними. Дж. Бертон, один из ведущих современных исследователей в области конфликта, подчеркивает, что академические разработки в области теории конфликта традиционно ограничивались созданием «объясняющих» концепций, т. е. поиском причин, закономерностей возникновения конфликтных ситуаций. В последнее десятилетие все больший интерес вызывают методы предотвращения и аналитического разрешения конфликтных ситуаций. По мнению Бертон, основная задача состоит в переходе к созданию теории и «техники» разрешения конфликтов (Burton, 1990).

Эта прагматическая переориентация фактически определила характер конфликтологии, уделяющей основное внимание практике разрешения конфликтов. Интерес к этому сегодня развивается в различных направлениях науки и общественной жизни (международные отношения, юридическая, социальная, психологическая практика и др.). Первоначально конфликтологии приписывался междисциплинарный статус, поскольку предполагалось, что она объединит усилия разных областей знания. Вместе с тем Бертон настаивает на «адисциплинарном» характере сферы исследований, связанных с предотвращением конфликтов, их управлением и разрешением, и «не признает никакого разграничения знания» (Burton, 1990).

Таким образом, за последнее столетие первоначальная точка зрения на конфликт как на негативное явление, требующее подавления, устранения т. д., эволюционировала до характерного для современной социологии принятия конфликта в качестве неотъемлемого элемента социальной жизни, имеющего в том числе и позитивные функции. Акцент был перенесен на регулирование конфликтных явлений, позволяющее минимизировать негативные последствия и, более того, извлекать позитивный эффект из конфликтного процесса.

Изучение конфликтов в отечественной науке

Едва ли есть еще какое-либо явление общественной жизни или научное понятие, изменение отношения к которому столь явственно отражало бы изменения в жизни общества, как это имеет место в случае конфликта.

Судьба изучения конфликта в нашей стране оказалась тесно связанной с состоянием советского обществоведения. Учитывая огромный и признанный вклад К. Маркса в социологию конфликта, можно было ожидать, что проблемам конфликта в советской науке будет отведено приоритетное место. Однако последователи марксизма не отличались последователь-

ностью в развитии идей Маркса, касающихся конфликтной проблематики. Чисто идеологическое постулирование невозможности обострения противоречий и конфликтов при социализме взяло верх над всеобщностью диалектического закона о единстве и борьбе противоположностей. Конфликт стал жертвой представлений о полной ликвидации самих условий его возникновения при социализме. Предполагалось, что социальные конфликты возникают в результате развития и обострения антагонистических противоречий, а поскольку в условиях социалистического общества антагонистические противоречия ликвидированы и остаются лишь постепенно сглаживающиеся неантагонистические противоречия, то и появление социальных конфликтов при социализме просто невозможно.

Иллюзии бесконфликтности, возникающие вследствие игнорирования существующих проблем и противоречий, естественно, переносились с макросоциального, общественного уровня на области внутриорганизационного и внутригруппового взаимодействия, а также в сферу межличностных отношений.

Отношение к конфликтам в советском обществоведении существенно затормозило развитие теоретической мысли, да и практической работы с конфликтами в нашей стране. До недавнего времени она ограничивалась немногими исследованиями, изучавшими, как правило с помощью анкетных опросов, недостатки в работе отдельных коллективов и руководителей, приводящие к росту напряженности во взаимодействии. Значение этих работ определялось практическими задачами оптимизации психологического климата в конкретных коллективах.

«Неактуальность» проблемы конфликтов при социализме, естественно, повлияла и на официальное отношение к ней, и на работы в этой области. Наукометрический анализ материалов «Психологического журнала» за первые десять лет его существования (1980–1990) показал, что из 43 выделенных тематических категорий, освещавшихся в публикациях журнала, «конфликты» занимают почетное предпоследнее место: им посвящено 0,6 % всех опубликованных материалов (Лившиц, Крылова, 1990). В единственной изданной в советское время «Философской энциклопедии» (1964) термин «конфликт» по преимуществу рассматривается либо в контексте западных социологических концепций, либо среди категорий искусства и эстетики, либо как внутриспсихическое явление, а в «Философском энциклопедическом словаре» (1983) термин «конфликт» вообще отсутствует.

В последующие десятилетия, однако, в жизни общества произошло резкое обострение противоречий, неизбежно повлекшее за собой увеличение масштаба и остроты конфликтных явлений: на макроуровне это прежде всего межнациональная и межрегиональная конфликтность, на межгрупповом и межличностном уровне – целый комплекс проблем, чреватых столкновением интересов, конфронтацией и межличностными осложнениями, наконец, на внутрисубъектном уровне растет напряженность из-за утраты чувства безопасности, уверенности в завтрашнем дне и т. д. Таким образом, сама реальность актуализировала конфликтную проблематику.

Реалии сегодняшней жизни вызывают необходимость осмысления причин происходящего в обществе роста конфликтности, а также поиска новых форм работы с разными типами конфликтов.

Датой официального «прорыва» отечественной психологии к конфликтной проблематике можно считать 1990 год, когда в Красноярске состоялась первая в истории отечественной науки конференция, специально посвященная проблеме конфликтов. В 1990 году социологи провели «Круглый стол по социальным конфликтам», ставший началом издания серии сборников по конфликтологической проблематике. С этого момента резко возрастает интерес к этой сфере, растет количество исследований и публикаций, увеличивается число психологов, увлекающихся теоретическими изысканиями и, в первую очередь, практикой работы с конфликтами. На I Всероссийской научной конференции Российского психологического общества

«Психология сегодня» (1996, Москва) проблемам конфликта был посвящен отдельный симпозиум.

С 1990 года в Москве под эгидой Института социологии и Международного центра общечеловеческих ценностей издаются периодические сборники «Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения», освещающие как теоретико-методологические проблемы, так и сугубо практические вопросы, касающиеся работы с межнациональными, этническими, политическими конфликтами. Авторы издания исходят из того, что и на современном этапе развития общества, и «в будущем демократическом обществе... конфликт признается нормой общественной жизни» (Социальные конфликты, 1991, с. 7), что порождает необходимость создания механизмов и обеспечения условий «цивилизованного регулирования и разрешения конфликтных ситуаций».

В основу первого из этих сборников, имеющего подзаголовок «Методологические, общетеоретические, технологические подходы» (1991), положены материалы «Круглого стола по социальным конфликтам», проведенного Институтом социологии и Международным центром общечеловеческих ценностей в июне 1990 года.

Обсуждение разнообразных проблем теории и практики конфликтологии привело участников дискуссии к выводам о стихийном, эмоциональном, неуправляемом характере происходящих в стране конфликтов и об отсутствии в обществе институтов и механизмов их регулирования. В теоретическом отношении показательно, что в ходе обсуждения, затронувшего самые разные виды и аспекты конфликтов, произошло очевидное «выдвижение на первый план прагматических задач конфликтологии» (Социальные конфликты, 1990, с. 108), определившее характер не только первого сборника работ по конфликтам, но и последующих изданий на эту тему.

Конфликт – это нормальное состояние общества, в любом обществе всегда во все времена существовали, существуют и будут существовать конфликтные ситуации.

В. А. Ядов

С практической точки зрения участники первой «конфликтологической» дискуссии сформулировали задачу создания специальной экспертно-консультационной службы, которая призвана «на базе серьезного диагностического и прогностического анализа отслеживать зарождение и разворачивание конфликтных процессов и в зависимости от их характера выдвигать обоснованные предложения по их локализации, рационализации и регулированию» (там же, с. 110).

Выход первого отечественного сборника по социальным конфликтам, как и лежащая в его основе дискуссия, фактически знаменуют собой зарождение «официальной» отечественной конфликтологии.

В последующие годы тема конфликтов становится – если, например, судить по журналу «Социологические исследования» – едва ли не ведущей в отечественной социологии. Было проведено несколько «круглых столов» по наиболее актуальным проблемам конфликтологии: «Теоретические проблемы социально-трудовых конфликтов» (1991), «Межнациональные противоречия в России: стратегия партий и общественных движений» (1992), «Социальные конфликты в условиях переходного периода» (1993), «Конфликтный менеджмент в политических и экономических структурах» (1994); в журнале была учреждена рубрика «На пути к теоретической конфликтологии» и т. д.

Социальный конфликт в традиции отечественных исследований обычно трактуется как обострение социальных противоречий, столкновение, в котором стороны представлены социальными общностями – этническими группами, классами, государственными образованиями и т. д.; таким образом, в содержание понятия «социальный конфликт» включаются явления

и процессы, разворачивающиеся на уровне макроструктур. К социальным конфликтам относят вооруженные, этнические (межнациональные), экономические (забастовки и др.) и политические конфликты, которые сегодня и составляют проблемное поле не только теоретических исследований, но и практического внимания отечественной конфликтологии.

Своеобразие социальной ситуации в обществе вынуждает отечественных конфликтологов наряду с попытками теоретического анализа и осмысления идущих процессов искать ответы на практические вопросы регулирования конфликтов. Большинство работ посвящено анализу возникающих конфликтов, их рассмотрению в контексте исторической, политической, экономической ситуации в России. Рассматриваются возможности как осуществления общего конфликтологического мониторинга, так и анализа конкретных конфликтных ситуаций. Проведена пробная конфликтологическая экспертиза, направленная на решение аналитических и управленческих задач, выделившая три основные категории социальных конфликтов: конфликты в социально-политической сфере; конфликты, связанные с перераспределением собственности и становлением рыночных отношений; этнические конфликты (Российский социум, 1995).

На основе фундаментального обзора работ в области конфликтов, проведенного московскими аналитиками (Анцупов, Шипилов, 1996), выявлена примечательная динамика ежегодного количества публикаций по проблеме конфликта (рис. 1.1). Учитывались публикации и диссертационные исследования за период с 1924 по 1995 год. За этот период психологам принадлежит более четверти всех отечественных публикаций (их динамика приведена на рис. 1.2).

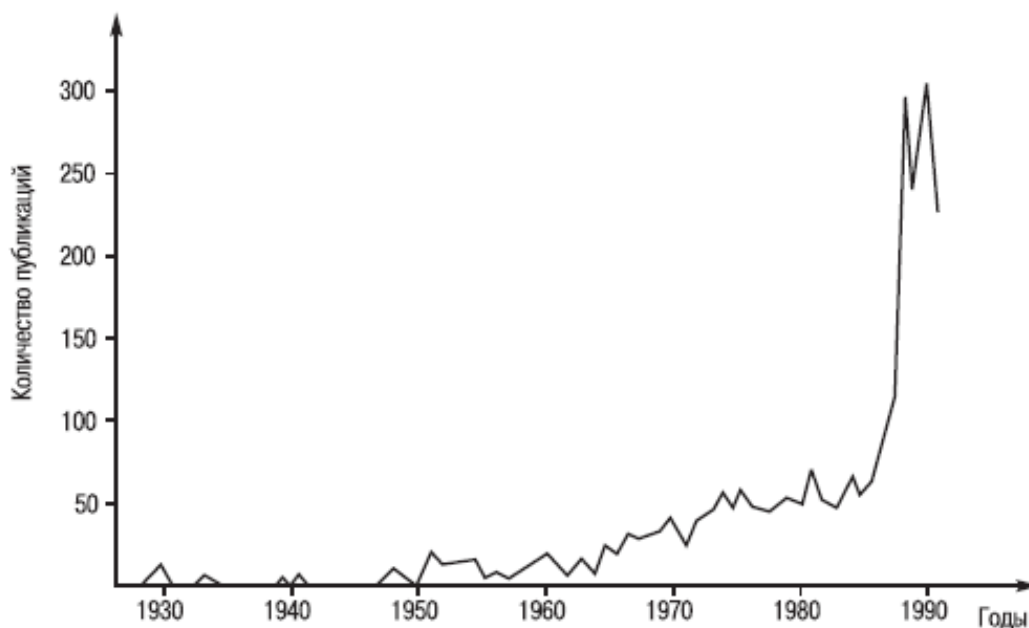

Рис. 1.1. Динамика ежегодного общего количества публикаций по проблеме конфликта (Анцупов, Шипилов, 1996)

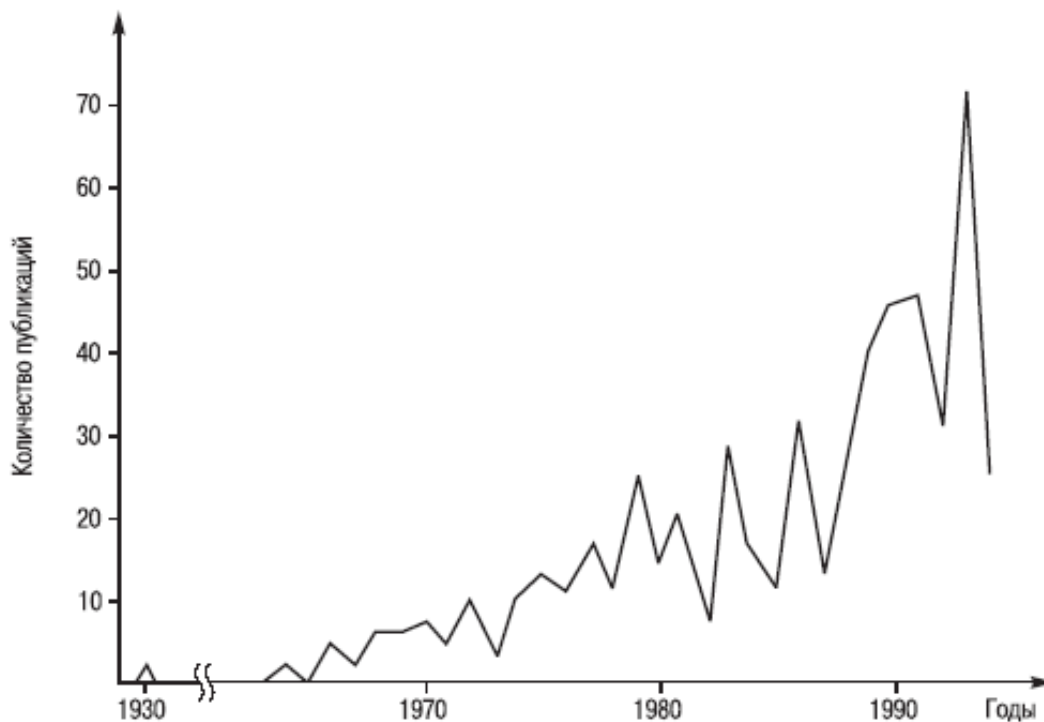

Рис. 1.2. Динамика количества публикаций психологов по проблеме конфликта (Анцупов, Шипилов, 1996)

Судя по числу публикаций, в общем проблемном поле отечественной конфликтологии интересы исследователей первоначально концентрировались вокруг двух направлений – проблемы межэтнических (межнациональных) конфликтов и проблемы трудовых конфликтов, социальной напряженности на предприятиях, забастовочного движения. Впоследствии усиливается внимание к проблематике политических конфликтов. Выпускаются разнообразные издания как по результатам отечественных исследований, так и по западной конфликтологии. Создаются первые образовательные программы по социологии конфликта. Несмотря на явно преобладающий интерес к практическим вопросам управления конфликтами, появляются также работы, ориентированные преимущественно на теоретическое осмысление и разработку проблем конфликтологии.

Таким образом, можно сказать, что в области отечественной социологии конфликта идет интенсивный процесс осмысления реального предмета изучения и работы конфликтологии, равно как и развития ее теории. Значимость и актуальность проблемы конфликтов, огромный интерес к ней, однако, позволяют надеяться на быстрое развитие исследований в этой области. Вместе с тем, в отличие от западной конфликтологии, которая является междисциплинарной областью и, как уже говорилось, проявляет большой интерес к психологии и ее возможностям в работе с конфликтами, отечественная социология конфликта в настоящее время развивается в основном в рамках чисто социологических подходов, недостаточно связанных с психологией и ее возможностями.

Сегодня сложилась ситуация, когда конфликтная проблематика актуализирована и в реалиях общественной жизни, и в сознании общества. Осознается необходимость создания механизмов и институтов регулирования конфликтов, осуществления контроля над конфликтным процессом. Как никогда велика потребность людей в помощи психологов по самым разнообразным вопросам общественной и личной жизни. Это создает новые, не существовавшие ранее возможности для исследовательской и практической работы в области конфликтов.

Как сегодня понимаются конфликты

Основные изменения в парадигме исследования конфликтов, оказавшие влияние на отношение к конфликтам и практику работы с ними, могут быть сформулированы в нескольких основных тезисах.

1. Конфликт – это распространенная черта социальных систем, он неизбежен и неотвратим, а потому должен рассматриваться как естественный фрагмент человеческой жизни. Конфликт должен быть принят как одна из форм нормального человеческого взаимодействия. Хотя конфликт, возможно, и не лучшая форма человеческого взаимодействия, мы должны перестать воспринимать его как какую-то патологию или аномалию. **Конфликт – это нормально.**

2. Конфликт не всегда и не обязательно приводит к разрушениям. Напротив, это один из главных процессов, служащих сохранению целого. При определенных условиях даже открытые конфликты могут способствовать сохранению жизнеспособности и устойчивости социального целого. Конфликт не следует воспринимать как однозначно деструктивное явление и так же однозначно оценивать. Современное понимание конфликтов предполагает, что **конфликт – это не обязательно плохо.**

3. Конфликт содержит в себе потенциальные позитивные возможности. Общая идея положительного эффекта конфликтов сводится к следующему: *«Продуктивность конфронтации проистекает из того факта, что конфликт ведет к изменению, изменение ведет к адаптации, адаптация ведет к выживанию» (Goddard, 1986, p. 8).*

КОНФЛИКТ => ИЗМЕНЕНИЕ => АДАПТАЦИЯ => ВЫЖИВАНИЕ

Если мы перестанем воспринимать конфликт как угрозу и начнем относиться к нему как к сигналу, говорящему о том, что надо что-то изменить, мы зайдем более конструктивную позицию. Ценность конфликтов в том, что они предотвращают окостенение системы, открывают дорогу инновациям. Конфликт – это стимул к изменениям, это вызов, требующий творческой реакции.

Идеи о позитивных функциях конфликта нашли свое наиболее полное развитие в работах американского социолога Л. Козера. Сигнальная функция конфликта, о которой речь шла выше, не единственный пример его позитивных возможностей. Даже само конфликтное взаимодействие может быть полезным для его участников. Как пишет Козер, «социально контролируемый конфликт „разряжает атмосферу“ между его участниками и делает возможным возобновление их отношений» (Coser, 1968, p. 42); «обеспечивая свободный выход чувствам вражды, конфликты служат поддержанию взаимоотношений» (p. 47–48).

В китайском языке иероглиф «кризис», «конфликт» образован сочетанием двух иероглифов. Один из них означает «риск», «опасность», а другой – «благоприятная возможность». В конфликте, бесспорно, есть риск разрушения отношений, опасность непреодоления кризиса, но есть также и благоприятная возможность выхода на новый уровень отношений, конструктивного преодоления кризиса и обретения новых жизненных возможностей. В конфликте потенциально заложено мощное конструктивное начало, а значит **конфликт – это может быть хорошо.**

4. Конфликт может быть управляем, причем управляем таким образом, что его негативные, деструктивные последствия могут быть минимизированы или элиминированы, а конструктивные возможности усилены.

Это означает, что **конфликт – это то, с чем можно работать.** И в наше время работа с конфликтом осознается как общий социальный и личный интерес.

Резюме

1. Первоначальное описание конфликтной проблематики в философско-социологической традиции было связано с рассмотрением процессов борьбы в человеческом обществе, нашедших наиболее полное выражение в школе социал-дарвинизма. Конфликт отождествляется с борьбой, которая рассматривается как форма (часто основная) социального взаимодействия.

2. Первоначальные представления социологов об относительно стабильной и интегрированной природе устройства общества выразились в функциональной модели его описания. Тезис о функциональном единстве, т. е. гармоническом соответствии и внутренней согласованности различных частей социальной системы, приводил к трактовке конфликтов как патологии в функционировании общества, как аномалии, которая должна быть исключена из жизни общества.

3. В противовес «теории равновесия» была сформулирована «теория конфликта», основанная на идее постоянного изменения общества. Отсюда конфликт становится характеристикой любого общества. Ценностное предпочтение «модели порядка» сдерживало развитие и принятие «конфликтной модели».

4. Основания теории конфликта и последующего формирования социологии конфликта были заложены Марксом и Зиммелем, авторами систематических описаний процессов борьбы и конфликта в обществе. Работы Маркса исследовали диалектику развития общества и закономерного возникновения конфликтов. Зиммель сформулировал представления о позитивных функциях конфликта, заложив основы конфликтного функционализма.

5. Продолжением исследований Маркса и Зиммеля и концептуальной основой современной парадигмы конфликта стали работы Дарендорфа и Козера. В их трактовке конфликт приобретает более определенное описание, конкретную феноменологию; его существование в социальном пространстве встраивается в более строгие рамки. Работы Дарендорфа и Козера стали непосредственным основанием современной конфликтологии, осуществившей переход от теоретических описаний конфликта к практической работе с ним.

6. Теоретическое признание конфликта в качестве закономерной характеристики социальных систем позволило перейти к более глубоким его исследованиям и решению задач управления конфликтными явлениями. В 50-60-е годы начинается оформление конфликтологии как особой междисциплинарной области, объединяющей теоретические, методологические и методические подходы к описанию, изучению и развитию практики работы с конфликтными явлениями разного рода, возникающими в различных областях человеческого взаимодействия.

7. Современная конфликтология исходит из принципов признания конфликта в качестве закономерной и естественной характеристики социальных отношений, возможности протекания конфликтов в разнообразных, в том числе и конструктивных формах, утверждения принципиальной возможности управления конфликтами.

8. Развитие теоретической мысли в отечественной науке было заторможено тезисами советского обществоведения о бесконфликтном развитии общества. Исследования конфликтов ограничивались отдельными работами по решению практических задач, в основном в области педагогики и оптимизации деятельности трудовых коллективов. Изменение ситуации в России привело к резкому возрастанию интереса к конфликтам, «взрыву» числа посвященных им работ и фактическому оформлению отечественной конфликтологии. Основное проблемное поле теоретических исследований и практического внимания отечественных конфликтологов определяется преимущественным изучением вооруженных, этнических, экономических и политических конфликтов.

9. Конфликтология на протяжении своего становления и развития постоянно обращалась к психологии в поисках возможностей понимания природы конфликтов и способов работы с ними. Одной из первых работ в области конфликтологии можно считать работу Левина «Разрешение социальных конфликтов» (1948). В своих работах классики конфликтологии постоянно апеллировали к психологической феноменологии, например, к таким явлениям как враждебные чувства, мысли или установки. Современная западная конфликтология испытывает на себе все большее влияние психологии в силу признания как роли психологических факторов в возникновении и развитии социальных конфликтов, так и значительных возможностей использования психологических методов для разрешения и ослабления конфликтов. Что же касается отечественной конфликтологии, то она в настоящее время развивается скорее в рамках социологических подходов, недостаточно связанных с психологией.

10. В свою очередь, и развитие социологических взглядов на природу конфликтных явлений, их место и роль в жизни общества оказало несомненное и значительное влияние на теорию и практику работы с конфликтами в различных областях, в том числе и в психологии.

Глава 2. Психологическая традиция изучения конфликтов

Данная глава посвящена пониманию и описанию конфликта в различных направлениях классической психологии; рассмотрению разных теоретических оснований, которые привели к выявлению разной феноменологии конфликта, и современных тенденций в изучении конфликтов.

- Конфликты человеческой души: интрапсихическая интерпретация
 - З. Фрейд: конфликт как постоянный элемент душевной жизни человека
 - К. Хорни: «Наши внутренние конфликты»
 - Интерпретация интерперсональных проблем
 - Э. Эриксон: новый взгляд на конфликты
 - Признание и критика
- Ситуационные подходы: исследование конфликта как реакции на внешнюю ситуацию
 - Конфликт как форма агрессивного ответа на внешнюю ситуацию
 - Исследования М. Дойча: конфликт как форма ответа на конкурентную ситуацию
 - М. Шериф: ситуационный подход в изучении межгрупповых конфликтов
 - Общая оценка
- Когнитивистские подходы: конфликт как когнитивный феномен
 - Курт Левин Теории баланса
 - Конфликт как когнитивная схема
 - Субъективная оценка ситуации как условие конфликта
- Разные феноменологии конфликта и разные объяснительные модели
 - Современные тенденции в подходе к конфликтам: признанное и спорное
 - Доминирование практической ориентации
 - Изменение отношения к конфликтам
 - Позитивные функции конфликтов
 - Определение понятия конфликта
- Резюме

Психологическая традиция изучения конфликтов является наиболее богатой и развитой из всех научных дисциплин, интересующихся конфликтами. Об этом свидетельствует как устойчивый и продолжительный интерес психологов к конфликтам, так и разнообразие теоретических и практических работ на эту тему.

Социальная психология не могла возникнуть как наука, пока отношения между индивидом и обществом не стали проблематичными.

Ю. Анслунд

Конфликт как одно из значимых явлений психической жизни человека непосредственно связан с проблемой психического благополучия – фундаментальной проблемой всей психологической науки, по-разному решаемой ее различными дисциплинами. Например, социальная психология, будучи наукой о закономерностях общения людей, в той или иной форме решает фундаментальные вопросы об отношениях индивида и общества, о месте человека в мире, о поисках согласия и гармонии. Начиная с самых первых работ, в которых человек наделялся либо «социальными инстинктами», обеспечивающими стремление к сотрудничеству и солидарности с другими людьми, либо, напротив, «асоциальными», связанными с потребностью во власти и эгоистическими наклонностями, психологи занимались поиском основ согласия и вражды, сотрудничества и борьбы между людьми.

Исходя из этого, при рассмотрении основных подходов и эволюции идей в области изучения конфликтов было бы трудно ограничиться только работами, посвященными именно про-

блеме конфликтов, поэтому в данном разделе мы обращаемся не столько к результатам конкретных исследований, сколько к тому, как ставится и интерпретируется проблема конфликтов различными психологическими течениями.

Значение явления конфликта в общей психологической феноменологии проявляется в том, что каждая значительная психологическая система тем или иным образом определяла свое отношение к конфликтам. История развития психологических представлений о конфликтах фактически совпадает с историей самой психологии, в ходе которой друг друга сменяли различные, подчас противоположные представления о природе человека, о его взаимоотношениях с окружающим миром.

Конфликты человеческой души: интрапсихическая интерпретация

С. Мадди, автор известной работы по теориям личности, считает, что все они могут быть разделены на три категории в зависимости от лежащих в их основе базовых представлений. Эти категории – *модель конфликта, модель самореализации и модель согласованности*.

В модели конфликта предполагается, что личность постоянно и неизбежно находится между двумя сильными, но противоположными друг другу влияниями.

Жизнь в соответствии с этой моделью необходимым образом представляет собой в лучшем случае компромисс, который реализуется в динамическом балансе этих двух движущих сил, а в худшем – обреченную на провал попытку отвергнуть существование одной из них. Существуют две версии модели конфликта. В психосоциальной версии источник одной из этих сил кроется в самом человеке, тогда как источник второй – в группах или обществе. В интрапсихической версии обе движущиеся силы возникают внутри самой личности независимо от того, рассматривается ли она как индивидуальная или как социальная сущность. Поскольку две эти силы изначально антагонистичны друг другу, в обеих версиях конфликтной модели делается акцент на их непосредственном содержании; считается, что изменить эти силы невозможно (Мадди, 2002, с. 31).

Примером представлений о личности, основанных на модели конфликта, по мнению Мадди, служит прежде всего теория Фрейда, а также теории Мюррея и Эриксона (с поправкой на то, что конфликт, в соответствии с их позицией, уже не является всеобъемлющим состоянием) и Салливена, базирующаяся на психосоциальной модели конфликта.

Точка зрения, согласно которой конфликт является важнейшим объяснительным концептом в психологии личности, не оригинальна: она так или иначе отражена в основных изданиях по теориям личности (Холл, Линдсей, 1997; Хьелл, Зиглер, 1997). Наиболее явное выражение понимание конфликта как интрапсихического феномена находит в психодинамическом направлении; суть последнего заключается «в представлении, согласно которому личность является динамической конфигурацией процессов, находящихся в нескончаемом конфликте» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 106).

3. Фрейд: конфликт как постоянный элемент душевной жизни человека

Традиция подобного понимания заложена Фрейдом, который «первым охарактеризовал психику как поле боя между непримиримыми силами инстинкта, рассудка и созна-

ния» (Хьелл, Зиглер, с. 105–106). По Фрейду человек находится в состоянии постоянного внутреннего и внешнего конфликта с окружающими и миром в целом. «Конфликт... – в психоанализе изначальная и постоянная форма столкновения противоположных принципов, влечений, амбивалентных стремлений и т. д., в которых выражается противоречивость природы человека» (Овчаренко, 1994, с. 181). Понятно, что из всех потенциально возможных конфликтов, которые может переживать человек, для психоанализа первичным является внутренний, или так называемый «психический конфликт», который есть «постоянный элемент душевной жизни человека, характеризующийся непрерывным столкновением влечений, желаний, психических систем и сфер личности» (там же, с. 205). Конфликты – часть внутренней жизни индивида, их возникновение естественно сопутствует его развитию.

Руководствуясь принципом удовольствия, человек в силу внешних ограничений – нравственных и социальных норм – вынужден зачастую отказываться от удовлетворения (по крайней мере, немедленного) своих желаний. Это и приводит к возникновению психического конфликта, который с точки зрения психоанализа может находить нормальное разрешение: существуют способы достичь удовольствия морально приемлемыми путями. Типичными примерами сублимации являются художественное или научное творчество.

К разным формам психических расстройств человека ведут так называемые патогенные конфликты, возникающие тогда, когда к внешнему, вынужденному отказу от немедленного удовлетворения желаний, несовместимых с требованиями общества, присоединяются внутренние ограничения. Таковыми, по Фрейду, являются конфликты между влечениями «Я» и сексуальными влечениями: «не сексуальные влечения как таковые являются причиной возникновения неврозов, а тот патогенный конфликт, который разыгрывается между Я (сознанием) или Сверх-Я (совестью) и сексуальностью» (Психоанализ. Популярная энциклопедия, 1998, с. 235).

Вытеснение сексуальных желаний не дает возможности человеку осознать истинные причины возникающих у него внутренних конфликтов, с которыми он в результате не справляется. Значение конфликтной феноменологии в общей психической жизни человека определяется тем, что «согласно Фрейду конфликт, вызываемый неосознаваемыми, неприемлемыми импульсами либидо и агрессивными импульсами, составляет внутреннюю сторону жизни индивидуума» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 142). На эту имманентно присущую человеку конфликтность накладывается его опыт детства, отношений с родителями. В соответствии с психодинамической ориентацией, конфликты, не нашедшие разрешения в детстве, потенциально чреватые патологией поведения в более зрелом возрасте. Известно суждение Л. С. Выготского по поводу взглядов Фрейда: «Человек как бы раб своего раннего детства, он всю жизнь разрешает и изживает те конфликты, которые создались в первые месяцы его жизни» (Выготский, 1987, с. 80). Получается, что поведение человека детерминировано скорее его собственными внутренними особенностями, нежели внешней ситуацией: «Неосознаваемые психологические конфликты контролируют поведение человека» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 151). Соответственно, целью терапевтического воздействия является выявление источников конфликтов, вытесненных из сознания, содействие человеку в осознании им причин его внутренних конфликтов и их решении на новом уровне сознательного отношения к своим влечениям неосознаваемого характера.

В общем, классический психоанализ исходил из идей «обреченности» человека на конфликт, разрушительного влияния на личность патогенных конфликтов и из необходимости избавить человека от этих конфликтов. В принципе его избавить от них полностью нельзя, речь идет лишь о смягчении конфликтов при помощи целенаправленного воспитания, социализации и «окультуривания» человека с помощью психоаналитика, который пусть и не избавит от всех проблем, но все же с помощью своего искусства может ослабить их и их разрушительное влияние на жизнь человека.

Таково общее отношение к конфликтам в психоанализе. В большинстве психоаналитических работ противоречие между бессознательными влечениями человека и его совестью с ее запретами рассматривается как основной источник психических расстройств, хотя и сам внутренний конфликт, и его место в общей динамике невротических нарушений можно трактовать по-разному.

К. Хорни: «Наши внутренние конфликты»

Проблемы внутренних конфликтов особенно интересовали К. Хорни, посвятившую им ряд основополагающих исследований (в первую очередь речь идет о работах «Наши внутренние конфликты», «Невротическая личность нашего времени» и др.).

Сама Хорни так определяет отличие своей позиции от взглядов основателя психоанализа:

Описанная мной структура неврозов не противоречит в принципе теории Фрейда, согласно которой неврозы в своей сущности являются результатом конфликта между инстинктивными влечениями и социальными требованиями или тем, как они представлены в Супер-Эго. Но хотя я согласна, что конфликт между побуждением человека и социальным давлением составляет необходимое условие для возникновения всякого невроза, я не считаю это условие достаточным. Столкновение между желаниями человека и социальными требованиями не обязательно приводит к неврозам, но может также вести к фактическим ограничениям в жизни, т. е. к простому подавлению или вытеснению желаний или, в самом общем виде, к действительному страданию. Невроз возникает лишь в том случае, если этот конфликт порождает тревожность и если попытки уменьшить тревожность приводят в свою очередь к защитным тенденциям, которые, хотя и являются в равной мере настоятельными, тем не менее несовместимы друг с другом (Хорни, 1993, с. 80).

Нормальный конфликт предполагает выбор между различными возможностями, позициями, убеждениями и т. д., осуществляя который человек и разрешает конфликт. Невротический конфликт всегда бессознателен: внутренние противоречия поглощают человека, не оставляют ему выбора, делают его беспомощным. Хорни описывает этот конфликт следующим образом: «... Конфликтная ситуация невротичного человека проистекает из отчаянного навязчивого желания быть первым и из столь же сильного навязчивого побуждения сдерживать себя. Если он что-либо сделал успешно, то в следующий раз вынужден сделать это плохо. За хорошим уроком следует плохой, за улучшением в ходе лечения следует рецидив, хорошее впечатление на людей сменяется плохим. Такая последовательность все время повторяется и рождает чувство безнадежности борьбы с превосходящими силами. Он подобен Пенелопе, которая каждую ночь распускала то, что связала в течение дня» (Хорни, 1993).

Человек невротического склада действует сразу в двух направлениях, которые являются несовместимыми: им движет агрессивное стремление к доминированию типа «никто, кроме меня», и в то же самое время он испытывает непомерное желание быть всеми любимым. Эта ситуация, когда человек зажат между честолюбием и любовью, является одним из центральных конфликтов при неврозах.

К. Хорни

Невротик не просто теряет способность разобраться в себе и своих желаниях, он становится не способным к решению своих внутренних проблем, что и оказывается, по Хорни, главным источником конфликта.

Интерпретация интерперсональных проблем

Последователи и критики Фрейда стремились расширить возможности психоанализа, прививая ему более «культурный» и «социальный» взгляд. Благодаря их усилиям были заложены основы нескольких направлений современной психологии, а, например, А. Адлера популярные психологические учебники называют «родоначальником нового социально-психологического взгляда» (Hall, Lindzey, 1967, p. 115) и «предвестником современной гуманистической психологии» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 166).

Этим Адлер обязан тому, что его теория рассматривает поведение человека в социальном контексте, причем, в отличие от построений Фрейда, «индивидуальная психология полагает необходимой гармонию объединения и сотрудничества между человеком и обществом, а конфликт между ними считает неестественным» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 166). Конечно, это не означает, что конфликтов как таковых не происходит. «Проблемность» во взаимодействии индивида с обществом Адлер связывает с «невротическим стилем жизни», который – и в этом Адлер солидарен с классическим психоанализом – является следствием «трудного» детства и характеризуется такими особенностями, как эгоцентризм, отсутствие сотрудничества, нереалистичность. Этот «невротический», или «ошибочный», стиль жизни сопровождается постоянным ощущением угрозы самооценке, неуверенности в себе, обостренной чувствительностью, что неизбежно приводит к проблемам в отношениях с окружающими, ведь, по мнению Адлера, «невротики ведут себя так, как если бы они жили в стане врагов» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 194).

Доминирование идеи о преобладании личностной обусловленности социального поведения побуждает психологов данного направления к поиску личностных особенностей, стилей, типов, ведущих к формированию того или иного жизненного сценария. Хорни признает «культурное» происхождение базисного чувства тревожности, тогда как вырабатываемые в ответ на него компенсирующие стратегии становятся частью личности человека и затем определяют его поведение в большей степени, чем интерперсональные ситуации. Три основных типа социальной направленности – «движение к людям», «движение от людей» и «движение против людей» – присутствуют у любого человека и проявляются у него в зависимости от ситуации: мы способны и сотрудничать с людьми, и отдаляться от них, и бороться с ними. У невротика эти типы отношений оказываются несовместимыми, какой-то из типов становится доминирующим, подавляя другие. Таким образом, межличностные конфликты скорее являются проявлением внутриличностной тенденции, которую Хорни называет «движение против людей» и которая фактически превращается в «базисную установку в отношении других и себя и определенную философию жизни» (Хорни, 1950, p. 14). Описывая такого человека, Хорни характеризует его следующим образом: «Когда он двигается против людей, он считает само собой разумеющейся враждебность вокруг себя и принимает, сознательно или бессознательно, решение бороться. Он имплицитно не доверяет чувствам и интенциям других по отношению к нему. Он противодействует другим всеми путями, которые ему доступны. Он хочет быть сильнее и нанести им поражение, отчасти в целях собственной защиты, отчасти из мести» (Хорни, 1946, p. 42–43). Не следует думать, что речь идет исключительно о каких-то экстремальных или особенных ситуациях. Эта личностная тенденция обнаруживает себя достаточно примитивным образом в самых обыденных ситуациях повседневного общения. Например, люди стараются опередить друг друга при входе в переполненный автобус, опасаясь, что им не достанется места. Однако даже избыток свободных мест не может заставить некоторых людей отказаться от стремления опередить остальных. Точно так же и в очереди найдется человек, который, подойдя одновременно с вами, будет доказывать, что он был первым и вы позади него, а не он за вами. Что движет подобными людьми? Желание побеждать, одерживать верх, чувствовать

себя «в порядке». Если он уступает, оказывается вторым, «проигрывает» – он «не в порядке». Эта доминирующая ориентация личности существенно определяет характер ее взаимоотношений с окружающими людьми, порождая стремление к установлению контроля над другими, эксплуатации их в своих целях в соответствии со своей философией *homohominilupesest* (там же, р. 63–69). Благоприятная окружающая среда может быть гарантией против возникновения невротического характера, однако напрасно было бы рассчитывать на разрешение внутренних конфликтов с помощью изменения одних лишь внешних факторов. Хорни пишет по этому поводу, что «ошибочность этих надежд заключается не в переоценивании важности человеческих отношений, но в недооценке силы интрапсихических факторов» (Ногпеу, 1950, р. 308).

Аналогичным образом «динамизмы» и «персонификации» Г. Салливена, возникающие под влиянием раннего опыта отношений, начинают играть роль регуляторов межличностного взаимодействия, сводя к минимуму значение последующих интерперсональных ситуаций (Sullivan, 1953). Например, ребенок, боящийся незнакомых людей, имеет динамизм страха, а привычная враждебность по отношению к кому-либо является выражением динамизма недоброжелательности, и т. д. При этом «сформировавшись однажды, они обычно закрепляются и влияют на наши установки в отношении других людей» (Hall, Lindzey, 1967, р. 140). Салливан специально останавливается на том, как недоброжелательность становится важной характеристикой интерперсональных отношений в детстве, возникая как реакция на частые неблагоприятные интерперсональные ситуации, вызывающие тревожность, ранящие ребенка, ставящие его в положение высмеиваемого. Так постепенно происходит искажение в фундаментальном интерперсональном attitюде и вырабатывается пессимистическая недоброжелательная философия жизни.

Таким образом, в работах самых разных психоаналитиков межличностные трудности и конфликты, переживаемые человеком, интерпретируются как явления, имеющие интрапсихическое происхождение. Несмотря на отход от ортодоксального психоанализа, взгляды приверженцев аналитического подхода на то, что касается проблем межличностных отношений и их природы, в сущности, меняются мало. И в более поздних работах, например в концепции фундаментальной ориентации межличностных отношений В. Шутца, социальная жизнь взрослого человека рассматривается как предопределенная опытом детства, формирующим фундаментальные межличностные потребности и соответствующий личностный тип, который либо задает адекватную интеграцию в отношениях с другими, либо создает проблемы в сфере межличностных контактов (Андреева, Богомолова, Петровская, 1978, с. 167–169).

Также и среди современных работ, в большинстве своем ориентированных на практическую помощь человеку, всегда можно различить такие, авторы которых, даже не причисляя себя к последователям психоанализа, следуют той же логике понимания природы человеческих отношений, которые, как и социальное поведение вообще, являются лишь формой реализации внутриличностных проблем и конфликтов. В сущности, психоаналитическая трактовка общения на протяжении достаточно долгого времени претерпела мало изменений: пользуясь сравнением Г. Тэджфела, можно сказать, что для психоаналитика каждый приходит в ситуацию общения со своим готовым сценарием и интерперсональная ситуация становится лишь ареной, сценической площадкой, где этот сценарий разыгрывается, а остальные участники ситуации более или менее удачно ему в этом подыгрывают (Агеев, 1990, с. 15).

Э. Эриксон: новый взгляд на конфликты

Наиболее отличной от позиции Фрейда в отношении к конфликтам является концепция Э.Эриксона. Пессимистически окрашенному психоаналитическому представлению о человеке, раздираемом противоречиями и конфликтами, Эриксон противопоставляет идею, что «каждый личный и социальный кризис представляет собой своего рода вызов, приводящий

индивидуума к личностному росту и преодолению жизненных препятствий», а знание того, как человек справляется со значимыми жизненными проблемами, составляет «единственный ключ к пониманию его жизни» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 218).

Эриксон выделяет в общем жизненном цикле восемь психосоциальных стадий (табл. 2.1). Каждая из этих стадий развития сопровождается кризисом, который Эриксон рассматривает как поворотный момент, возникающий вследствие достижения определенного уровня психологической зрелости и предъявляемых к индивиду социальных требований. Это означает, что на каждом возрастном этапе возникает своя специфическая, требующая решения проблема. Успешное разрешение кризиса является залогом дальнейшего развития здоровой личности и необходимым фактором эффективного проживания последующих стадий.

Таблица 2.1. Восемь стадий психосоциального развития

Стадия	Возраст	Психосоциальный кризис	Сильная сторона
1. Орально-сенсорная	Рождение – 1 год	Базальное доверие – базальное недоверие	Надежда
2. Мышечно-анальная	1–3 года	Автономия – стыд и сомнение	Сила воли
3. Локомоторно-генитальная	3–6 лет	Инициативность – вина	Цель
4. Латентная	6–12 лет	Трудолюбие – неполноценность	Компетентность
5. Подростковая	12–19 лет	Эго-идентичность – ролевое смещение	Верность
6. Ранняя зрелость	20–25 лет	Интимность – изоляция	Любовь
7. Средняя зрелость	26–64 года	Продуктивность – застой	Забота
8. Поздняя зрелость	65 лет – смерть	Эго-интеграция – отчаяние	Мудрость

Конфликты играют важнейшую роль в теории Эриксона, но они означают «не угрозу катастрофы, а поворотный пункт и тем самым онтогенетический источник как силы, так и недостаточной адаптации» (там же, с. 219). Кризис у Эриксона содержит и позитивный, и негативный компонент, и вопрос заключается не в избегании конфликтов, а в адекватном, конструктивном разрешении кризисов, что вполне соответствует современному общегуманитарному отношению к конфликтам. Таким образом, тема конфликта приобретает иное звучание, конфликты начинают нести позитивный заряд и становятся важнейшими моментами развития.

Признание и критика

Для сторонников психодинамических подходов конфликт – это реальность человеческого существования. Конфликт свойствен человеческой природе, при этом можно делать акценты на его деструктивных аспектах, как у Фрейда, или, напротив, оценивать его более оптимистично, как Эриксон. В любом случае конфликт – явление не случайное, составляющее суть внутренней жизни индивида.

Конфликт – это важнейший теоретический конструкт в психоаналитических концепциях. Понимание внутренних противоречий и конфликтов личности – это ключ к объяснению происходящего с человеком. Социальное поведение вообще детерминировано не столько внешней ситуацией, сколько личностными особенностями человека, и те или иные проблемы его интерперсонального существования имеют внутрилличностное происхождение.

Конфликт в психоанализе выступает как интрапсихический феномен, возникающий в глубинах психики как следствие внутренних законов ее существования, как явление, которое

может быть адекватно описано только в рамках этих законов. В психоаналитической традиции основным предметом внимания являются внутриспсихические конфликты, в особенности те из них, которые имеют неосознаваемый характер (например, патогенные у Фрейда или невротические у Хорни). В подобных случаях не только реальная сущность конфликта, но и сам факт его существования не осознаются человеком. Такое отношение к внутренним конфликтам и их месту в психической жизни человека специфично для психоанализа.

Обозначив психический конфликт как принципиальный теоретический конструкт и выделив внутренний неосознаваемый конфликт в качестве основного объекта, релевантного своим построениям, психоаналитическая традиция в остальном допускает достаточно широкое и нестрогое использование понятия конфликта. Так, в работе К. Юнга «Конфликты детской души» рассказывается о проявляющихся в душе ребенка противоречиях, о трудностях в его поведении, о возникающих у него «трудных» вопросах и др., что делает практически невозможным строгую идентификацию содержания понятия конфликта, вынесенного Юнгом в заглавие своей статьи (Юнг, 1995). У Эриксона понятие конфликта постоянно сопрягается с понятием кризиса, которое, будучи основным в его теории, не всегда четко соотносится с понятием конфликта. С одной стороны, кризис – это то, что возникает на основе конфликта, но с другой – слово конфликт нередко употребляется просто как его синоним.

При всех различиях между упомянутыми подходами общим для них является понимание конфликта как результата взаимодействия личностных структур и тенденций. В рамках личности он может быть и понят, и описан, что фактически означает его принципиальное рассмотрение как интрапсихического феномена.

Для советской науки было характерно скорее негативное или в лучшем случае сдержанное отношение к психоанализу. К сожалению, как это иногда бывает в науке, непринятие тех или иных теоретических построений приводит и к отторжению предмета их внимания. Однако то, что линия сугубо интрапсихического понимания конфликтов почти не получила развития в отечественной науке, было связано не только с непринятием психоаналитической традиции, но и с присущей отечественной психологии тенденцией к поиску социальных детерминант поведения человека, что определяло изучение психической жизни человека в единстве с внешней средой его существования. Поэтому точка зрения, интерпретирующая социальное поведение через интрапсихические факторы, была не близка отечественной традиции. Более того, именно эта замкнутость психологической феноменологии «личностным кругом» и была, пожалуй, объектом наиболее острой критики, в том числе и со стороны отечественных психологов. В частности, Б. Ф. Ломов, говоря о развитии личности, пишет о том, что «противоречия, возникающие и разрешающиеся в ее развитии, нельзя выявить, рассматривая ее саму по себе» (Ломов, 1984, с. 304–305).

Вена 1910 года была местом, наглядно иллюстрирующим три формы материализма, которые в наш век бесспорно владели миром: экономический материализм Маркса, психологический материализм Фрейда и технологический материализм парового двигателя, аэроплана и атомной бомбы.

Дж. Морено

Впрочем, подобная теоретическая ориентация не устраивала не только отечественных психологов.

Ситуационные подходы: исследование конфликта как реакции на внешнюю ситуацию

Оппозицией понимания конфликтов как явления интрапсихического происхождения стал перенос акцента на внешние детерминанты их возникновения. Ситуационные подходы в изучении конфликта представлены прежде всего бихевиористской традицией. Как известно, классический бихевиоризм считал принципиально невозможным исследование каких бы то ни было субъективных факторов психической жизни человека, поскольку исходил из того, что научный статус психология может обрести только при наличии такого предмета своего изучения, который поддается объективному описанию. В качестве такого предмета бихевиористы рассматривали поведение.

Механизмы человеческого поведения фактически и стали главным содержанием теоретических построений и экспериментальных исследований бихевиористов. Понятно, что поскольку бихевиористские подходы сделали центральным предметом своего внимания поведение в его различных формах, то и их интерес к конфликтам ограничивался главным образом внешне наблюдаемыми конфликтами – в первую очередь межличностными и межгрупповыми. В соответствии с бихевиористской парадигмой, основной методический принцип изучения поведения предполагал поиск связей между воздействиями («стимулами») и ответной поведенческой реакцией человека. Отсюда основная схема бихевиоризма «стимул => реакция», прошедшая экспериментальную проверку на примере одного из частных случаев «фрустрация => агрессия», звучит применительно к конфликтам как «ситуация => конфликтное поведение».

Следовательно, если речь идет о конфликтном поведении или взаимодействии, то источники его происхождения можно обнаружить прежде всего при помощи анализа факторов ситуации. Тем самым конфликт превращается в явление ситуационной природы.

Конфликт как форма агрессивного ответа на внешнюю ситуацию

Первыми исследованиями, сформировавшими традицию изучения конфликтов как реакции на внешние воздействия, стали работы по изучению агрессии и созданию концепции фрустрационной детерминации агрессии. Начало этим разработкам было положено серией исследований, выполненных в 1930-1950-х годах группой специалистов Йельского университета (Дж. Доллард, Л. Дуб, Н. Миллер, А. Бандура и др.) и посвященных изучению агрессии, ее фрустрационной детерминации, понятиям сдерживания, смещения агрессии и т. д. Социально-психологический анализ этих явлений, в свою очередь, осуществил Л. Берковиц.

По сравнению с психоаналитической традицией бихевиоризм предложил принципиально иной взгляд на конфликты. Социально-психологические конфликты в рамках концепции фрустрационной детерминации агрессии понимаются прежде всего как особая форма агрессивного ответа (прямо или косвенно проявляемого, сдерживаемого или подавляемого, направленного на причину агрессии или смещенного на другой объект) на фрустрирующую ситуацию, причем первоначальное представление о фрустрации как о препятствии в достижении желаемого расширяется вплоть до того, что фрустрирующей начинает считаться ситуация, когда, например, индивид становится свидетелем агрессии, направленной на кого-то другого.

Исходя из основных представлений бихевиористов, патология поведения есть следствие научения неправильному, неадекватному или отклоняющемуся поведению, которое, получив какое-то подкрепление, становится частью поведенческого репертуара личности. Тем самым ключ к пониманию поведения человека, его действий и поступков следует искать в ситуативных, внешних факторах. В соответствии с теорией социального научения, чтобы понять поведение человека, следует прежде всего обратиться к факторам, провоцирующим проявление той или иной модели конфликтного реагирования на внешнюю ситуацию, а также к факторам, повлиявшим на усвоение этой модели поведения и ее закрепление.

Идея социального научения, подкрепленная многочисленными наблюдениями за развитием детей, находит значительную поддержку среди зарубежных и отечественных специалистов. А. А. Реан отмечает: «В пользу концепции социального научения говорит и то, что действительное различие между неагрессивными и агрессивными детьми заключается не в том, что последние в ситуации межличностного конфликта отдают предпочтение агрессивным методам его разрешения, а в том, что агрессивные дети, в отличие от неагрессивных, лишены альтернативы, так как в их поведенческом репертуаре отсутствуют „сценарии“ конструктивного разрешения конфликтной ситуации» (Реан, 1997, с. 15). Данное высказывание устанавливает прямую связь между проблематикой агрессии и изучением конфликтов, в частности предлагает рассматривать стратегии поведения людей в конфликтах как результат научения тем или иным моделям взаимодействия.

Исследования М. Дойча: конфликт как форма ответа на конкурентную ситуацию

Непосредственное исследование конфликтов как реакции на те или иные особенности внешней ситуации связано с экспериментальными работами М. Дойча в изучении интерперсональных конфликтов и М. Шерифа в области межгрупповых конфликтов. Именно им психология в первую очередь обязана введением конфликта в ранг экспериментально изучаемой психологической проблематики. Известно, что для приверженцев бихевиористской парадигмы применение экспериментальных методов в изучении психологических феноменов было делом принципа и способом утверждения поведенческой ориентации как доказательства научного статуса объективной психологии.

Самым значительным именем среди тех, кто сделал ситуационную природу конфликта предметом основного внимания и экспериментального анализа, является М. Дойч, ученик и младший коллега К. Левина, чьи исследования в области социальной психологии групп оказали на него огромное влияние. Левин считал важнейшей характеристикой группы систему взаимозависимостей и взаимодействий между ее членами. Именно эти характеристики социальных отношений стали основным предметом многолетних исследований Дойча.

Диссертационное исследование Дойча (1949) было посвящено влиянию кооперации и конкуренции на групповые процессы. Его первые эксперименты, начавшиеся в 1948 году, строились в виде следующей процедуры. Будучи преподавателем психологии, Дойч разделил студентов на 10 групп по пять человек, с которыми он проводил еженедельно по три часа в течение шести недель. Все группы выполняли одни и те же задания, состоявшие в быстром решении не слишком сложных интеллектуальных задач, составлении письменного ответа на вопрос о некоей личной проблеме, групповой дискуссии на заданную тему и т. д.

После первой недели встреч группы в случайном порядке разделялись на группы с конкурентной и кооперативной системой оценивания. Конкурентные группы оповещались о том, что их дискуссии будут оцениваться в соответствии с индивидуальным вкладом каждого студента в групповую дискуссию, который будет сравниваться с вкладами остальных членов группы, в соответствии с чем лучший «вкладчик» получит высший балл, следующий – ниже и т. д. Членов кооперативных групп, напротив, ставили в известность о том, что все они получают один и тот же балл, который будет определяться на основе сравнения результатов их коллективной работы с четырьмя такими же группами. Таким образом, лучшая группа получит высший балл, следующая – ниже и т. д. Все студенты были согласны с предложенными процедурами, и, поскольку оценкам в их институте придавалось большое значение, они были мотивированы на получение высоких баллов в обеих ситуациях.

За группами постоянно наблюдали трое ассистентов, регистрировавших такие аспекты группового общения, как дружелюбность, открытость и качество дискуссии. Также обращалось

внимание на коммуникацию между членами группы и их взаимное приятие и понимание во время дискуссий. В дополнение к этому после каждой дискуссии студенты заполняли анкеты, в которых оценивали различные аспекты обсуждения, свои реакции во время него и свои установки относительно других членов группы (Deutsch, 1985).

Мы привели достаточно подробное описание методической процедуры первых работ Дойча, поскольку его последующие лабораторные исследования строились по той же модели создания внешней ситуации конкуренции или кооперации, которая предполагает разные типы взаимозависимости между участниками эксперимента, варьирование внешних условий (включая стратегии поведения «подставного» партнера) и регистрацию реакций испытуемых на эту ситуацию (особенности коммуникации, выбираемые стратегии поведения, установки по отношению к партнерам и другие параметры, в том числе групповые, если участниками экспериментов были группы).

Начиная с 1948 года Дойчем были выполнены сотни исследований. Изучались кооперативные и конкурентные отношения как внутри групп, так и между ними; исследования проводились в учебных классах, рабочих ситуациях и лабораторных условиях; изучались группы с гомогенным составом и состоящие из людей разных способностей, различной расовой и этнической принадлежности и т. д.

Результатом этих многочисленных исследований стала теория кооперации и конкуренции. Дойч считает, что его теория строится вокруг двух основных положений: одно из них связано с типом взаимозависимости между целями людей, вовлеченных в данную ситуацию, другое – с типом действий этих людей. Он различает два основных типа взаимозависимости целей: способствующая взаимозависимость, где цели соотносятся так, что вероятность или степень достижения цели одним человеком позитивно связаны с вероятностью или степенью ее достижения другими; и противоположная взаимозависимость, где цели соотносятся так, что вероятность или степень достижения цели одним негативно коррелируют с вероятностью или степенью достижения цели другими. Также выделяются два типа действий индивида: эффективные действия, которые улучшают шансы действующего лица на достижение цели, и ухудшающие действия, имеющие противоположные результаты. Далее Дойч комбинирует типы взаимозависимости и типы действий, чтобы установить, как они будут влиять на основные социально-психологические процессы (Deutsch, 1985, p. 66).

Ключевым моментом теории М. Дойча является его «закон социальных отношений», в соответствии с которым кооперация вызывает и вызывается воспринимаемым подобием в представлениях и аттитюдах, готовностью оказывать помощь, открытостью в коммуникации, доверительными и дружественными аттитюдами, чувствительностью к общим интересам и неподчеркиванием противоположных интересов, ориентацией на взаимную власть скорее, чем на различия во власти, и т. д. Аналогичным образом конкуренция вызывает и вызывается использованием тактики принуждения, угрозы или хитрости; попытками увеличить различия в силе между собой и другим; ограниченной коммуникацией; минимизацией чувствительности к противоположным интересам; подозрительными и враждебными установками; значимостью, ригидностью и масштабностью конфликтной проблемы и т. д. (Deutsch 1985 p. 70).

Закон социальных отношений М. Дойча

Характерные процессы и эффекты, вызванные данным типом социального отношения, имеют тенденцию вызывать этот тип социального отношения.

Таким образом, в теории Дойча конфликтная феноменология описывается как следствие объективного столкновения интересов. Признание концепции Дойча было обеспечено ее созвучностью идеям своего времени, равно как и богатейшими эмпирическими данными, полученными автором. Эти данные прежде всего относятся к стратегиям взаимодействия в

конflikте и факторам, которые их определяют. Часть экспериментов Дойча в какой-то мере постигла судьба многих других лабораторных исследований социального поведения, подвергнутых жесткой критике за нерелевантность условий эксперимента реальным жизненным ситуациям. Дойч верил, что результаты лабораторных экспериментов открывают путь к пониманию реальных конфликтов между живыми людьми. Может быть, в наибольшей мере сомнения относительно возможности воссоздания в лаборатории реальных условий взаимодействия людей относятся именно к конфликтным и другим «острым» ситуациям, поскольку само их существование определяется значимостью происходящего для участников этого взаимодействия.

Однако, несмотря на спорность некоторых своих положений, Дойч, безусловно, является наиболее признанным авторитетом среди западных психологов – исследователей конфликтов.

М. Шериф: ситуационный подход в изучении межгрупповых конфликтов

Другое известное имя в области ситуационного подхода к изучению конфликтов – это М. Шериф с его знаменитыми экспериментами, в которых конфликт создавался в реальных условиях человеческого взаимодействия. Вполне закономерно, что именно межгрупповые конфликты стали объектом его внимания, как и интереса многих других исследователей: различные виды социальных, расовых, этнических и других конфликтов требовали поиска практических путей своего разрешения. Соответственно и в психологии начинает доминировать желание не столько теоретически объяснять существующие конфликты, сколько практически помогать людям справляться с ними.

Самые последние обзоры эмпирических и экспериментальных открытий ясно заключили, что агрессия и конфликт не являются самогенерируемыми интрапсихическими событиями. Это состояния отношений, возникающие как следствие транзакции между людьми в ситуациях, когда преследуемые ими цели поддерживаются или блокируются. Отсюда адекватное понимание этиологии конфликта и кооперации требует оценивания внутри точных рамок или контекста, ситуаций, в которых они возникают.

М.Шериф

Общая схема экспериментов Шерифа (с вариациями в разных сериях) сводилась к следующему. В летнем лагере группу незнакомых между собой мальчиков подросткового возраста (в разных экспериментах от 11 до 14 лет) делили на две подгруппы, в каждой из которых шла своя жизнь. Отдыхая, играя, занимаясь хозяйственными делами, мальчики сдружились между собой, образовав две сплоченные группы. После того, как у них сформировалось сильное чувство групповой принадлежности, началась следующая, основная стадия эксперимента. Группы подростков сталкивались в сильной конкурентной ситуации – между ними организовывались разные соревнования со строгим соперничеством, в результате которых одна из групп объявлялась победившей, а другая – проигравшей. На этой стадии и был зафиксирован тот результат, который предполагался основной гипотезой М. Шерифа: объективно конкурентная ситуация, в которой оказывались группы, вызывала конфликт между ними.

Эксперимент Шерифа привлек к себе внимание и имел значительный резонанс, а его методическая процедура была воспроизведена в ряде других экспериментов.

Общая оценка

Общая оценка методической схемы исследований, выполненных с помощью внешнего инициирования конфликтов, и результатов, полученных с применением этой схемы, неодно-

значна. С одной стороны, было проведено множество любопытных исследований, благодаря которым были получены представляющие интерес результаты как в отношении индивидуальных реакций людей на ситуации внешних затруднений, так и в отношении групповых явлений их взаимодействия. С другой стороны, критика неоправданных попыток приложения данных, полученных в лаборатории, к процессам поведения и взаимодействия людей в реальных условиях человеческого существования, безусловно, относится и к данным исследованиям. Но, пожалуй, самые большие претензии в адрес подобного подхода связаны с тем, что конфликт редуцировался до поведенческой реакции и за пределами рассмотрения оставалось содержание человеческих переживаний, мотивов, представлений о происходящем, словом, все то, что, по сути, и составляет существо человеческих конфликтов. Безусловно, ситуационные подходы не отрицают влияния личностных особенностей на поведение. Так, оказавшись перед лицом конфликтной ситуации, человек может реагировать по-разному: или выбрать кооперативную стратегию преодоления конфликта, или пойти путем борьбы, или просто отказаться от участия в конфликте и отстаивания своих интересов. Это зависит и от личностных особенностей, которые тем или иным образом «окрашивают» поведение человека в конфликтной ситуации. Однако фундаментальная зависимость поведения и реагирования – конфликтного в том числе – от внешних условий, ситуации (понимаемой как нечто внешнее, что может быть наблюдаемо и описываемо извне), которые сводятся в бихевиористских построениях к понятию стимула, остается неоспоримой.

Наиболее распространенная оценка бихевиоризма и необихевиоризма последующими исследователями предполагает, что «человеческая деятельность и социальные процессы не могут быть сведены к наблюдаемым и измеряемым поведенческим характеристикам, рассматриваемым как прямой результат внешних воздействий» (Уолш, 1978, с. 86). Трудно, конечно, допустить возможность сведения всего разнообразия и богатства психологической или социальной жизни человека к определенному набору стандартных образцов поведения, подчиненных общей схеме «стимул – реакция» и ее модификациям с учетом вводимых промежуточных переменных. Бесспорно, эти подходы не были лишены слабых сторон, таких как радикальное отстаивание роли ситуативных факторов в возникновении конфликтов и неизбежный при этом уход на второй план личностных переменных. Однако не следует забывать, что благодаря ситуационным подходам современная наука получила богатейший эмпирический материал в области конфликтной проблематики. Стараниями М. Дойча и других исследователей конфликт перестал восприниматься как исключительно интрапсихически генерируемый феномен.

Когнитивистские подходы: конфликт как когнитивный феномен

Основная критика в адрес традиционного изучения кооперации и конкуренции состояла в следующем утверждении: «Не сами по себе кооперация и конкуренция ведут к определенным поведенческим реакциям, но опосредованно отражаясь в психической деятельности членов групп в виде социальной категоризации и порождая определенные социальные установки» (Агеев, 1990, с. 30–31). Подтвержденное результатами соответствующих исследований, это положение существенно корректировало чисто ситуационное объяснение конфликтов, согласно которому индивиду или группе достаточно оказаться в соответствующей ситуации, чтобы у них возникало кооперативное либо конкурентное поведение. Тем самым, по мнению Агеева, «когнитивисты, пожалуй, впервые обратили внимание на то, что непосредственно наблюдаемые взаимодействия субъектов в социальной ситуации могут быть поняты и проинтерпретированы с точки зрения их субъективного отражения, то есть с точки зрения их восприятия, осознания, рефлексии, оценки и т. д. „взаимодействующим субъектом“» (там же, с. 34).

С началом становления когнитивистских подходов в психологии стал проявляться все больший интерес к роли когнитивных процессов в регуляции взаимодействия людей, к тем субъективным образам окружающей действительности, которые складываются у индивида и организуются в связные и по возможности непротиворечивые интерпретации картины мира.

Курт Левин

Провозвестником когнитивизма не без оснований считают К. Левина, который ввел принципиально иное, чем у бихевиористов, понимание среды, окружающей индивида. В соответствии с теорией поля «описание ситуации должно быть скорее „субъективным“, нежели „объективным“, т. е. ситуация должна описываться с позиции индивида, поведение которого исследуется, а не с позиции наблюдателя» (Shaw, Costanzo, 1970, p. 119). Тем самым Левин преодолевает оппозицию «внутреннее – внешнее» в интерпретации источников социального поведения: если психоанализ рассматривал интрапсихические, «внутренние» факторы как главные в регуляции поведения, а бихевиоризм отдавал приоритет ситуативным, «внешним», то Левин фактически объединил их, придав «внешним» (объективным в трактовке бихевиоризма) факторам «внутренний», субъективный характер. Именно благодаря работам К. Левина, а также других представителей когнитивного феноменологического подхода сегодня в психологии, независимо от приверженности психолога преимущественно «личностному» или «ситуационному» объяснению, фактически общепринятым является представление, что «поведение определяет не ситуация, которая может быть описана „объективно“ или по согласованному мнению нескольких наблюдателей, а ситуация, как она дана субъекту в его переживании, как она существует для него» (Хекхаузен, 1986, т. 1, с. 22). С. Страйкер, обсуждая тенденции в развитии психологии в конце 1970-х годов, указывает в качестве одной из важнейших тенденций на «общую волну... феноменологического мышления», благодаря которой субъективность обретает законный и уважаемый статус в психологии. По его мнению, наибольшую роль в «прорыве» субъективности в психологию, возможно, сыграл К. Левин, чья теория поля описывает среду как воспринимаемую и переживаемую субъектом (Stryker, 1977).

Левин был первым психологом, исследовавшим конфликт как таковой. Это относится и к его описаниям конфликта в теории поля, и к его изучению проблем интерперсональных отношений в американский период его деятельности, и к его работам, обобщенным в книге «Разрешение социальных конфликтов» (1948), которую по праву можно считать первым исследованием в психологии конфликтов, да и в конфликтологии в целом. В теории поля Левина конфликт «психологически характеризуется как ситуация, в которой на индивида действуют противоположно направленные одновременно воздействующие силы примерно равной величины» (Lewin, 1935, p. 122).

Случаи, когда индивид находится между двумя позитивными или негативными валентностями или же один и тот же объект одновременно наделен как позитивной, так и негативной валентностью, описывают основные виды внутриличностного конфликта. Межличностные конфликты интерпретируются как «конфликты между собственными и вынуждающими силами», т. е. как противоречие между собственными потребностями человека и внешней вынуждающей силой. В принципе, по мнению Левина, законы развития конфликта едины для всех его разновидностей, однако случай конфликта между собственными и внешне вынуждающими силами имеет специфическую возможность разрушения этой внешней власти. Из этих теоретических построений выросли экспериментальные исследования групповой атмосферы в ситуации авторитарного руководства, которая интерпретировалась как противоречие между вынуждающими и собственными силами.

Конфликт «психологически характеризуется как ситуация, в которой на индивида действуют противоположно направленные одновременно воздействующие силы примерно равной величины».

К. Левин

Напомним, что «воздействующие силы» или «валентности» в рассуждениях Левина являются не объективными характеристиками внешней ситуации (при таком понимании описание конфликта приближалось бы к его интерпретации в ситуационных подходах), а представляют собой результат наделения индивидом внешних объектов субъективными значениями, их субъективного восприятия.

Необходимо также подчеркнуть факт неоспоримого влияния Левина на когнитивные идеи в области изучения конфликтов. При этом, может быть, большее значение имели даже не столько его конкретные рассуждения об отдельных аспектах межличностных отношений и конфликтов, сколько «когнитивный вектор» его высказываний и имплицитно содержащаяся в них когнитивная парадигма.

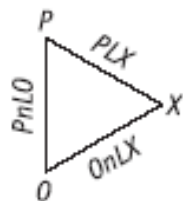
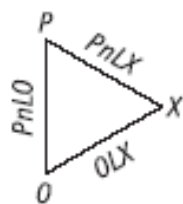
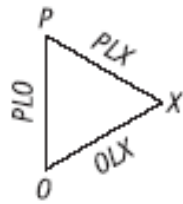
Теории баланса

Идеи Левина о природе конфликтов стали непосредственным источником теорий когнитивного соответствия, в том числе и теории структурного баланса Ф. Хайдера, которого иногда называют основателем когнитивной психологии в целом. Теория Хайдера посвящена анализу согласованности между системой установок индивида и его знаниями об установках и поведении окружающих. Ее первые положения были концептуализированы автором в 1946 году. В книге «Психология межличностных отношений» (Heider, 1958), содержащей относительно полное описание его теории, Хайдер анализирует балансные и небалансные состояния в отношениях людей и, исходя из положения о стремлении социального целого к балансу, возможные пути достижения баланса.

Если некий человек *P* (*person*) испытывает симпатию к другому человеку *O* (*other*), который делает нечто *X*, и если это *X* позитивно с точки зрения *P*, мы имеем случай баланса из трех позитивных отношений. Если человек *P* испытывает антипатию к человеку *O*, который делает нечто *X*, и если это *X* негативно оценивается *P*, это будет случай баланса из трех негативных отношений. Если же *O*, к которому *P* относится хорошо, делает нечто, к чему *P* относится негативно, в этой структуре возникает небалансное состояние и, соответственно, тенденция стремления к балансу.

Ситуация может быть трансформирована двояко – за счет изменения в отношении *P* к *O* или *X* или путем изменения целого. Изменения в отношениях *P*: а) *P* начинает думать, что *X* не так уж и плох – устанавливается баланс из трех позитивных отношений; б) *P* начинает думать, что *O* не так уж и хорош, в соответствии с чем «плохой *O*» делает «плохое *X*», и балансное отношение устанавливается снова. Изменения в отношениях целого: а) *P* начинает думать, что *O* в действительности не в ответе за *X*, тогда *X* нельзя приписывать *O*, и их единство разрушается; б) *P* разрешает ситуацию за счет дифференцированного взгляда на *O*: *O* имеет и плохие, и хорошие черты. Баланс достигается за счет негативного отношения *P* к «плохой» части *O*, ответственной за «плохое» *X*, и хорошего отношения *P* к «хорошей» части *O*. (рис. 2.1).

Сбалансированные структуры

L — позитивное отношение
nL — негативное отношение

Несбалансированные структуры

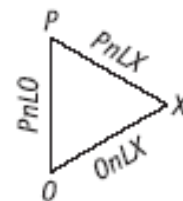
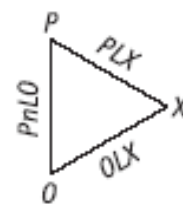
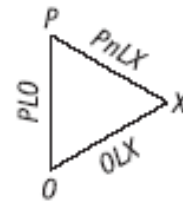

Рис. 2.1. Схема *P-O-X* (Ф. Хайдер).

К теории структурного баланса (цит по: Андреева, 1998)

Однако очевидно, что во многих ситуациях реального взаимодействия проблемы так просто не решаются. Например, *O* владеет *X*, к которому стремится *P*. Казалось бы, по предыдущей схеме, это должно благоприятствовать отношениям *P* к *O*, но *P* может завидовать *O*, желая своего единства с *X*, будь то материальный объект или человек. Таким образом, если *P* и *O* стремятся к *X* и единство одного из них исключает единство другого, возникает конфликт.

Аналогично возникает конфликт, если *P* и *O* стремятся избежать *X*, но это возможно лишь для одного из них. Наконец, еще один вариант возникновения конфликта связан с необходимостью для *P* и *O* действовать относительно *X* совместно и единообразно, а их отношение к *X* различно: тогда или один из них должен отказаться от позитивного для него *X*, или другой должен принять негативное для себя *X*. (Хайдер сам указывает на аналогию этих примеров межличностных конфликтов с типами конфликтов Левина.)

Следовательно, в соответствии с теорией Хайдера, конфликт возникает тогда, когда установление баланса невозможно в силу того, что «определенное отношение единства, предписываемое условиями баланса, для одного человека исключается вследствие существования отношения единства со стороны другого человека» (Heider, 1958, p. 212), т. е. сущность

социально-психологического конфликта в его трактовке – это определенное рассогласование между системой представлений индивида и его знаниями о представлениях и поведении других, между системами представлений разных людей. Дальнейшее развитие идей Хайдера было предпринято Т. Ньюкомом, сделавшим акцент на процессе коммуникации между участниками взаимодействия, которые хотят, чтобы те, с кем они имеют дело, разделяли их точку зрения, особенно если речь идет о важных вещах, а их партнеры кажутся им привлекательными (рис. 2.2).

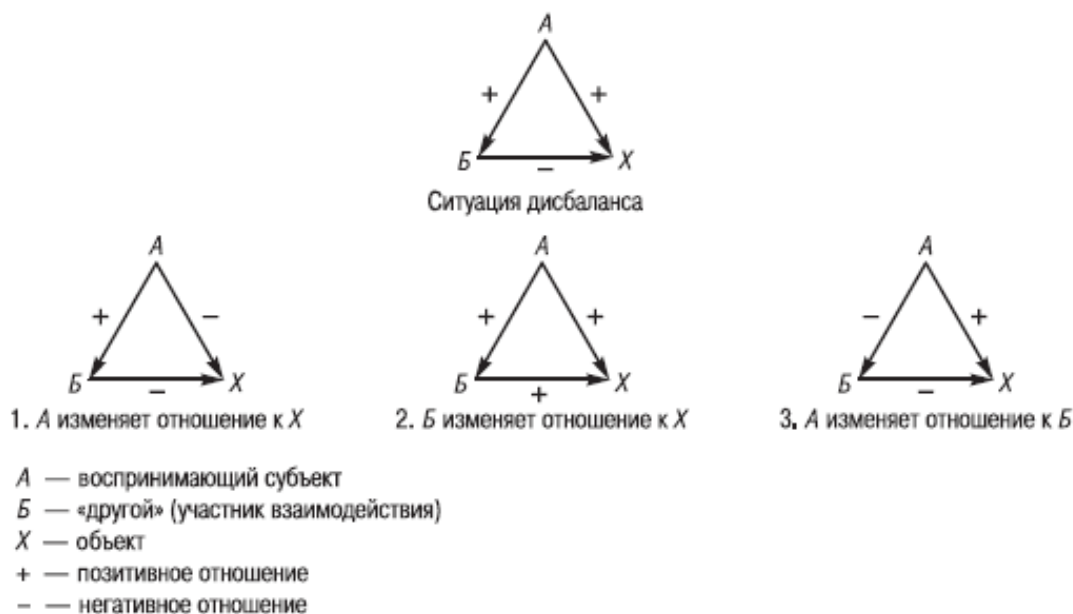

Рис. 2.2. Схема А-Б-Х (Т. Ньюком).
 К теории коммуникативных актов (цит по: Андреева, 1998)

Таким образом, когнитивистские подходы в изучении конфликтов были реализованы не только в акценте на субъективном переживании человека как ключевом факторе объяснения феноменологии конфликтов, но и в описании нового их измерения – когнитивного пространства.

Конфликт как когнитивная схема

Приведем пример последовательного развития когнитивного подхода в исследовании конфликтов.

Одна из немногих работ, в которой конфликт непосредственно изучается как когнитивная схема, относится к области межгрупповых конфликтов и принадлежит У. Клару и его коллегам (Klar, Bar-Tal, Kruglanski, 1988). Авторы интерпретируют конфликт как специфическое содержание знания, или как специфическую когнитивную схему. Под когнитивной схемой понимается семантическая сеть взаимосвязанных значений (того, что подразумевается), проистекающих от особого центрального убеждения. В случае конфликтной схемы этим специфическим центральным убеждением является несовместимость целей различных сторон. Если эта несовместимость признается индивидом или группой, конфликтная схема активизируется и ситуация будет рассматриваться как случай конфликта.

Полемизируя с Дойчем, Клар и его соавторы особо подчеркивают, что конфликт не возникает от несовместимых действий, поскольку последние совсем не обязательно должны восприниматься как конфликт. Конфликт – это не просто свойство ситуации, но скорее выводы, делаемые на ее основе. Более того, однажды сформированная схема начинает в значительной

степени управлять кодированием, организацией и поиском информации. Если ситуация определяется как конфликтная, для ее характеристики будут выбираться признаки, поддерживающие эту схему.

Поскольку конфликт связан с определенной интерпретацией ситуации, неизбежно появление различий между индивидами и группами в том, как они оценивают те или иные особенности ситуаций. Содержание представлений о том, что считать конфликтом, может различаться. Кроме того, могут наблюдаться различия, связанные с общим богатством когнитивного репертуара и предрасположенностью к использованию тех или иных схем.

Исходя из понимания конфликта как когнитивной схемы, авторы предлагают ряд следствий из общего понимания природы и механизмов действия когнитивных схем. В соответствии с развиваемыми ими положениями все структуры знания формируются в результате двухфазного процесса, в ходе которого генерируются и проверяются гипотезы. Факторы, облегчающие или затрудняющие выдвижение гипотез, делятся на две категории – когнитивные и мотивационные. Когнитивные факторы могут быть описаны в двух аспектах – наличия идей в личностном концептуальном репертуаре и их доступности в данный момент. К мотивационным факторам авторы относят потребность в когнитивной структуре (стремление иметь ясное и четкое представление о данной проблеме), опасение невалидности и потребность в окончательных выводах, принятие которых зависит от того, в какой степени они конгруэнтны индивидуальным желаниям и устремлениям. Предпочтение, оказываемое определенным выводам, может побуждать индивида генерировать представления, альтернативные нежелательным, и наоборот, удерживать его от этого, если возникающее представление его устраивает. Понимание конфликта как когнитивной схемы дает возможность авторам выдвинуть также ряд идей, касающихся возможностей управления конфликтами.

Субъективная оценка ситуации как условие конфликта

Для отечественной психологической науки также было характерно – прежде всего, в традиции, идущей от психотерапевтического подхода, – принятие субъективной оценки человеком сложившейся ситуации, его субъективного переживания в качестве обязательного компонента наличия конфликта.

В. Н. Мясищев писал о месте переживаний в системе отношении личности:

«...Переживание оказывается при более глубоком анализе – производным от личности переживающего, и само должно быть объяснено в связи с ее особенностями. Здесь мы теснее всего соприкасаемся с вопросами человеческой психики, своеобразие которой, кратко говоря, заключается в том, что человек является сознательным субъектом, т. е. выделяющим себя из окружающего, сознательно относящимся к различным сторонам действительности и активно воздействующим на нее в соответствии со своими потребностями и вытекающими из них целями» (Мясищев, 1960, с. 237). Данное утверждение воспринимается как прямая полемика с бихевиористской традицией, в том числе и с отождествлением законов поведения животных и человека, что впоследствии станет одним из самых острых упреков в адрес бихевиористов со стороны гуманистической психологии.

Переживание оказывается при более глубоком анализе – производным от личности переживающего, и само должно быть объяснено в связи с ее особенностями.

В. Н. Мясищев

В. С. Мерлин, один из основных отечественных исследователей конфликта, в качестве обязательного условия его возникновения рассматривает субъективную неразрешимость ситуации, которая не может быть ничем иным, как результатом соответствующей оценки, интерпретации ее человеком (Мерлин, 1970). Могут быть приведены и другие примеры, свиде-

тельствующие о том, что принципы, относимые в западной психологии к когнитивистской традиции, уже давно используются отечественной наукой – по крайней мере, в области понимания и описания природы конфликтных явлений.

Впрочем, сегодня правомерно говорить об окончательном утверждении подхода, предполагающего учет субъективного отношения человека к тем или иным событиям в их развитии, в психологии в целом. Вероятно, это прежде всего результат мощного усиления психологической практики, для которой субъективные переживания человека и есть объективный предмет работы. Применительно к конфликтам это означает, что восприятие и интерпретация внешней ли ситуации, собственных ли чувств и переживаний как конфликта, общепризнанно рассматриваются как обязательное условие существования конфликта, а сама по себе внешняя ситуация, какие бы объективные противоречия она ни содержала, не может автоматически вести к развитию конфликта. Когнитивная составляющая является обязательным условием их возникновения.

Разные феноменологии конфликта и разные объяснительные модели

Классическая психология предложила несколько вариантов понимания конфликтов: 1) как явления, природа которого определяется через интрапсихические процессы и факторы; 2) как явления, возникновение и особенности которого определяются прежде всего ситуацией; 3) как явления, для понимания которого недостаточно знания личностных особенностей или объективного описания ситуации, но необходимо понимание когнитивной составляющей – субъективной интерпретации происходящего.

Каждый из этих подходов внес свою лепту в понимание конфликтов. Психоаналитическая традиция в ее теоретическом и практическом выражении обогатила психологию уникальными описаниями и клиническим опытом наблюдения и интерпретации тонких взаимосвязей между внутренним миром личности и ее существованием в реальности интерперсональных отношений. Кроме того, интерес психоаналитиков к личностным особенностям и их сочетаниям стимулировал их описания личностных типов, личностных стилей, которые могут быть интересны тем, кого волнует проблема «конфликтных личностей». В рамках ситуационных подходов выполнено огромное число экспериментальных исследований, в которых изучались различные аспекты поведения участников конфликтов в их зависимости от бесконечно варьирующихся параметров ситуации. Когнитивистские подходы открыли возможность «культурного» понимания конфликтов в рамках более широкого социального контекста, чем замкнутость параметрами ситуации непосредственного взаимодействия.

Разные направления классической психологии не просто предложили различные подходы к пониманию природы конфликтов, но и, исходя из своих концептуальных построений, фактически разрабатывали различные измерения данного явления. Психодинамические подходы с их вниманием к внутреннему миру личности обогатили своими идеями и опытом то, что может быть названо «аффективным» пространством конфликта, которое связано с чувствами и переживаниями людей. Ситуационные подходы работали с «поведенческим» измерением. Когнитивные подходы добавили к этому когнитивные факторы формирования как аффективного, так и поведенческого параметра, равно как и заставили воспринимать конфликт как более субъективный феномен, чем это предполагалось другими направлениями.

Теоретические основания классических направлений психологии стимулировали поиск соответствующей феноменологии. Понятно, что психоанализ в принципе не мог заниматься поиском ситуационных детерминант конфликтов, а бихевиоризм, в свою очередь, – глубинными причинами душевных переживаний человека.

Каждый крупный теоретик выделил и прояснил определенные аспекты человеческой природы. Мы полагаем, что каждый теоретик по существу «прав» в той области, которую он рассматривает наиболее внимательно. Единственная ошибка, которую делали большинство из них, – это предположение, что они обладают единственным, лучшим, причем общим и всеохватывающим ответом. Разногласия между создателями различных теорий личности часто напоминают историю о слепых и слоне. Теория, основанная на психопатологии, может не обладать концептуальными средствами и эмпирическими данными для адекватного рассмотрения сверхличного опыта. Теория, занятая по преимуществу феноменами сознания, может быть неадекватной в объяснении снов и других форм символизма. Мы полагаем, что каждый теоретик обладает ясным понятием о некоторой части целого, но временами, не признавая, что это только часть, пытается убедить остальных, что то, что он держит, – либо наиболее важная часть, либо даже весь слон целиком.

Дж. Фейдемен, Р. Фрейгер

Однако безусловная плодотворность их изначальных теоретических посылок привела к выявлению и описанию каждым из классических направлений психологии своей феноменологии конфликта, которая не исключала, но дополняла другие. Когда мы говорим, что психоанализ выявил интрапсихическую природу конфликтов, бихевиоризм описал их как ситуационные феномены, а когнитивные подходы вскрыли когнитивные основания конфликтов, то противоречат ли эти результаты друг другу? Безусловно, нет. В каждом из этих случаев научный поиск просто продемонстрировал разнообразие человеческих конфликтов. Существуют ли конфликты, возникновение, развитие и разрешение которых подчиняется интрапсихическим законам, предложенным психоанализом? Бесспорно, в той же мере, в которой между людьми возникают конфликты, понимание которых требует привлечения закономерностей, выявленных бихевиоризмом или когнитивными подходами.

Таким образом, правомерно говорить не о противоречиях в понимании явления конфликта, а о разных существующих явлениях конфликта, которые в своем конкретном выражении могут быть поняты через обращение к разным принципам их описания.

Тем не менее свое право на существование разные направления в психологии часто отстаивали не только в полемике друг с другом, но и в претензии на исключительное право единственно правильной интерпретации. Каждый из рассмотренных нами подходов не просто «работал» со своей феноменологией, но нередко претендовал на универсальность предложенной им объяснительной модели. В случае конфликта эта объяснительная модель касается прежде всего его происхождения.

Теоретические описания породили соответствующие направления в практической работе с психологическими проблемами: психоаналитическая практика и трансактный анализ, рационально-эмотивная терапия и разнообразные виды групповых встреч дали огромную литературу, изобилующую примерами конфликтов и работы с ними. Как совершенно справедливо отмечает Л. А. Петровская, «практическая работа может оказаться просто обедненной, если к многогранной живой реальности прикладывается концепт, строго следующий единственному объяснительному принципу, как правило, продуктивному в определенных границах, но ни в коей мере не являющемуся всеохватывающим и исчерпывающим реальность. Это может быть отнесено ко всем существующим сегодня в психологии объяснительным теоретическим конструкциям – психоаналитической, бихевиористской, когнитивистской, гуманистической и др.» (Петровская, 1989, с. 107). Практическая работа в каждом конкретном

случае и состояла бы прежде всего в верификации тех или иных возможных объяснений психологической природы данного конфликта.

Современные тенденции в подходе к конфликтам: признанное и спорное

Современная психология представляет собой такое разнообразие знания, развивающихся практик, борьбы мнений, разочарований и побед, что пытаться судить о состоянии дел в какой-то ее области – попытка, заведомо обреченная на критику, и в этом смысле занятие неблагодарное. И все же попробуем хотя бы в первом приближении указать на то, что можно считать устоявшимся, принятым сегодня в области психологического понимания и изучения конфликтов, а что остается спорным и требует своего решения.

Доминирование практической ориентации

В качестве одной из наиболее очевидных особенностей сегодняшней психологии конфликта можно назвать явное предпочтение практических направлений в работе с конфликтами их теоретическому исследованию. В этом проявляется, возможно, общий кризис психологической теории, о котором сегодня нередко можно слышать. Сказывается и влияние гуманистической психологии с ее попытками противопоставить «официальной», «академической» психологии «живое» знание реальных человеческих проблем и опыт работы с ними.

Для гуманистической психологии, оформившейся как научное направление в середине XX века, характерно обращение к сущностным сторонам человеческой личности, стремление к решению практических задач развития личности и помощи человеку. Идущая от психологической практики гуманистическая психология опирается на анализ конкретного опыта работы, предпочитая его теоретическим схемам и моделям. Одним из положений гуманистической психологии является представление, что «поскольку человеческая природа определяется не тем, что делает человек, а тем, как он осознает свое бытие, его природа никогда не может быть определена полностью» (Роджерс, 1994, с. 7).

Еще одной немаловажной причиной, по которой в современных публикациях чаще встречаются разборы конкретных случаев, описания терапевтической работы, анализ конфликта, чем результаты исследований в этой области, является разочарование в релевантности существующих методов теоретического изучения конфликта. Кроме общей проблемы истинности психологического знания, добываемого с помощью лабораторных исследований социального поведения человека (особенно в случае сложных психологических явлений), исследование конфликта имеет собственные особенности и трудности, на которых мы подробнее остановимся в разделе о методах исследования.

Помимо общего преобладания практической ориентации современной психологической науки в области конфликтов и ее продолжающегося нарастания можно также с уверенностью говорить об утверждении отношения к конфликту как к явлению не только естественному и закономерному, но и к выполняющему важные функции в психической жизни человека.

Изменение отношения к конфликтам

Пожалуй, наиболее определенным образом об этом изменении заявила гуманистическая психология, которая в отношении психологических конфликтов заняла принципиально иную позицию, чем психоанализ. Психоаналитическое понимание природы человека предполагает, что на протяжении своей жизни человек постоянно стремится к ослаблению, уменьшению конфликта. Гуманистическая психология не рассматривает конфликт как неизбежность. В то же

время, как пишет Р. Мэй, «предельная целостность человеческой личности не только невозможна, но и нежелательна... Личность динамична, а не статична, ее стихия – творчество, а не прозябание. Наша цель – новое, конструктивное перераспределение напряжений, а не абсолютная гармония. Полное устранение конфликтов приведет к застою; нашей задачей является *превращение деструктивных конфликтов в конструктивные*» (Мэй, 1994, с. 30).

Если для психоаналитиков противоречия души есть признак дезинтеграции (если не патологии) личности, то для психологов гуманистического направления «внутренняя напряженность личности свидетельствует о непрерывной работе духовного начала» (Мэй, 1994, с. 34), а «причиной личностных проблем является *нарушение правильного распределения напряжений во внутренней структуре личности*» (с. 40).

Конфликт – это нормально, это то, что сопутствует как нашей внутренней жизни, так и нашему взаимодействию с людьми. Переживание конфликтов – тяжелый и болезненный процесс, но это часть жизни человека. Мы не должны чувствовать себя виноватыми или несостоятельными неудачниками, если мы переживаем конфликты. Это может показаться довольно очевидным, однако многие проблемы в жизни людей и их переживания возникают из-за непонимания или непринятия этой точки зрения.

Рассмотрим в качестве примера взаимоотношения детей и родителей. Развитие ребенка неизбежно сопряжено с возникновением в их взаимодействии противоречий. Оно связано с постепенным обретением большей взрослости и самостоятельности, в процессе чего ребенок делает шаги к автономизации, к более самостоятельному существованию. Когда ребенок первый раз отдергивает ногу, на которую мама натягивает ботинок, и говорит: «Я сам», он фактически говорит о том, что его уже не устраивают сложившиеся формы их взаимодействия и он хочет их изменить. Потом мама ведет ребенка в школу он держится за ее руку, но в какой-то момент он начинает противиться этому, потому что он уже большой и ему неудобно, чтобы его мама вела за ручку, как маленького. Затем он станет подростком и будет спорить с родителями из-за того, почему вечером он должен являться домой в десять часов, когда другие мальчики гуляют допоздна, и т. д.

Личность динамична, а не статична, ее стихия – творчество, а не прозябание. Наша цель – новое, конструктивное перераспределение напряжений, а не абсолютная гармония. Полное устранение конфликтов приведет к застою; нашей задачей является превращение деструктивных конфликтов в конструктивные.

Р. Мэй

Таким образом, в отношениях детей и родителей постоянно возникают противоречия между сложившимся на данный момент стилем их взаимодействия и потребностями ребенка в его изменении. Эти противоречия неизбежны, более того, например, в подростковом возрасте они часто рассматриваются не просто как неизбежный, но как обязательный или даже желательный компонент взросления ребенка. Такой точки зрения придерживаются профессиональные психологи.

Но что при этом чувствуют родители? Они сталкиваются с тем, что считают неповиновением, упрямством, выходом ребенка из-под контроля, а зачастую и откровенным бунтом, протестом, сопровождающимся характерной для подросткового возраста резкостью. Родители реагируют на это как на нечто совершенно неприемлемое, как на то, чего быть не должно. Они воспринимают происходящее как угрозу родительскому авторитету, как прямую опасность для ребенка («Он вышел из-под контроля!») и, нередко, как собственную родительскую несостоятельность («Я не сумел его правильно воспитать», «Я виновата, я что-то недоглядела»). Такого рода чувства, переживаемые родителями, типичны и являются следствием непринятия того факта, что наличие противоречий – это неотъемлемая черта наших отношений.

Сказанное относится, конечно, не только к взаимодействию родителей и детей, но и к другим сферам наших отношений. Совместная жизнь людей постоянно создает ситуации несовпадения интересов, обуславливает необходимость взаимных уступок и компромиссов. Семейные отношения потенциально наделены высокой конфликтностью, однако, что подтверждено исследованиями, именно супружеские отношения потенциально содержат в себе и возможность наибольшего эмоционального удовлетворения.

Таким образом, еще раз повторим, что конфликт – это совершенно нормальное явление. Люди должны перестать рассматривать конфликты как аномалию, нечто «неправильное», поскольку, полагая так, они будут требовать послушания от детей, повиновения от окружающих и подавлять конфликты в самих себе.

Позитивные функции конфликтов

При обсуждении понимания конфликтов в социальных науках отмечалось, что современная точка зрения исходит из представления о позитивных функциях конфликта.

Это легко принимается, когда речь идет о теоретических рассуждениях социологов о процессах, происходящих в социальных системах. Но психолог имеет дело с живыми людьми и видит перед собой страдающего человека, тяжело переживающего жизненные сложности, что эмоционально бывает трудно совместить с рассуждениями о пользе конфликтов.

Однако и для современной психологии характерно признание двойственной природы конфликта, в том числе и его позитивной роли.

Конфликт – источник развития. Самая главная позитивная функция конфликта состоит в том, что, будучи формой противоречия, конфликт является источником развития. Наиболее явное выражение эта функция конфликта, принимающего форму кризиса, нашла в концепции Эриксона. Наряду с ней существует и множество других, более частных приложений общего тезиса о позитивной роли противоречий в развитии индивида. Например, в ряде исследований, основанных на идеях Жана Пиаже и его школы, показано, что социокогнитивные конфликты могут быть источником интеллектуального развития детей. Под социокогнитивным конфликтом понимается ситуация, когда индивиды имеют разные ответы на одну и ту же проблему и мотивированы на достижение совместного решения. Чем значимее этот конфликт для участников ситуации, тем потенциально сильнее его влияние на их интеллектуальное развитие (Levine, Resnick, Higgins, 1993). Также общепризнанным можно считать тезис о противоречиях как источнике развития группы, включая и возможные конкурентные процессы. Так, Б. Ф. Ломов считает, что в совместной деятельности «соперничество (сотрудничество) играет роль своеобразного „катализатора“ развития способностей» (Ломов, 1984, с. 325). Аналогичную функцию стимулирования активности и развития конкуренция играет в группе. Принятие этой точки зрения проявилось в том, что в психологический словарь 1990 года впервые был введен термин «конфликт продуктивный» (Психология. Словарь, 1990).

Конфликт – сигнал к изменению. Из других позитивных функций конфликта наиболее очевидной является сигнальная функция. Обсуждая типы критических ситуаций, Ф. Е. Василюк подчеркивает позитивную роль, «нужность» внутренних конфликтов для жизни: «Они сигнализируют об объективных противоречиях жизненных отношений и дают шанс разрешить их до реального столкновения этих отношений, чреватого пагубными последствиями» (Василюк, 1995, с. 94).

Аналогичную сигнальную функцию конфликты выполняют и в межличностных отношениях. Вернемся к примеру с родителями и ребенком. Если родители воспринимают несогласие ребенка, его новые притязания и попытки их обсуждения с родителями исключительно как неповиновение, то они будут бороться с его непослушанием, настаивать на своем и тем самым скорее всего ухудшат, а может быть, и разрушат свои отношения с ребенком. Самые острые и

болезненные конфликты с подростками возникают в тех семьях, где они с детства находились в атмосфере подавления. Постепенно накапливающееся напряжение подобно пару, давление которого разрывает плотно закрытый котел.

Конструктивной реакцией будет восприятие происходящего не как неповиновения, но как сигнала о необходимости изменений. Возможно, здесь будет уместна аналогия с болью. Боль неприятна, но любой врач скажет, что она выполняет важную и полезную функцию. Боль есть сигнал о том, что в организме что-то не так. Игнорируя или заглушая боль успокоительными таблетками, мы остаемся с болезнью. Конфликт, подобно боли, выполняет сигнальную функцию, сообщая нам о том, что что-то не в порядке в наших отношениях или в нас самих. И если мы в ответ на этот сигнал пытаемся внести изменения в наше взаимодействие, мы приходим к новому состоянию адаптации в отношениях. Точно так же адекватной реакцией родителей будет приспособление своего поведения, своих требований и ожиданий к новому уровню развития ребенка, его самостоятельности и автономии. Если мы на каждом этапе своих отношений достигаем нового уровня адаптации, это обеспечивает сохранение, «выживание» наших отношений.

С. Минухин и Ч. Фишман описывают ситуацию, связанную с уходом взрослых детей из семьи, которую они называют «периодом опустевшего гнезда» и которая часто связана с депрессией у женщин:

Однако на самом деле супружеская подсистема вновь становится для обоих ее членов важнейшим семейным холоном, хотя при появлении внуков приходится и здесь выработать новые взаимоотношения. Данный период, часто описываемый как период растерянности, может вместо этого стать периодом бурного развития, если супруги и как индивиды, и как пара прибегнут к накопленному опыту, своим мечтам и ожиданиям, чтобы реализовать возможности, ранее недоступные из-за необходимости выполнять свой родительский долг (Минухин, Фишман, 1998, с. 32–33).

Конфликт – возможность сближения. На психологическом материале могут быть найдены примеры, иллюстрирующие и другие позитивные функции конфликта, например «коммуникативно-информационную» и «связующую» (в терминологии Козера).

В качестве примера я приведу рассказ одной молодой женщины. Она вышла замуж рано, ей не было еще и девятнадцати лет. Ее избранник был старше ее на несколько лет, и, хотя тоже был молод, ей казалось, что он мудрее и опытнее. Возможно, именно это приводило к тому, что, несмотря на хорошие отношения с ним, она чувствовала в душе какую-то стесненность, ощущала разделяющую их дистанцию. После рождения ребенка их отношения стали ухудшаться и наконец подошли к той опасной черте, после которой, возможно, их ждало расставание. Однако произошел тот, часто неожиданный прорыв, на который всегда остается надежда. Они стали выяснять свои отношения и в ходе этого откровенного разговора поняли друг друга. Рассказав эту довольно банальную историю, женщина добавила в конце: «Я так рада тому, что этот конфликт тогда был между нами. Потому что с тех пор мы с мужем стали абсолютно близкими друг другу людьми. У меня нет человека ближе него, ни мама, ни мой ребенок, нет, он мой самый близкий человек. Я могу ему все-все сказать, что у меня на душе».

Этот новый уровень отношений между ними она связывает именно с происшедшим конфликтом. Момент прорыва, когда людям нечего терять, когда они пытаются прорваться друг к другу, может стать для них последней возможностью взаимопонимания. Недаром социологи чикагской школы говорили: «Конфликт – это возможность разговора начистоту».

Конфликт – это возможность разрядки напряжения, «оздоровления» отношений. Функция разрядки напряжения, «оздоровления» отношений, которую потенциально содержит в себе конфликт, может целенаправленно использоваться в педагогической прак-

тике. Например, А. С. Макаренко рассматривал конфликт как педагогическое средство влияния на отношения людей. У него есть незаконченная работа «О „взрыве“» (1949), в которой он указывает, что в коллективе всегда существует целый комплекс различных противоречий «разных степеней конфликтности». Выбирая «из общей цепи конфликтных отношений самое яркое, выпирающее и убедительное, для всех понятное», Макаренко рекомендует разрешать его методом «взрыва». «Взрывом я называю доведение конфликта до последнего предела, до такого состояния, когда уже нет возможности ни для какой эволюции, ни для какой тяжбы между личностью и обществом, когда ребром поставлен вопрос – или быть членом общества, или уйти из него» (Макаренко, 1958, с. 508). Этот последний предел может выражаться в различных формах, но во всех случаях его главной задачей является ломка неверно сложившихся отношений, на месте которых строятся новые отношения и новые понятия. Макаренко проявлял большой интерес к явлению «взрыва», хотя и оговаривал при этом, что «взрывной маневр – вещь очень болезненная и педагогически трудная» (там же, с. 510).

Интересно, что тот же прием усиления переживаний для инициирования благотворного кризиса Р. Мэй считает возможным использовать в психотерапевтической практике. Он пишет о том, как однажды получил чрезвычайно эмоциональное письмо от молодого человека, который просил его о помощи: «В ответном письме я поставил целью предельно обострить его переживания и вызвать кризис. Я написал, что он привык к своему положению избалованного ребенка, с которым всегда носились, а сейчас в его страданиях нет ничего, кроме жалости к самому себе и полного отсутствия мужества справиться с создавшимся положением. Я специально не оставил никакой лазейки для спасения престижа его "Я"» (Мэй, 1994, с. 99). Мэй считает, судя по ответной реакции, что его цель была достигнута и привела к конструктивным шагам.

Осознание потенциальных позитивных возможностей конфликта не должно заставить нас забыть о его вероятной деструктивной роли в жизни личности. Можно считать общепризнанным представление не только о позитивном значении эффективного разрешения и преодоления личностью возникающих внутриличностных кризисов, конфликтов, противоречий, но и о негативном, а то и разрушительном влиянии, которое может иметь для развития здоровой личности их непреодоление. Мы можем оценивать выход человека из конфликта или кризиса как продуктивный, если в результате он действительно «освобождается» от породившей эти трудности проблемы таким образом, что переживание делает его более зрелым, психологически адекватным и интегрированным.

Ф. Василюк отмечает, что эмоциональное переживание кризисной ситуации, каким бы сильным оно ни было, само по себе не ведет к ее преодолению. Точно так же анализ ситуации, ее обдумывание приводит лишь к ее лучшему осознанию. Подлинная же проблема состоит в созидании нового смысла, в «смыслопорождении», «смыслостроительстве», когда результатом внутренней работы личности по преодолению, проживанию критических жизненных ситуаций становятся изменения в ее внутреннем субъективном мире – обретение нового смысла, новое ценностное отношение, восстановление душевного равновесия и т. д. (Василюк, 1984).

Напротив, те стратегии, которые, в сущности, являются психологически неэффективными, как бы их ни оценивал сам индивид, реально оказываются направленными на ослабление, смягчение остроты переживаемого кризиса и сопровождающих его эмоциональных состояний. Если вспомнить ранее использованную медицинскую аналогию, то можно сказать, что в первом случае человек, почувствовав боль, пытается выяснить ее причину и справиться с ней, вылечив болезнь, а во втором случае он просто принимает таблетки, пытаясь заглушить неприятные ощущения.

Общая практическая позиция может быть выражена словами Мэя, которые уже приводились ранее: «...нашей задачей является *превращение деструктивных конфликтов в конструктивные*» (Мэй, 1994, с. 30).

Определение понятия конфликта

Подводя предварительные итоги, можно отметить, что к наиболее значительной из ряда нерешенных проблем следует, на наш взгляд, отнести трудности, связанные с определением понятия конфликта и его соотношением с другими близкими ему понятиями и явлениями психической жизни человека.

Мы уже обращались к вопросу о трудностях определения и самого понятия конфликта, и рамок его проблемного поля. Проведенный анализ понимания конфликта и природы этого явления в различных направлениях классической психологии обогатил наше представление о психологических конфликтах, но не снял проблемы определения понятия, более того, даже усложнил ее.

Авторы обобщающего издания по проблемам конструктивного управления конфликтами (Constructive Conflict Management... 1994) вынуждены начинать с вопроса об определении. Они отмечают, что существующие определения конфликта делают акцент либо на несовместимости действий (что, как мы видели, свойственно ситуационному подходу), либо на воспринимаемом различии интересов или убеждений (что характерно для когнитивистов). Определение конфликта, по их мнению, с которым трудно не согласиться, должно включать в себя и поведенческие, и когнитивные, и аффективные компоненты как присутствующие в любом конфликте и значимые для него.

А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов в своем обзоре работ по конфликтологической проблематике попытались сопоставить различные определения конфликта в отечественной психологии, решая ту же задачу, которую в свое время ставили перед собой западные социологи по отношению к социальным конфликтам. Как Макк и Снайдер, они приходят к выводу об отсутствии сложившегося общепризнанного понимания конфликтов.

Авторы проанализировали 52 определения конфликтов, принадлежащих отечественным психологам. Определения внутриличностного конфликта опираются на два ключевых понятия: в одних определениях конфликт трактуется как противоречие между различными сторонами личности, в других – как столкновение, борьба личностных тенденций. Обобщение определений межличностного конфликта позволило выделить следующие его основные свойства: наличие противоречия между интересами, ценностями, целями, мотивами как основа конфликта; противодействие субъектов конфликта; стремление любыми способами нанести максимальный ущерб оппоненту, его интересам; негативные эмоции и чувства по отношению друг к другу (Анцупов, Шипилов, 1992). Анализ большинства конкретных определений демонстрирует либо их уязвимость, либо узость, не удовлетворяющую существующим разновидностям психологических конфликтов (по меньшей мере двум его основным разновидностям – внутриличностной и межличностной). А первая отечественная «Психотерапевтическая энциклопедия» (1998) вообще не включает в круг определяемых понятий такие, как «конфликт», «кризис» или, например, «проблема», столь широко используемые в практической работе.

Обратимся к предпринятому нами во введении предварительному выделению ряда признаков, которые на основании различных источников были обозначены как инвариантные, т. е. обязательно встречающиеся в различных трактовках конфликта.

Напомним, что к ним были отнесены bipolarность как противостояние двух начал; активность, направленная на преодоление противоречия; наличие субъекта или субъектов как носителей конфликта. Рассмотрим, удовлетворяют ли эти признаки психологическому пониманию конфликтов с учетом представлений разных психологических направлений.

Биполярность как наличие и противостояние двух начал обязательно присутствует в любом психологическом конфликте. Идет ли речь о внутриличностном конфликте, межлич-

ностном или о межгрупповом – в любом случае в конфликте присутствуют две инстанции, противостоящие друг другу.

Активность, направленная на преодоление противоречия, также характерна для любого конфликта и в разных обозначениях присутствует, видимо, во всех определениях конфликта (что неудивительно: вспомним, что по самому своему происхождению слово «конфликт» – это столкновение). Эта активность называется «столкновением», «несовместимостью», «противодействием» и т. д.

Именно эта характеристика конфликтов была в свое время предметом споров между конфликтологами, которые не могли решить, является ли этот признак обязательным или уже наличие негативных чувств можно считать конфликтом. Л. Козер возражал против отождествления конфликта с враждебными установками: «Различие между конфликтом и враждебными чувствами является существенным. Конфликт в отличие от враждебных установок или чувств всегда имеет место во взаимодействии между двумя или более людьми. Враждебные аттитюды являются предиспозициями к возникновению конфликтного поведения; конфликт, в противоположность, всегда есть взаимодействие» (Coser, 1986, с. 37). В настоящее время, по мнению Г. М. Андреевой, дискуссионный вопрос о том, «есть ли конфликт лишь форма психологического антагонизма (т. е. представленности противоречия в сознании) или это обязательно наличие конфликтных действий», можно считать решенным в пользу того, что «оба вызванные компонента есть обязательные признаки конфликта» (Андреева, 1994, с. 93).

Действительно, противоречия между людьми, возникшие между ними разногласия, сколь бы значимы они ни были, не обязательно будут принимать форму конфликта. Когда же ситуация начинает развиваться как конфликтная? Если человек, воспринимая сложившуюся ситуацию как неприемлемую для него, начинает что-то предпринимать для ее изменения – объясняет свою точку зрения партнеру, пытаясь переубедить его, идет жаловаться на него кому-то, демонстрирует свое недовольство и т. д. Все это рассчитано на ответную реакцию партнера и направлено на изменение ситуации. Является ли этот признак – активность, направленная на преодоление противоречия, – обязательным для конфликтов, развивающихся не в межличностных ситуациях, но во внутреннем мире человека, на внутриличностном уровне? Ранее мы отмечали, что сама по себе биполярность еще не означает столкновения сторон. В каждом из нас живет множество противоречий – стремление к близости с другими людьми и стремление к автономности, обособлению своей индивидуальности, в нас сосуществует высокое и низкое, доброе и злое и т. д. Тем не менее это не означает, что мы постоянно находимся из-за этого в конфликте с самим собой. Однако когда по тем или иным причинам эти противоречия обостряются, начинается «борьба», поиск, подчас мучительный, решения, способа преодоления этого противоречия, выхода из него.

Носитель конфликта – субъект или субъекты. Еще один признак конфликта был первоначально обозначен нами как наличие субъекта или субъектов в качестве носителей конфликта. Его выделение определялось необходимостью ограничить предлагаемое нами понимание конфликта от его метафорического употребления. Простейшая интерпретация этого признака означает, что конфликт – это «человеческое» явление. Психологи не нуждаются в этом уточнении (исключение составляет приписывание свойств конфликта явлению борьбы в животном мире, что, на наш взгляд, глубоко ошибочно, ибо лишает феномен конфликта его ценностно-нормативных характеристик, его «социальности»). Однако субъект – не просто человеческий индивид; эта характеристика делает акцент на его наделенности сознанием и волей (в традиционном философском и психологическом понимании), на его способности к активным и осознанным действиям.

Активность отмечалась нами выше как один из атрибутивных признаков конфликта. Она развивается как следствие осознания наличия противоречия и потребности в его преодолении. Если человек не воспринимает существующее противоречие (в собственных стремлениях, в

отношениях с другими людьми и т. д.) как проблему, требующую решения, то психологически конфликта не существует. Сказанное, конечно, не означает необходимости адекватного осознания возникшей проблемы, она может переживаться в виде эмоционального дискомфорта, напряжения, тревожности, т. е. так или иначе порождать потребность в ее преодолении. В равной мере, независимо от того, что можно было бы назвать «объективным взглядом», если человек воспринимает как проблему что-то в своих отношениях с другими людьми или то, что происходит в его душе, он будет переживать это как проблему, требующую своего решения.

На первый взгляд, исключением является психоаналитическая трактовка конфликта как неосознаваемого человеком явления (напомним: патогенного, по Фрейдю, и невротического, по Хорни). Однако речь идет о вытесненных из сознания проблемах, следовательно, было бы точнее говорить о конфликтах, которые приобрели неосознанный характер в результате определенной внутренней работы, направленной на их вытеснение и подавление, а их разрешение как раз и предполагает их осознание. (Мы вынуждены, несмотря на безусловную важность затронутой проблемы, ограничиться здесь этим кратким обсуждением признака осознанности противоречия. Впоследствии мы еще неоднократно будем возвращаться к этой проблеме, прежде всего в связи с темой возникновения конфликтов.)

Мы рассмотрели те признаки конфликта, которые первоначально были выделены для характеристики данного явления и которые, по нашему мнению, вполне согласуются и с психологической феноменологией, и с представлениями, существующими в теоретической психологии. Не осталось ли за пределами нашего рассмотрения какого-то неотмеченного признака? Обращение к определениям конфликта другими авторами показывает, что предложенные нами атрибутивные признаки сопрягаются или во многом совпадают с представлениями специалистов или, во всяком случае, не противоречат им. Но есть одна характеристика конфликта, которая заслуживает особого обсуждения.

Речь идет о негативных действиях или негативных чувствах – характеристиках, нередко включаемых в определения конфликта. Рассмотрим в качестве примера два уже приводившихся определения. Одно из них – классическое и, возможно, наиболее распространенное определение Л. Козера, широко используемое в литературе. Оно относится к социальному конфликту, но, как известно, в западной традиции понятие социального конфликта используется достаточно широко, в том числе и применительно к интерперсональным ситуациям. Итак, по Козеру, «социальный конфликт может быть определен как борьба из-за ценностей или претензий на статус, власть или ограниченные ресурсы, в которой целями конфликтующих сторон являются не только достижение желаемого, но также и нейтрализация, нанесение ущерба или устранение соперника» (Coser, 1968, с. 232). В этом определении стороны выступают как противники, стремящиеся нейтрализовать друг друга. Но это в лучшем случае, а в худшем – в определение конфликта прямо включаются агрессивные компоненты («нанесение ущерба или устранение соперника»).

Второе определение принадлежит отечественным авторам Анцупову и Шипилову, выполнившим огромную аналитическую работу по уточнению понятийной схемы конфликта: «Под конфликтом понимается наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов и обычно сопровождающийся негативными эмоциями» (Анцупов, Шипилов, 1999, с. 8). В недавнем издании они уточняют свое определение: конфликт – это «наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, а также борьба подструктур личности» (Анцупов, Шипилов, 2006, с. 158), но делают следующую оговорку. Если в процессе конфликта имеет место противодействие субъектов, но они не переживают взаимные негативные эмоции, или, напротив, переживая таковые, не противодействуют друг другу, то такие ситуации авторы считают предконфликтными.

А под внутриличностным конфликтом понимается «негативное переживание, вызванное затянувшейся борьбой структур внутреннего мира личности» (Анцупов, Шипилов, 2006, с. 158).

Речь идет о принципиальном вопросе – включении в понятие конфликта в качестве его обязательного признака негативных действий (как у Козера) или негативных чувств (как у Анцупова и Шипилова). Определение Козера было предложено им 30 лет назад в период становления конфликтологии; определение Анцупова и Шипилова – одно из последних. Напомним, что для ранней философско-социологической традиции, как и для психологической (психоанализа), было характерен акцент на деструктивных, разрушительных аспектах конфликта, что приводило к его общей негативной оценке. С психологической точки зрения, придерживаясь любого из этих определений, мы вынуждены были бы также рассматривать конфликт как явление отрицательное.

Несомненно, что конфликт сопровождается разнообразными переживаниями: можно испытывать чувство досады, переживать возникшие затруднения, чувство непонятости, несправедливости и т. д. Однако обязательно ли в нем присутствует враждебность по отношению к партнеру или желание нанести ему ущерб?

Авторы издания, посвященного конструктивному управлению конфликтами (Constructive Conflict Management... 1994) считают, что это понятие характеризуется более широким объемом, чем понятие агрессии, и что конфликт может протекать без агрессии. Последняя может быть способом воздействия участников конфликта друг на друга, может приводить к деструктивному его развитию, однако в современной интерпретации конфликт может развиваться и без взаимной враждебности участников или их разрушительных действий. Это как раз и дает основания надеяться на возможности конструктивного управления конфликтами.

В большинстве приведенных выше определений речь шла об интерперсональных конфликтах. Если мы надеемся на возможность создания универсального определения конфликта, отвечающего по крайней мере двум его основным психологическим разновидностям – межличностному и внутри-личностному конфликту, то оно должно содержать признаки, релевантные для конфликтов обоих видов. Вряд ли правомерно среди разнообразных чувств, переживаемых человеком в ситуации экзистенциального или любого другого внутреннего конфликта, делать акцент на враждебности или агрессии по отношению к самому себе.

Таким образом, нам представляется, что включение в перечень признаков конфликта агрессии (в виде действий или враждебных чувств) приводит к сужению объема понятия и тем самым сводит общее понятие конфликта к одной из возможных разновидностей.

Резюме

1. Представление о конфликте как интрапсихическом явлении развивалось психодинамическими подходами. Основная традиция в его подобной интерпретации заложена Фрейдом.

2. Конфликт – это важнейший теоретический конструкт в психоаналитической концепции, ключ к пониманию психической жизни человека. Конфликту приписывается изначальный характер в силу противоречивости самой природы человека. Основное внимание в психоаналитических работах уделялось внутренним конфликтам неосознаваемого характера.

3. Конфликт с точки зрения психоанализа возникает в глубинах психики как результат взаимодействия внутренних структур и тенденций психики в силу законов ее собственного существования. Только в рамках этих законов и можно адекватно объяснить и описать интрапсихический феномен.

4. Интерперсональные конфликты в психоаналитической традиции также интерпретируются через внутриличностные особенности человека. Стойкая тенденция к межличностным

осложнениям является следствием искажений в базисных аттитюдах человека, возникающих под влиянием неблагоприятного опыта, приобретенного преимущественно в детстве.

5. Ситуационный подход в исследовании конфликтов был реализован прежде всего в бихевиористской традиции, сделавшей акцент на внешних детерминантах их возникновения.

6. Предметом изучения ситуационных подходов в исследовании конфликтов стали внешне наблюдаемые конфликты и их поведенческие характеристики. В рамках ситуационных представлений конфликт есть форма реакции на внешнюю ситуацию.

7. Стойкая тенденция личности к конфликтному реагированию в поведенческих подходах является следствием закрепления соответствующих моделей в поведенческом репертуаре.

8. Наибольший вклад в изучение ситуационной детерминации конфликта внес М. Дойч, в работах которого конфликт описывается как следствие объективного столкновения интересов сторон. Результаты исследований Дойча легли в основу созданной им концепции кооперации – конкуренции.

9. С точки зрения когнитивных подходов конфликт может быть понят только с учетом субъективного отражения тех или иных параметров ситуации, которое становится основой оценки ситуации как конфликтной и ключевым фактором объяснения феноменологии конфликтов.

10. Традиция субъективного понимания ситуации и ситуационной детерминации поведения была заложена Левином, первым психологом, исследовавшим конфликты.

11. Когнитивные подходы описали когнитивное измерение конфликта, а также предложили его понимание как специфической когнитивной схемы, в соответствии с которой конфликт – это не свойство ситуации, но скорее выводы, делаемые на ее основе.

12. Каждый из классических подходов психологической науки инициировал поиск феноменологии, соответствующей теоретическим представлениям, и внес свой вклад в понимание и описание эмоционального, поведенческого и когнитивного измерения конфликта.

13. Современные тенденции в подходе к конфликтам проявляются в преимущественной ориентации на практическую работу и увеличении количества практических разработок и соответствующем снижении числа теоретических исследований.

14. Общепризнанным становится не просто принятие конфликтов в качестве естественной формы психической жизни людей, будь то внутри-личностные или межличностные конфликты, но и признание их важных функций в развитии личности и ее отношениях с другими людьми.

15. Нерешенными в психологии остаются проблемы с определением конфликта и объемом его понятия.

Глава 3. Отдельные виды конфликтов

В главе «Отдельные виды конфликтов» описываются внутриличностные, межличностные, межгрупповые и внутригрупповые конфликты, их понимание в рамках различных подходов, возможные классификации и принципиальная общность.

- Личностные конфликты о А. Р. Лурия: «Природа человеческих конфликтов»

- о В. С. Мерлин: описание психологических конфликтов о Мотивационные конфликты о Когнитивные конфликты о Ролевые конфликты о Внутриличностные противоречия и конфликты

- Межличностные конфликты о Психоаналитическая интерпретация о Позиция К. Левина: удовлетворение потребностей о М. Дойч: зависимость от контекста о Конфликты в различных сферах взаимодействия о Попытки систематизации о Межгрупповые конфликты о Мотивационные подходы о Ситуационный подход о Когнитивные подходы о Примеры исследований: соединение подходов

- Внутригрупповые конфликты о Л. Козер: позитивные функции внутри групповых конфликтов о К. Левин: «пространство свободного движения»

- о М. Дойч: зависимость внутригрупповой ситуации от характера взаимосвязей между членами группы о Отечественные исследования: развитие групп

- Общность конфликтов разных видов

- Резюме

Предпринятый анализ различных определений конфликта позволил выделить основные инвариантные признаки конфликта, ограничивающие его понимание явлениями, для которых характерна биполярность как противостояние двух начал, проявляющееся в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, которое воспринимается субъектом (субъектами) конфликта как психологическая проблема, требующая своего разрешения.

Рассмотрение философско-социологической и психологической традиции изучения конфликтов подтвердило правомерность подобного описания, хотя возможность более строгого понимания затруднена разнообразием подходов, расширенным или метафорическим употреблением понятия конфликта, а также отсутствием традиции строгого определения понятий (прежде всего в западной науке).

Однако в очерченные нами рамки проблемного поля конфликтов входит достаточно широкий круг явлений, требующих систематизации. Наиболее распространенное ее основание – это различие видов конфликта с точки зрения «сторон» конфликтной ситуации, которыми могут быть группы, отдельные люди или личностные образования и тенденции человека. Это подтверждается и приводившимися в процессе конкретизации предмета изучения примерами классификации конфликтов, охватывающими подчас достаточно широкий круг явлений, изучение которых оказалось поделенным между различными областями научного знания.

Философско-социологическая традиция сохраняет за собой описание и исследование социальных конфликтов. Социальный конфликт в традиции отечественных исследований рассматривается как обострение социальных противоречий, как столкновение, в котором стороны представлены социальными общностями: этническими группами, классами, государственными образованиями и т. д.; таким образом, в содержание понятия «социальный конфликт» включаются явления и процессы, разворачивающиеся на уровне макроструктур. Типичным является следующее определение социального конфликта – «пределный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в столкновении различных социальных общностей – классов, наций, государств, социальных групп, социальных институтов и т. п., обусловленном противоположностью или существенным различием их интересов, целей, тенденций развития» (Социологический словарь, 1991, с. 80). К социальным конфликтам относятся военные,

этнические, экономические и политические конфликты. В западной науке понятие социального конфликта используется более широко, и семейные ссоры или организационные противоречия тоже могут называться социальными конфликтами.

Проблематика социальных конфликтов в отечественной науке относится к сфере интересов социологии. Однако, как указывает Л. А. Петровская, «основанием для широкого поля социально-психологических исследований конфликта служит... присутствие вторичных социально-психологических аспектов во всяком социальном конфликте» (Петровская, 1975, с. 48). «Включенность» психологических аспектов в любую социальную проблему необходимо предполагает обращение для ее понимания к психологическим факторам и закономерностям взаимодействия людей, выявляемым социальной психологией.

Отдельные области психологии, «поделив» между собой целостное пространство психической жизни человека, «поделили» между собой и человеческие конфликты. Психологические конфликты внутреннего мира человека, интрасубъектные конфликты, как и другие внутриличностные явления, традиционно относятся к общепсихологической проблематике, к описанию психологии личности. Интрасубъектные, интерперсональные конфликты – межличностные и межгрупповые – являются предметом изучения социальной психологии. Это разделение конфликтов на отдельные виды, хотя и является общепринятым в психологической науке, достаточно условно и совершенно не означает наличия жестких границ между ними. После описания отдельных видов конфликтов мы вернемся к идее их общности.

Личностные конфликты

Категория внутриличностных конфликтов объединяет психологические конфликты, состоящие в столкновении различных личностных образований (мотивов, целей, интересов и т. д.), представленные в сознании индивида соответствующими переживаниями (Краткий психологический словарь, 1985, с. 152). Конфликты этого вида в психологической литературе обозначаются как внутриличностные, личностные, внутренние, интрасубъектные, интраперсональные, наконец, как просто психологические. Все указанные понятия фактически используются как синонимичные.

Личностный конфликт представляет собой противостояние двух начал в душе человека, воспринимаемое и эмоционально переживаемое человеком как значимая для него психологическая проблема, требующая своего разрешения и вызывающая внутреннюю работу, направленную на его преодоление.

А. Р. Лурия: «Природа человеческих конфликтов»

Возможно, самой фундаментальной экспериментальной работой в области конфликтов в отечественной науке является книга А. Р. Лурия – «Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека». Судьба этой книги необычна: трижды издававшаяся в США (1932, 1960, 1976), она появилась на русском языке только к столетию автора в 2002 году.

Главная цель, которую ставил перед собой автор, как он сам пишет об этом в предисловии к первому изданию своей книги, – это дать научное объективное «описание механизмов, лежащих в основе дезорганизации человеческого поведения» (Лурия, 2002, с. 16); его прежде всего интересуют механизмы человеческого поведения, «выведенного из равновесия».

В название своей книги Лурия не случайно выносит понятие конфликта: дезорганизация человеческого поведения возникает как следствие аффекта, появляющегося, в свою очередь, в ситуации конфликта. Автор отмечает: «Одним из существенных механизмов дезорганизации человеческого поведения является механизм конфликта» (Лурия, 2002, с. 251).

Основная задача проводившихся ученым экспериментов – «выяснить законы дезорганизации человеческого поведения, условия, при которых она возникает, и приемы, с помощью которых она преодолевается» (Лурия, 2002, с. 39). В качестве предмета исследования было выбрано состояние аффекта. В состоянии разлитого аффекта, «как сложная машина, регулирующая часть которой разлажена», организм «перестает вырабатывать стандартную продукцию» (Лурия, 2002, с. 96–97). При этом, в отличие от традиционных экспериментов, когда состояние аффекта вызывалось искусственно и обычно оказывалось «эмоцией частной ситуации», Лурия стремится вызвать *аффект личности*. Он с восхищением отзывается об экспериментах Курта Левина, подчеркивая, что тому как никому другому впервые в экспериментальной психологии удавалось благодаря стилю его лабораторных исследований вовлекать в эксперимент *всего* человека, когда вызванный аффект переходит в подлинное жизненное переживание. К этому стремится и Лурия. Чтобы получить релевантные результаты, он изучает состояния преступника, задержанного сразу после совершения тяжкого преступления, в основном убийства. В этом случае на аффект от совершения преступления наслаивается вторичный аффект, связанный с ситуацией ареста и ожиданием возможного наказания. Это создает у преступника «непереносимый конфликт», «отреагирование» которого, прежде всего через признание, только и может вернуть его в относительно нормальное, с точки зрения организации его поведения, состояние. Кроме того, участниками экспериментов были студенты в ситуации экзамена, служащие во время политических «чисток», лица, подвергнутые гипнотическому внушению, и др.

Безусловно, Лурия описывает и изучает конфликты особого рода. Тем не менее его работа, с таким опозданием дошедшая до нас, представляет собой несомненный вклад не только в исследование конфликтов, но и в отечественную психологическую науку в целом.

Ощущение фундаментальности при знакомстве с книгой Лурия рождается во многом от масштаба проведенных исследований, их тщательного описания и анализа, сочетания тонких наблюдений во время экспериментов и их теоретической интерпретации.

Работы этого ученого служат прекрасным ответом тем, кто сомневается в возможности экспериментального изучения сложных форм человеческого поведения, хотя сам Лурия вполне осознает невозможность полного преодоления всех существующих ограничений: «Психолог находится по сравнению с физиком или химиком в очень невыгодных условиях: даже при эксперименте, поставленном наилучшим образом, он обычно с сожалением должен признать, что многое в изучаемом им явлении протекает вне его контроля, оставаясь неучтенным, и что он еще далеко не держит в руках всех путей изучаемого им процесса» (Лурия, 2002, с. 167).

В. С. Мерлин: описание психологических конфликтов

Наиболее развитая и последовательная система взглядов на психологические конфликты у отечественных исследователей представлена в работах В. С. Мерлина, который начал заниматься проблемой конфликтов еще в 1940-е годы и посвятил психологическим конфликтам отдельную главу в своих «Проблемах экспериментальной психологии личности» (Мерлин, 1970).

По Мерлину, психологический конфликт – это «состояние более или менее длительной дезинтеграции личности, выражающееся в обострении существовавших ранее или в возникновении новых противоречий между различными сторонами, свойствами, отношениями и действиями личности» (Мерлин, 1970, с. 103).

Психологический конфликт возникает при определенных условиях. Внешние условия должны быть таковы, что «удовлетворение каких-либо глубоких и активных мотивов и отношений личности или становится вовсе невозможным, или ставится под угрозу» (там же). Возникновение этих внешних условий конфликта неизбежно вследствие ограничений, диктуемых

общественной жизнью, а также в силу того, что на основе удовлетворения одних мотивов возникают другие, неудовлетворенные, и т. д.

Однако психологический конфликт возникает, только если эти внешние условия порождают определенные внутренние условия, которые представляют собой противоречия между различными мотивами и отношениями личности или между ее возможностями и стремлениями. Именно поэтому, подчеркивает Мерлин, психологические конфликты возможны только у человека. Еще одно необходимое, по Мерлину, условие психологического конфликта – это субъективная неразрешимость ситуации.

Мерлин подвергает критике фрейдистские и неопрейдистские представления о конфликтах, особенно их тезисы о бессознательном характере процессов, протекающих в психологическом конфликте, и обреченности человека на конфликты, возникающие на почве детских конфликтов. Он говорит о необходимости создания теории конфликтов, опирающейся на клинические исследования и опыт психотерапевтического восстановления личности.

По его мнению, значение исследования психологических конфликтов определяется их ролью в понимании структуры и развитии личности, поскольку «общие закономерности формирования личности в деятельности проявляются здесь в течение сравнительно короткого времени в острой форме». Общее же значение психологических конфликтов в психической жизни человека определяется тем, что «в психологическом конфликте изменяются прежние и формируются новые отношения личности; изменяется самая структура личности». Таким образом, «развитие и разрешение конфликта представляет собой острую форму развития личности» (там же, с. 105).

Зависимость поступка, которым разрешается конфликт, от направленности личности и объективной ситуации не может быть однозначной. Но от исхода конфликта, от конечного поступка, на который решается человек, зависит все дальнейшее развитие личности. Поэтому и развитие личности в конфликте не определяется однозначно предконфликтной направленностью личности. В каждом психологическом конфликте, переживаемом человеком на протяжении всей его жизни, он вновь и вновь создает свою личность своими поступками.

В. С. Мерлин

В. С. Мерлин описывает закономерности перехода фрустрации в конфликт, экспериментальные методики исследования конфликтов, конкретные виды конфликтов (трудовые, любовные и др.), динамику их развития, фазы выхода человека из конфликта и др. Тем самым им фактически заложены основы комплексного всестороннего описания конфликтов, их изучения и практики работы с конфликтами.

Однако работы Мерлина не получили продолжения в психологии и не стали основой дальнейшего развития теории конфликтов, изучение которых (в предложенном Мерлиным контексте) перемещается в сферу клинического исследования неврозов, в психотерапевтическую плоскость. Несмотря на безусловную плодотворность этих областей изучения конфликта, они не давали возможности интеграции разнообразных работ, связанных с изучением конфликтов, поскольку пользовались своей терминологией, своей системой концептов и теоретических понятий, не всегда созвучных и соотносимых с психологическими категориями. (Напомним, что первая отечественная «Психотерапевтическая энциклопедия» 1997 года издания даже не включает «конфликт» в перечень определяемых понятий.) За пределами данного подхода изучение внутриличностных конфликтов почти не осуществлялось.

Мотивационные конфликты

Среди западных психологов наибольшее внимание к описанию внутренних конфликтов мотивационного характера проявляли сторонники психоанализа и последующих психодинамических концепций. Понятие психического конфликта в психоанализе, однако, весьма специфично и неразрывно связано с системой концептов и теоретических построений психоаналитической теории. По этой причине оно фактически оказалось неинтегрированным в более широкую систему психологического знания, сохраняя свою релевантность исключительно в рамках психоаналитических рассуждений.

Более влиятельной в психологии оказалась традиция исследования внутриличностных конфликтов, заложенная Левином, который выводил эти конфликты не из внутренних процессов самой психики, а из анализа проблем, возникающих в жизненной ситуации индивида.

А. Р. Лурия, высоко ценивший работы К. Левина, отмечает:

Значительным достижением всех опытов К. Левина нужно считать именно тот факт, что в них стираются границы между серьезными жизненными актами и актами искусственными, получаемыми в эксперименте и не вызывающими достаточно серьезного отношения со стороны испытуемых. Проблема «серьезного опыта», где «неудача в опыте становится неудачей в жизни», была разрешена К. Левином в ряде экспериментов, и, пожалуй, именно ему впервые в экспериментальной психологии удалось искусственно вызывать изменения, не ограниченные участком опыта, а задевавшие самую личность» (Лурия, 2002, с. 291).

В выполненных в его школе экспериментах разным способом обеспечивалось возникновение конфликта. Например, испытуемый в лаборатории выполняет задания, причем у него постепенно появляется уверенность в своей способности справиться с ними, уверенность в своем успехе, а на следующей стадии эксперимента он попадает в ситуацию, где терпит неудачу. Или ситуация «близкого завершения», когда создается ощущение, что сейчас проблема будет решена, но это оказывается невозможным: ребенок почти дотягивается до конфеты, однако все-таки не может ее достать.

В сущности, многие или даже почти все хорошо известные нам эксперименты, выполненные под руководством Курта Левина, в той или иной мере относятся к конфликтам: опыты с прерыванием действия, пресыщением работой, невозможностью найти правильное решение задачи на определенном этапе создают ситуацию конфликта, дезорганизирующего обычную деятельность и поведение человека.

Предметом внимания Левина стали конфликты, возникающие в результате борьбы мотивов, одновременной актуализации противоречащих друг другу или несовместимых мотивов. Описание этого вида конфликтов, принадлежащее Левину, считается классическим. Напомним, что он рассматривал конфликт как одновременное воздействие на индивида противоположно направленных сил равной величины, различая при этом три основных варианта этих конфликтов.

Первый случай конфликта – это когда *человек оказывается перед необходимостью выбора между в равной мере привлекательными, но взаимоисключающими альтернативами*. Непременным условием возникновения конфликта является то, что мотивы несовместимых действий актуализируются одновременно и имеют равную силу, в противном случае конфликта бы не было, так как мы просто выбирали бы более значимое для нас или реализовали бы свои желания последовательно. Классической иллюстрацией такого типа конфликта считается случай Буриданова осла, в конце концов умершего от голода, потому что он так и не смог выбрать между двумя равными по величине охапками сена. Эта ситуация, когда «хочется и

того и другого», может, однако, приобретать достаточно драматический характер, если речь идет о выборе между чем-то или кем-то в равной мере необходимым или дорогим для человека. Например, в подобном положении оказывается молодой муж, мать и жена которого из-за не сложившихся между ними отношений ставят дорогого им человека перед невозможным для него выбором.

В истории принятия новых теорий можно обнаружить следующие этапы: вначале новую идею считают бредом, не стоящим внимания. Затем наступает время, когда можно услышать самые разнообразные возражения, например: новая теория слишком фантастична, или это лишь новая терминология, она неплодотворна или просто не нужна. Наконец, каждый утверждает, что он всегда как будто придерживался этой теории. Обычно это означает достижение последней стадии перед всеобщим принятием.

К. Левин

Второй случай конфликта близок по своей природе, но предполагает *выбор между двумя в равной мере непривлекательными возможностями*. Как и в первом описанном типе конфликта, выбор «из двух зол меньшего» затруднен равной интенсивностью мотивов избегания. Неудавшаяся семейная жизнь вынуждает мужчину мучительно решать – или поддерживать не сложившиеся тяжелые семейные отношения, или расстаться с ребенком, постоянное общение с которым в случае развода с женой станет невозможным.

Наконец, третий тип конфликта, по Левину, – это когда *одна и та же цель (возможность, выбор) в равной мере и привлекательна, и непривлекательна*, имеет «и плюсы, и минусы», как об этом говорят в обыденной речи. Внутренняя борьба в этом случае связана со взвешиванием «за и против» – соглашаться ли на более денежную, но неинтересную работу, решаться ли на нужную, но слишком дорогостоящую покупку, и т. д. Эти ситуации могут превращаться и в мучительный жизненно важный выбор – например, продолжать существовать в устроенном мире сложившихся отношений, стабильной работы, привычного образа жизни и при этом «жить не своей жизнью» или, потеряв все, начать сначала?

Типы конфликта Левина, описанные им в понятиях силового поля, были подвергнуты экспериментальному изучению и переведены в термины градиента цели. Результаты этого анализа суммированы Н. Миллером в следующих принципах, которые он считает фундаментальными для понимания конфликтов между тенденциями приближения и избегания.

1. Тенденция к достижению цели тем сильнее, чем ближе к ней субъект, что обозначается как градиент приближения.

2. Тенденция к избеганию нежелательного объекта тем сильнее, чем ближе к нему субъект, означает градиент избегания.

3. По мере приближения объекта сила избегания увеличивается быстрее, чем сила достижения, т. е. градиент избегания имеет более крутой характер, чем градиент приближения.

4. Сила тенденций достижения или избегания варьирует в зависимости от силы мотива, на котором они основываются, т. е. усиление мотива повышает общий уровень градиента.

Что стоит за этими градиентами приближения и избегания для практического понимания поведения человека в ситуации конфликта? Градиент приближения означает, что чем ближе человек к выбранной им цели, тем больше возрастает ее привлекательность, и наоборот, уменьшается привлекательность другой из возможных целей, от которой он удаляется. Градиент избегания, напротив, проявляется в том, что, когда человек покидает состояние некоего равновесия, сохраняющееся до делаемого им выбора, он приближается к одному из объектов, и этот объект по мере приближения вызывает все более сильную реакцию отторжения. При этом второй, отвергнутый, кажется все менее неприятным, что побуждает человека вернуться к исходному состоянию. Получается, что психологически легче выйти из ситуации выбора между

двумя привлекательными возможностями, чем между двумя непривлекательными. (Если это так, то нам, пожалуй, следовало бы наделять нередко случающиеся в нашей жизни ситуации выбора позитивным смыслом, а не негативным – «хочется и того и другого» вместо «не хочется ни того ни другого».) Исходя из описания Миллера, первый выбор реализуется легче второго. Для такой точки зрения есть бесспорные основания, например, при реализации позитивного выбора в действие вступают механизмы, защищающие и оправдывающие принятые решения. Однако в реальной жизненной ситуации все происходит не так просто. Человек выбрал одну из привлекательных возможностей, в связи с чем другая должна, казалось бы, постепенно утрачивать свою привлекательность. На самом же деле, как нам известно по собственному опыту, мы начинаем сожалеть об утраченном и, выбирая в пользу одного объекта, ко всем его плюсам начинаем прибавлять минусы потери другой возможности. Таким образом, возникает более сложный тип конфликта, когда один и тот же объект вызывает стремление как к достижению, так и к избеганию.

Анализ ситуации, в которой индивид имеет сильные тенденции как к достижению, так и к избеганию одного и того же объекта (возможности, ситуации и т. д.), имеет, по мнению Миллера, фундаментальное значение для понимания человеческих конфликтов. Почему же все-таки человек не достигает цели или не избегает ее?

Миллер связывает суть происходящего в данной ситуации с тезисом, который гласит, что градиент избегания имеет более крутой характер, чем градиент достижения, а это в свою очередь означает возможность их пересечения. На определенной дистанции от цели тенденция приближения будет сильнее, чем избегания. Пока субъект находится в этом районе, он будет продвигаться по направлению к цели. Однако чем ближе он к ней, тем быстрее по сравнению с силой достижения будет увеличиваться сила избегания. В конце концов он достигает точки, в которой сила избегания становится равной силе приближения, т. е. два градиента пересекаются, и возникает остановка. То же самое происходит в ситуации, когда субъект слишком близок к цели, в связи с чем начинает действовать сила избегания, увеличивающаяся до точки равенства градиентов и дальнейшей остановки. Следствием этого становится то, что субъект будет колебаться в районе пересечения градиентов (за счет дополнительной стимуляции); если возникает изменение весов градиентов, то они не пересекаются и субъект решает задачу; борьба сильных тенденций вызывает более сильные колебания, чем борьба слабых (Miller, 1944).

Мы привели эти результаты теоретических и экспериментальных работ Миллера, потому что они могут быть полезным основанием при анализе переживаемых человеком конфликтов. (Сам же автор в своей работе в духе теоретиков стимул-реактивной ориентации опирается на данные экспериментов, проведенных на животных.)

Все описанные случаи конфликтов считаются мотивационными, поскольку их содержанием является борьба мотивов.

Когнитивные конфликты

Другой вариант внутренних конфликтов человека – это когнитивные конфликты, в основе которых – столкновение несовместимых представлений. Согласно идеям когнитивной психологии, человек стремится к непротиворечивости, согласованности своей внутренней системы представлений, убеждений, ценностей и т. д. и испытывает дискомфорт в случае возникающих противоречий, рассогласований. Например, некто, с кем, как вы полагали, вас связывают вполне дружеские отношения, совершает несовместимый с этим поступок. Возникает противоречие двух представлений – «он мой друг» и «друзья так не поступают», эмоциональное переживание которого знакомо многим.

Данная проблематика описывается в психологии теорией когнитивного диссонанса Л. Фестингера. В соответствии с ней люди будут стремиться к уменьшению неприятного для них состояния дискомфорта, связанного с тем, что индивид одновременно имеет два «знания» (понятия, мнения), психологически противоречивых (не согласованных). Это и есть когнитивный диссонанс. Каждый, кто хоть раз читал о теории Фестингера, наверняка запомнил его пример о человеке, который знает, что курить вредно, но продолжает курить. Его два «знания» (или «когниции») – «знаю, что курить вредно» и «знаю, что курю» – противоречат друг другу. Уменьшение когнитивного диссонанса возможно через изменение одного из противоречащих представлений таким образом, чтобы они соответствовали друг другу: можно изменить «когницию» о своем поведении (бросив курить, вы получаете новое «знание» – «Я не курю», вполне соответствующее другому – «Курить вредно») или «когницию» о том, что «курить вредно» (убедив себя, что представления о вреде курения преувеличены, что отказ от курения мешает справляться со стрессом, а это еще хуже, и т. д.).

Чем сильнее диссонанс, что, в свою очередь, определяется значимостью его составляющих для человека, тем больше он будет стремиться к ослаблению этого диссонанса или его устранению. Ситуацией когнитивного диссонанса может быть конфликт, переживаемый человеком после принятия решения, если он не уверен в нем: любому из нас, наверное, знакомо состояние «уговаривания» или «убеждения» себя в правильности принятого решения с помощью дополнительных аргументов, повторяемых доводов и т. д. Диссонанс возникает как следствие противоречия двух «знаний»: «Я принял решение» и «Я не уверен, что это правильное решение». Д. Майерс приводит разнообразные примеры ослабления диссонанса после принятия решения, в том числе и экспериментальные доказательства того, что принятое решение «создает собственные опоры для поддержки – причины, которыми мы оправдываем его целесообразность» (Майерс, 1997, с. 183). Таким образом, когнитивный диссонанс затрагивает и такие важные явления, как оправдание собственных действий (мы осознаем, что поступили вразрез со своими принципами) или аргументация выбора (приняли решение вопреки логике).

Конфликт не состоит в противоречии между когнитивной системой X и когнитивной системой Y. То есть нет конфликта между знанием, что работа А является хорошей, и знанием, что работа В в той же степени хороша. Конфликт возникает, когда необходимо выбрать между двумя возможными вариантами действий. Индивид подталкивается сразу в двух противоположных направлениях.

Л. Фестингер

Механизм ослабления когнитивного диссонанса «работает» не только на ослабление или преодоление внутренних конфликтов, но и позволяет нам «уходить» от межличностных осложнений. Так, в приведенном нами примере об «измене друга» человек может пересмотреть свое отношение к его поступку, предположив, что он был не так уж плох, как сначала показалось. Можно также попытаться примирить два несоответствующих друг другу представления («он мой друг» и «друзья так не поступают») с помощью их включения в новую систему рассуждений о своих завышенных требованиях к людям, об изменившихся временах и т. д. Конечно, в реальности эти изменения во внутренней системе представлений происходят нелегко, поскольку сопровождаются эмоциональными переживаниями, которые могут быть болезненны.

Но все эти явления принимают характер конфликта только в том случае, когда преодоление диссонанса переживается как сложная психологическая проблема, затрагивающая значимые для человека представления, убеждения, ценности и потому делающая ее решение тяжелым.

Ролевые конфликты

Противоречивые проблемы, затрагивающие деятельностьную сферу жизни личности, могут переживаться как ролевые конфликты.

Одним из способов описания человека как субъекта деятельности является использование представлений о совокупности его ролей. Возникновение противоречий между различными ролевыми позициями личности, ее возможностями и соответствующим ролевым поведением может привести к возникновению ролевых конфликтов.

Традиционно различают два основных вида ролевых конфликтов, возникающих на внутрличностном уровне.

Это, во-первых, *конфликт «Я – роль», противоречия, возникающие между требованиями роли и возможностями личности*, когда либо из-за неспособности человека соответствовать требованиям роли (например, занимать должность, которая предполагает необходимость быстро, без колебаний принимать решения, что ему несвойственно), либо из-за нежелания соответствовать своей роли возникает проблема выбора. Человек может или выбрать роль и изменить себе, или отказаться от роли, или же найти компромиссный способ снятия или ослабления этого противоречия. Субъективные переживания, возникающие у человека в подобной ситуации, называют конфликтом «Я – роль», или личностно-ролевым. Например, Мерлин в своей работе, посвященной психологическим конфликтам в трудовой деятельности, перечисляет основные причины таких конфликтов на основе анализа и практической работы с несколькими десятками конкретных случаев. По крайней мере, часть из них полностью соответствует тому что сегодня называется ролевыми конфликтами: конфликт предъявляемых требований и возможностей человека, «конфликт долга и личных мотивов» и т. п. (Мерлин, 1970).

Второй вариант ролевых конфликтов – это *межролевые конфликты, когда разные ролевые позиции личности (и соответственно требуемое ими ролевое поведение) оказываются несовместимыми*, что превращается для человека в серьезную психологическую проблему. Например, роль руководителя предписывает человеку контроль за соблюдением дисциплинарных и иных требований членами его группы, что легко может вступать в противоречие с его позицией, если отношения между ним и его сотрудниками дружеские. Другим типичным и, возможно, наиболее распространенным межролевым конфликтом является противоречие между профессиональной и семейной ролями. Само это противоречие в известном смысле неизбежно («чем больше уделяешь внимания работе, тем больше страдает семья», и наоборот), и нахождение компромиссного варианта в этом случае достаточно типично, хотя оно и может превратиться в острый конфликт с тяжелым выбором «или-или».

Тяготы подобного ролевого конфликта, похоже, имеют достаточно распространенный во многих культурах характер. В частности, известны исследования ролевых конфликтов у женщин, выполненные американскими авторами. Типичным показателем ролевого конфликта работающей женщины является «чувство вины перед семьей и домом. Оно является полностью субъективным и выражается в различного рода самообвинениях (например, что дети малоухажены, муж обделен лаской и вниманием жены, и т. д.) из-за того, что работа отнимает у респондента слишком много времени и сил. При этом объективная картина жизненной ситуации может быть во многом иной...» (Алешина, Лекторская, 1989, с. 80). В исследовании Ю. Г. Алешинной и Е. В. Лекторской предметом изучения было успешное и неуспешное решение ролевого конфликта работающими женщинами. На основе опроса были выделены две группы женщин – с высокой и низкой степенью выраженности ролевого конфликта. Основным выводом проведенного авторами исследования сводится к следующему: «Жизненные ситуации женщин с разной выраженностью ролевого конфликта оказались принципиально различными, причем женщины с низким ролевым конфликтом оказались более удовлетворенными как професси-

ональными, так и внутрисемейными особенностями своей жизни». Напротив, для женщин с высоким ролевым конфликтом было характерно отсутствие четкой ориентации на семью или работу, большее влияние на их жизнь различных личностных характеристик, зависимость от мнений и оценок окружающих, более тесная связь внутрисемейных и рабочих характеристик. Таким образом, как считают авторы, «жизненная ситуация женщин с высоким ролевым конфликтом гораздо менее определена и стабильна, чем у представительниц противоположной группы» (с. 87).

Типичными факторами, определяющими интенсивность ролевого конфликта, считаются: степень совместимости – несовместимости разных ролевых ожиданий (поведения, требуемого ролью); жесткость, с которой эти требования предъявляются; личностные характеристики самого индивида, его отношение (установки, направленность) к ролевым ожиданиям и т. д. В этой плоскости и выполнено большинство исследований по проблематике ролевого конфликта.

Внутриличностные противоречия и конфликты

Конфликт (а внутриличностный, пожалуй, в особенности) – сложное явление, трудно поддающееся классификации. Психолог, работающий с конкретным конфликтом, возможно, и не нуждается в ней. Однако в описании феноменологии конфликтов систематизация, даже и не вполне удовлетворяющая, необходима, что диктуется практическими потребностями их анализа и диагностики, а также поиском возможностей их преодоления.

Описанные разновидности внутриличностных конфликтов выделены не в результате теоретического анализа, а отражают реальное распределение интересов исследователей; однако они фактически относятся к традиционно различаемым сферам психической жизни человека и тем самым получают дополнительное подтверждение обоснованности своего места в общем пространстве его внутреннего мира. Каждый из этих видов конфликтов – мотивационный, когнитивный или деятельностный – имеет свое содержание, отражающееся прежде всего в характере лежащего в основе конфликта противоречия, и свою специфику в реальной жизненной ситуации. Но переживаемый человеком психологический конфликт может содержать компоненты мотивационного, когнитивного, ролевого противоречий, и подход, разлагающий конфликт на его возможные «слагаемые», не всегда релевантен.

В стремлении приблизиться к сложному миру реального внутриличностного конфликта исследователи пытаются, с одной стороны, описывать конфликт на языке переживания его человеком, а с другой стороны, оперировать более целостными единицами анализа.

Примером первого подхода может служить классификация основных видов внутриличностных конфликтов, предложенная А. И. Шпиловым. В качестве основных структур внутреннего мира личности, между которыми возможно возникновение противоречий и конфликтов, им рассматриваются мотивы, переживаемые человеком как «я хочу»; ценности, выступающие как «эталон должного» в силу принятия их личностью или просто необходимости следовать им и воспринимаемые человеком как «надо» или «я должен»; самооценка, выражающаяся в «могу» или «не могу» (Анцупов, Шпилов, 1999) (в данном подходе типология невротических конфликтов, предложенная В. Н. Мясищевым, применяется для описания обычных конфликтов: истерический конфликт – это бессознательное неразрешимое противоречие между уровнем притязаний, «хочу», и возможностями, «могу»; неврастенический конфликт-противоречие между «должен» и «могу» – отражает завышенные требования к себе, превышающие возможности личности; обсессивно-психастенический конфликт вызывается невозможностью сделать выбор между влечениями и нормативными представлениями, между «должен» и «хочу».)

В зависимости от того, какие из этих структур оказываются в противоречии, различаются основные виды внутриличностных конфликтов (табл. 3.1).

Таблица 3.1. Основные виды внутриличностных конфликтов
(цит. по: Анцупов, Шпилов, 1999)

Структуры внутреннего мира личности, находящиеся в конфликте			Вид внутриличностного конфликта
«хочу» («Я хочу»)	«надо» («Я должен»)	«могу» («Я есть»)	
● ← → ●			Мотивационный конфликт (между «хочу» и «хочу»)
● ← → ●			Нравственный конфликт (между «хочу» и «надо»)
● ← → ●			Конфликт нереализованного желания (между «хочу» и «могу»)
● ← → ●			Ролевой конфликт (между «надо» и «надо»)
● ← → ●			Адаптационный конфликт (между «надо» и «могу»)
● ← → ●			Конфликт неадекватной самооценки (между «могу» и «могу»)

Данная классификация, конечно, не бесспорна. Например, «надо» («я должен») может интерпретироваться как мотив выполнения долга перед собой или другими (в последнем случае за ним легко угадывается и мотив социального одобрения), и тогда так называемый «нравственный конфликт» фактически превращается в мотивационный. Несмотря на недостатки, делающие предложенную классификацию уязвимой для критики, поиск в этом направлении перспективен, поскольку он прежде всего отвечает интересам практики, имеющей дело с «живым» языком переживаемых человеком проблем.

Другая возможность понимания внутриличностных конфликтов как целостного явления внутреннего мира человека – это обращение к их описаниям с помощью общей феноменологии самосознания личности. Конфликт рассматривается как одна из стадий развития внутриличностного противоречия, которое определяется как «субъективно переживаемое рассогласование тех или иных тенденций (оценок, притязаний, установок, интересов и т. п.) в самосознании личности, которые взаимодействуют и изменяют друг друга в процессе развития» (Митина, Кузьменкова, 1998).

Наибольший интерес с точки зрения описания конфликта в структуре самосознания личности представляет работа В. В. Столина (1983). В качестве «единицы самосознания», по его мнению, выступает «смысл "Я"», который содержит когнитивный, эмоциональный и отношенческий компоненты. Поскольку в реальном многообразии отношений человека его поведение, его действия могут иметь позитивный смысл по отношению к одному мотиву (приближая к его удовлетворению) и негативный по отношению к другому (отдаляя от него), возникает конфликтный смысл действия. Само действие, наделенное для человека противоречивым смыслом, Столин называет поступком. До этого действия человек может переживать необходимость решения либо в форме эмоциональных затруднений, либо как сознательную дилемму, но конфликтный смысл «Я» возникает только после совершения поступка. Сам по себе поступок становится результатом преодоления внутренних преград к действию, либо, под их влиянием, – отказа от действия. Внутренние преграды – это особенности личности, которые проявляются в конкретных ситуациях, требующих определенных действий, и, ограничивая свободу их выбора, создают внутреннюю конфликтность, «превращающую действие в поступок».

Таким образом, общая логика рассуждений Столина сводится к следующему: «множественность деятельностей приводит к множественности смыслов „Я“, пересечение деятельностей – к поступкам, поступки – к конфликтным смыслам „Я“, конфликтный смысл „Я“ запускает дальнейшую работу самосознания» (Столин, 1983, с. 109). Содержанием этой работы

самосознания, которую Столин называет «личностным решением задачи на конфликтный смысл», является осмысление совершенного поступка, его признание или отвержение, принятие сделанного выбора или раскаивание в нем и т. д.

Таким образом, поиск в области исследования внутриличностных конфликтов – этой «вечной» проблемы человека и «вечного» предмета интереса психологов – продолжается. Его общая тенденция состоит в переходе от рассмотрения конфликта на уровне «частичного» индивида, представленного мотивационной, когнитивной сферой или иными личностными образованиями, к описанию конфликтов как явлений целостного самосознания личности, что открывает новые перспективы в их понимании.

Межличностные конфликты

Межличностные конфликты – это ситуации противостояния, разногласий, столкновений между людьми.

Межличностный конфликт может быть определен как ситуация противостояния участников, воспринимаемого и переживаемого ими (или по крайней мере одним из них) как значимая психологическая проблема, требующая своего разрешения и вызывающая активность сторон, направленную на преодоление возникшего противоречия и разрешение ситуации в интересах обеих или одной из сторон.

В связи с использованием понятия «межличностный» необходимо отметить, что для отечественной литературы традиционно характерна некоторая двойственность в его употреблении. Одно из его значений приписывает межличностным явлениям статус неформальных: «По главным целям, осуществляемым в ходе общения, выделяются функциональное (ролевое, деловое, формальное) и межличностное» (Куницына, 1991, с. 13). С другой стороны, оно используется в буквальном, более широком смысле для обозначения происходящих «межличностно» явлений. В соответствии с этим «к межличностному поведению принято относить любое наблюдаемое проявление коммуникативной активности индивида, обусловленное фактом реального, предполагаемого или воображаемого присутствия других людей» (Емельянов, 1991, с. 16). В этом более широком значении понятие «межличностный» тождественно западному термину «интерперсональный», и в этом смысле мы и будем использовать его, поскольку данное его употребление фактически становится общепринятым.

Психоаналитическая интерпретация

Напомним, что в соответствии с психоаналитической традицией интерперсональные проблемы, возникающие в отношениях человека с другими людьми, интерпретируются через его внутренние конфликты. Ключом к пониманию взаимоотношений человека в семье становятся проблемы, когда-то переживавшиеся им в отношениях с собственными родителями. Так, Хорни в работе «Конфликты материнства» описывает такой «тип конфликтов, в котором отношения матери с родителями находят отражение в ее установке по отношению к детям» (Хорни, 1993, с. 142). Напоминая исходную посылку психоанализа о том, что «детское соперничество и ревность по отношению к родителю того же пола во многом ответственны за конфликты взрослого человека», она анализирует случай обратившейся к ней учительницы 35 лет, которую беспокоили ее отношения с учениками. В интерпретации Хорни, в основе возникавших у нее проблем с окружающими лежала «глубокая и страстная любовь» к отцу. Первым реальным воплощением отца для этой женщины стал ее сын, отношения с которым отличались огромной эмоциональной насыщенностью, а затем реципиентом трансформированной любви к отцу становятся ее ученики, ровесники сына, обладающие физическим и психологическим сходством с ее отцом. Таким образом, конфликт развивается «трагически, пройдя через три

поколения» (там же, с. 145). Всего Хорни отмечает в своей практике пять случаев такого переноса чувства любви с отца на сына, хотя эмоциональный опыт отношений с родителями может трансформироваться и в сверхпривязанность матери и дочери.

Дети могут представлять для своих родителей образы их родителей и тем самым стимулировать ту же реакцию, которую когда-то вызывали у их мамы бабушка и дедушка.

К. Хорни

Той же логике следует интерпретация межличностного поведения человека через его личностный тип, определяющийся характером разрешения им внутренних конфликтов. Так, например, по Хорни, трудовому поведению «экспансивного» типа свойственны тенденции к переоценке своих способностей и результатов своего труда и недооценке других; «самоуничижающему» типу – противоположные черты, т. е. недооценка своих возможностей и своего труда, склонность к подчиненной роли в работе; «отказывающийся» тип уходит от активной жизни, стремится к работе в одиночестве; для «поверхностноживущих» характерно отсутствие стремления к развитию собственных потенций, к достижению каких-либо целей (Horney 1950, p. 309–326).

Позиция К. Левина: удовлетворение потребностей

Первые теоретические описания и экспериментальные исследования, непосредственно посвященные интерперсональным конфликтам, были выполнены Левином. К межличностным конфликтам в концептуальных описаниях Левина относится случай, который он обозначает как «конфликт между собственными и вынуждающими силами», т. е. противоречие между собственными потребностями человека и внешней объективной вынуждающей силой. Анализируя, в частности, положение ребенка, оказывающегося в такой ситуации, Левин пишет: «Сила, побуждающая ребенка *C* со стороны человека *P*, может быть представлена как результат поля власти этого человека над ребенком» (Field Theory... 1963, p. 267), которая означает не что иное, как то, что «*P* в состоянии создавать побуждающие или ограничивающие силы...» (p. 268). Как уже отмечалось, по мнению Левина, законы развития конфликта едины для всех его разновидностей, однако случай конфликта между собственными и внешне вынуждающими силами имеет специфическую возможность разрушения этой внешней власти.

Супружеский конфликт стал предметом теоретического анализа в работе Левина 1940 года. Как малая группа, семья, по Левину, отличается специфическими свойствами, небольшим размером, связью с витальными проблемами, общим физическим и социальным существованием. На основании проведенных экспериментальных исследований Левин считает наиболее важным фактором частоты возникновения конфликтов общий уровень напряжения, в котором существует человек или группа.

Общий вопрос адаптации индивида к группе, в том числе и семейной, может быть, по Левину, сформулирован следующим образом: как может индивид найти достаточное пространство свободного движения для удовлетворения своих собственных персональных нужд внутри группы, не затрагивая интересов группы?

Эта проблема особенно трудно решается в супружеской группе, так как ее специфические свойства делают обеспечение адекватного приватного пространства достаточно сложной задачей. Прежде всего природа потребностей, удовлетворяемых в браке, весьма разнообразна. Супруги имеют по отношению друг к другу целый комплекс ожиданий, связанных с их ролями, как то: возлюбленный, товарищ, поддерживающий, защищающий, распоряжающийся доходами и т. д. Кроме того, конфликты становятся более серьезными, если затрагивают наиболее значимые потребности человека. Брак же очевидным образом связан с витальными потребностями людей. Неудовлетворенность потребностей создает напряжение. Условием удовле-

ния индивидуальных потребностей является достаточное пространство свободного движения. Левин приводит пример описания жизненного пространства мужа (пространства профессиональной и социальной жизни, дома, детей и т. д.), показывая, что фактически свободными для него остаются только зоны «жизнь в офисе» и «игра в гольф» (Lewin, 1948).

М. Дойч: зависимость от контекста

В рамках ситуационного подхода межличностные конфликты рассматриваются в контексте общей системы взаимодействия. Понятие межличностных, или интерперсональных, отношений описывает широкий диапазон форм человеческого взаимодействия, отличающихся содержанием, направленностью, интенсивностью и глубиной контактов и т. д.

Дойч предлагает различать следующие фундаментальные измерения интерперсональных отношений (Deutsch, 1985).

1. *Кооперация – конкуренция (cooperation – competition)*². Такие отношения, как «близкие друзья» или «коллеги», относятся к кооперативному полюсу измерения, такие как «политические оппоненты», «личные враги» или «разводящаяся пара» – к конкурентному.

2. *Распределение власти (равное или неравное)*. Также обозначается как «доминантность – подчиненность», «автономия – контроль» и т. д. «Бизнес-партнеры», «близкие друзья» или «бизнес-соперники» находятся на равном полюсе, «хозяин – слуга», «родитель – ребенок», «учитель – ученик» – на неравном.

3. *Ориентация на задачу – социально-эмоциональная ориентация*. «Близкие друзья», «муж и жена» – социально ориентированы, «интервьюер и поступающий на работу», «бизнес-соперники» – ориентированы на задачу.

4. *Формальный – неформальный характер отношений*. Дойч отмечает, что в неформальных отношениях определение действий, времени и перемещений остается за их участниками, тогда как в формально регулируемых отношениях взаимодействие участников детерминировано главным образом социальными нормами и правилами. Отношения внутри организации имеют тенденцию быть более формальными, а в клубе – неформальными, отношения между равными чаще имеют неформальный характер, чем отношения между неравными.

5. *Интенсивность и значимость*. Этот параметр отражает глубинный или поверхностный характер отношений и связан со степенью взаимозависимости их участников. Отношения в парах «кузины», «продавец и покупатель» имеют поверхностный характер, в парах «ребенок и родитель» и «психотерапевт и пациент» – интенсивный.

Соответственно этим измерениям Дойч выделяет шестнадцать типов социальных отношений (табл. 3.2).

² Мы приводим английский аналог обозначения этих понятий в силу различия терминов, используемых в литературе, на что указывает и сам Дойч.

		Социально-эмоциональные		Ориентированные на задачу	
		Неформальные	Формальные	Неформальные	Формальные
Кооперативные	Равные	1	5	9	13
		а) «интимные»	а) товарищи	а) «решение проблем»	а) «организованная кооперация»
		б) (влюбленные)	б) (члены клуба)	б) (коллеги)	б) (члены рабочей команды)
	в) ухаживание	в) социальная вечеринка	в) собрание персонала	в) совместная работа над решением проблемы с разделением ответственности	
	Неравные	2	6	10	14
		а) «забота»	а) «защита»	а) «образовательные»	а) «иерархическая организация»
б) (мать – ребенок)		б) (полицейский – ребенок)	б) (профессор – выпускник университета)	б) (начальник – работник)	
в) нянчить	в) помогать	в) совместная неформальная работа над исследовательским проектом под руководством профессора	в) начальник дает работнику конкретное задание		
Конкурентные	Равные	3	7	11	15
		а) «антагонистические»	а) «соперничающие»	а) «конкуренция»	а) «регулируемая конкуренция»
		б) (личные враги)	б) (разводящаяся пара)	б) (противники в неформальной игре)	б) (бизнес-конкуренты)
	в) борьба	в) соперничество за внимание ребенка	в) попытки выиграть очко у другого	в) торги за контракт против друг друга	
	Неравные	4	8	12	16
		а) «садомазохистские»	а) «доминирование»	а) «борьба за власть»	а) «регулируемая борьба за власть»
б) (хулиган – жертва)		б) (эксперт – новичок)	б) (власть – мятежники)	б) (охрана – заключенные)	
в) мучение	в) запугивание	в) партизанская война	в) приказание заключенным идти в ногу		

Каждый тип социальных отношений (а) обозначен названием, (б) иллюстрируется в терминах людей, которые могут находиться в таких отношениях и (в) иллюстрируется типом активности, которая может иметь место в таких отношениях.

Среди этих типов восемь характеризуют конкурентное взаимодействие, в рамках которого могут складываться весьма разнообразные отношения. Это личные враги и разводящаяся супружеская пара, противники в игре и соперники в бизнесе, хулиган и его жертва, квалифицированный сотрудник/руководитель и начинающий работник, представители власти и мятежников, охранники и заключенные. Их взаимодействие может принимать разные формы. Дойч обозначает конкурентные отношения равных участников, находящихся в неформальных отношениях, с социально-эмоциональной ориентацией как «антагонистические», неравных – как «садомазохистские». Конкурентные неформальные отношения равных участников с соци-

ально-эмоциональной ориентацией обозначаются как «соперничество», аналогичные отношения неравных участников – как «доминирование». Те же отношения равных участников с ориентацией на задачу Дойч называет «конкуренцией», неравных – «борьбой за власть». Наконец, конкурентные формальные отношения равных участников с той же ориентацией на задачу определяются как «регулируемая конкуренция», отношения неравных участников – как «регулируемая борьба за власть».

То, что Дойч не использует термин «конфликт», вовсе не означает, что для него эти отношения не являются конфликтными. Для многих рассуждений Дойча характерно фактическое отождествление конфликта с конкуренцией. Большинство его работ посвящено сравнению типов взаимодействия, развивающихся в рамках кооперативного или конкурентного контекста, межгрупповых и внутригрупповых отношений.

Конфликты в различных сферах взаимодействия

С различными интерперсональными конфликтными явлениями мы сталкиваемся довольно рано. Как зарубежные, так и отечественные исследователи относят их появление к возрасту одного-двух лет (японские воспитатели, например, предлагают начинать работу по обучению эффективному поведению в конфликтах именно с этого возраста). В одном из немногих исследований на эту тему, принадлежащих Я. Л. Коломинскому и Б. П. Жизневскому были собраны и проанализированы 397 протоколов наблюдений за конфликтами детей в ходе различных игр. При этом были выделены типичные причины конфликтов между детьми разного возраста (табл. 3.3).

Полученные авторами эмпирические данные подтверждают описанную Д. Б. Элькониным динамику: у младших детей конфликты чаще всего возникают из-за игрушек, у детей среднего школьного возраста – из-за ролей, а в более старшем возрасте – из-за правил игры (Коломинский, Жизневский, 1995). Таким образом, причины возникающих между детьми столкновений отражают их возрастное развитие, когда от ссор из-за игрушек они постепенно переходят к настоящим дискуссиям по поводу того, насколько правильно действует тот или иной ребенок в ходе игры (рис. 3.1).

Основными сферами взрослого взаимодействия, где мы сталкиваемся с межличностными проблемами, являются дом и работа. Именно семейные и служебные конфликты являются наиболее распространенным объектом исследования.

Таблица 3.3. Причины возникновения конфликтов между детьми в игре, %
(цит. по: Коломинский, Жизневский, 1995)

Причины конфликта	Возраст детей, годы				
	1–2	2–3	3–4	4–5	5–6
«Разрушенные игры»	25	23	23	6	9
«По поводу выбора общей темы игры»	0	0	2	1	3
«По поводу состава участников игры»	0	0	0	10	11
«Из-за ролей»	0	6	23	32	24
«Из-за игрушек»	75	71	38	17	21
«По поводу сюжета игры»	0	0	3	8	7
«По поводу правильности игровых действий»	0	0	10	26	26

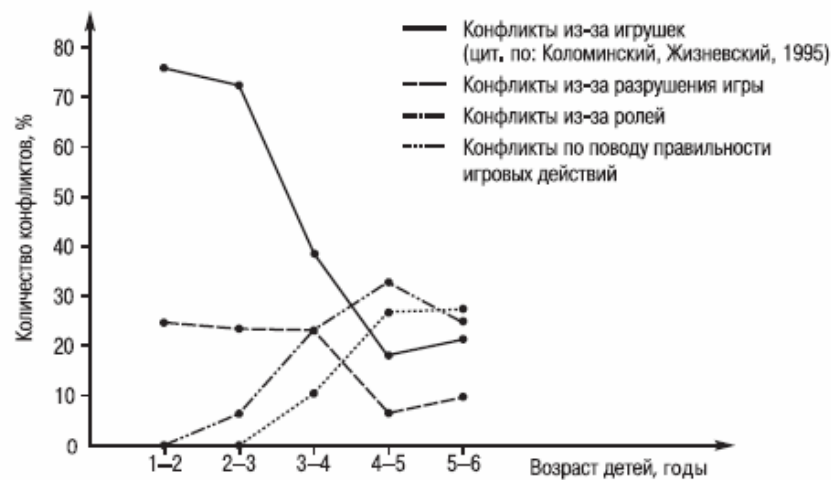

Рис. 3.1. Возрастная динамика основных видов конфликтов

Э. Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис указывают на несостоятельность идиллического представления о семье, для которой характерны стабильность хороших отношений и удовлетворенность всех семейной жизнью. Напротив, противоречия между личностью и семьей неизбежны, как и необходимость постоянного разрешения возникающих разногласий. В семье человек постоянно оказывается перед выбором – притерпеться к не удовлетворяющим его особенностям семьи, отстраниться или, пересмотрев свою роль и место в семье, найти новый способ интеграции с нею (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999, с. 190).

В. П. Левкович и О. Э. Зуськова делят все семьи на три основные группы с точки зрения уровня конфликтности: стабильные, т. е. справляющиеся с семейными конфликтами; проблемные – частично справляющиеся; нестабильные, не преодолевающие конфликт и имеющие негативную семейную ориентацию. Авторы считают, что основой семейных конфликтов является рассогласование между представлениями супругов относительно потребностей друг друга, между представлениями и ожиданиями одного по отношению к другому. С точки зрения конфликтности выделяются несколько основных сфер жизнедеятельности семьи. По результатам исследований авторов, на первом месте находится то, что называют «культурой общения», – соблюдение или несоблюдение супругами норм повседневной жизни. Далее следует недостаточное удовлетворение в семейном взаимодействии супругов потребности в защите Я-концепции, которая поддерживается удовлетворением потребностей в любви, ощущения своей значимости, чувства собственного достоинства. Наконец, на третьем месте находятся две основные сферы взаимодействия: ролевая, связанная с удовлетворением ролевых

потребностей супругов в соответствии с позициями матери и отца, мужа и жены, хозяина и хозяйки; а также та часть жизни супругов, которая связана «с взаимной информированностью о различных сторонах жизни и личностных особенностях партнера». Оказалось, что для разных типов семей характерны разные типы конфликтов. В группе стабильных супружеских пар конфликты возникают по преимуществу в ролевой сфере в силу неоднозначного представления о семейных ролях, однако решаются, как правило, конструктивно благодаря общему благоприятному фону межличностных отношений. Конфликты в нестабильных семьях связаны главным образом с неудовлетворенностью потребности в защите Я-концепции, а также с нарушением норм повседневной жизни. Проблемные пары занимают промежуточное положение (Левкович, Зуськова, 1985). Эти данные находят свое подтверждение и в других исследованиях на эту тему. Так, в работе А. И. Ташевой, где сравнивались стабильные и нестабильные (подавшие на развод или живущие раздельно) пары, оказалось, что последним свойствен высокий уровень рассогласования ролей, переоценка собственного вклада в исполнение семейных ролей и недооценка вклада партнера. Весьма существенные различия между стабильными и нестабильными парами получены автором при изучении их взаимодействия, а также при рассмотрении атрибутивных процессов в конфликтах (Ташева, 1987), на чем мы остановимся ниже.

Т. М. Мишина предлагает различать три основных типа нарушений взаимодействия в супружеских парах, вследствие которых в семье начинают доминировать отношения «соперничества», «псевдосотрудничества» и «изоляции».

В семьях, где преобладающим типом взаимодействия является «соперничество», отношения в целом имеют противоречивый, дружелюбно-враждебный характер; между супругами постоянно происходят открытые столкновения, ссоры, возникают взаимные упреки, агрессивные проявления. Семейные роли партнеров определены нечетко, в результате чего ни один из них не способен принимать на себя ответственность за пару как целое. В сферах заботы и опеки, главенствования и эмоционального принятия возникают противоречия, выливающиеся в конфликты.

В ситуации «псевдосотрудничества» отношения внешне выглядят ровными, с элементами преувеличенной заботы о партнере. Поводы к возникновению конфликтов лежат во внесемейной сфере и связаны с индивидуальными трудностями или проблемами, возникающими у супругов.

В случае «изоляции» отношения в семье обычно не имеют явного конфликтного характера. При внешней согласованности действий супруги эмоционально обособлены друг от друга, незаинтересованы друг в друге, брак поддерживается какими-то иными выгодами общего существования. Конфликты возникают, если «границы изоляции» нарушаются либо в сторону сближения, либо в сторону еще большей разобщенности (Мишина, 1978).

Богатый опыт изучения семьи и нарушений в ее жизнедеятельности накоплен в области семейной психотерапии и практического поиска механизмов семейной интеграции и устранения дисфункций. Однако этот опыт чаще относится к сфере внутриличностных конфликтов и кризисов, переживаемых человеком, которые и становятся предметом работы психотерапевта.

Другая область семейного взаимодействия – это отношения родителей и детей. Эта сфера жизни людей уже приводилась в качестве примера того типа взаимодействия, которое в силу развития ребенка, постепенного обретения им самостоятельности и взросления закономерно приводит к возникновению противоречий и их возможно обостренному протеканию, особенно в подростковом возрасте. Л. Б. Филонов считает, что подросткам свойственно своеобразное поведение, ориентированное на «поиск пределов допустимого». Оно выражается в провоцировании, почти сознательном обострении отношений, на которое идет подросток, цель которого состоит «в своеобразном выведывании» реакции других людей на некоторые его конкретные акты поведения. Он стремится соотнести ситуации общения с лицами, которые ему представляются «противодействующими», и свое собственное поведение. В принципе он ищет типы

возражений, виды оценок, способы спора и т. д. (Социальная психология личности, 1979, с. 120). В сущности, идет необходимый для нормального развития процесс овладения разнообразными формами социального взаимодействия. Явление «провоцирования» в общении детей со взрослыми может иметь и другой смысл. По мнению западных исследователей, ребенок может «доставать» взрослого, пока у того не наступит реакция, например, в виде агрессивного эмоционального срыва, потому что это освобождает ребенка от страха проявления собственных разрушительных чувств в действии (Бютнер, 1991, с. 76).

Трудности перехода к новым формам отношений переживают обе стороны – как дети, так и взрослые. Часто они не готовы к расширению прав подростка в силу сохранения инерции «опекающих» отношений, а также в связи с сохраняющейся зависимостью детей от родителей и их реальной неспособностью к самостоятельным действиям и решениям (Драгунова, 1972).

«Бунтарское» поведение подростков, соответственно окрашивающее их отношения с родителями, само по себе может стать причиной осложнений и конфликтов в семье. Впрочем, далеко не все конфликты «отцов и детей» сводятся к этому. Основной проблемой их взаимоотношений являются трудности передачи культурных норм и представлений от одного поколения к другому. Известно, что ускорение темпов социального развития приводит к углублению разрыва между поколениями, что в условиях нестабильности и резких социальных изменений делает «отцов и детей» представителями не просто разных культур, но и разных «миров». Попытки реализации «родительской позиции» в этих условиях затруднены, а то и наталкиваются на прямое сопротивление «детей».

Опыт изучения и психологической работы, связанной с уходом детей в религиозные организации, выявил основные типы семейных ситуаций, порождающих у детей острую неудовлетворенность своим существованием. Возникает она, как правило, в так называемых «авторитарных семьях», лишаящих ребенка необходимой ему меры самостоятельности, а также в семьях с манипулятивным характером обращения родителей с ребенком, когда желаемое родителями поведение одобряется и поощряется, а нежелательное подавляется. Результатом этого становится потребность ребенка в «бегстве из домашнего плена». Обычно «драматические ситуации, разыгрывающиеся в семье на религиозной почве, в глубине своей скрывают межличностный конфликт, существующий уже давно и ожидающий своего разрешения» (Трунов, 1994, с. 77). То же самое можно сказать и о других вариантах «ухода из семьи» вплоть до уличного беспризорничества, которое в условиях ослабления социального контроля принимает довольно распространенные формы и является показателем семейного неблагополучия и, в частности, неэффективной реализации взрослыми родительских функций. В поисках более детального описания отношений родителей с детьми можно обратиться к психотерапевтическому опыту, в частности к работам А. И. Захарова, специалиста по детским неврозам.

В целом практика в области психологии семейных отношений остается более развитой, чем теоретические исследования.

Приведенные примеры описания конфликтов, возникающих во взаимодействии родителей и детей, сочетают психологический подход с анализом ситуации как в самой семье, так и социальной ситуации в целом. Сегодня такого типа работы являются, пожалуй, наиболее распространенными (в противовес, например, психоаналитическим подходам, основывающимся на своей логике понимания глубинных семейных отношений).

Другая сфера межличностных отношений, для которой характерны возможные напряжения и конфликты, – это работа и взаимодействие в организации. Хотя в отечественной социальной психологии изучение трудовых коллективов было самым популярным направлением прикладных исследований и разработок, оно в основном ограничивалось вниманием к психологическому климату в рабочих группах, стилю руководства, мотивации трудовой деятельности, решению задач управления и т. п. Гораздо меньше внимания уделялось отдельному

человеку, его жизни в организации, стилю взаимодействия с окружением и, соответственно, возникающим у него конфликтам.

При изучении конфликтов в трудовых коллективах в фокусе внимания отечественных специалистов обычно оказывались причины этих конфликтов. При этом в качестве типичных выделялись объективные факторы (недостатки в организации производственных процессов, неблагоприятные условия труда, несовершенство системы его оплаты и др.), недостатки в деятельности руководителей (ошибочность решений, недостаточная компетентность, недостатки стиля руководства и т. д.), противоречия в интересах членов рабочих групп, нарушения внутригрупповых норм поведения, а также личностные особенности людей и другие причины. Чаще предметом внимания становились «вертикальные» конфликты (с руководителем), поскольку эта линия взаимодействия в организации считается более напряженной и конфликтной, чем отношения «по горизонтали» (т. е. при взаимодействии с коллегами), так как в отношениях с руководителем могут персонифицироваться и более широкие проблемы отношений человека с организацией.

В западной литературе существует специальное понятие – «организационный конфликт». Оно используется применительно к широкому кругу явлений, куда относятся конфликты между различными социальными категориями работников в силу противоположности их интересов; противоречия организационных структур; межличностные конфликты в системе формальных (между руководителями и подчиненными) и неформальных отношений (взаимоотношения в группе, конфликты между лидером и членами группы и др.), а также противоречия между формальной и неформальной структурами организации и даже внутриличностные конфликты, переживаемые членами организации (ролевые конфликты, явления фрустрации, тревожности, напряженности и т. д.).

Исследования организационных конфликтов (раньше в западной литературе они часто именовались индустриальными) имеют давнюю историю. Д. Кац и Р. Кан, авторы классического труда «Социальная психология организаций», на основании глубокого и тщательного анализа организационных проблем приходят к выводу о широком распространении подобных конфликтов. Так, по результатам одного из исследований национального масштаба, выполненных Р. Каном и его коллегами, установлено, что около половины обследованных работников находятся в условиях явного конфликта. Причем в 88 % всех ролевых конфликтов указывалось на давление сверху, а в 57 % этих случаев источник давления описывался безлично, как «компания» или «руководство» (Katz, Kahn, 1967, p. 186).

В настоящее время организационная психология превратилась в одну из наиболее динамично развивающихся областей психологической науки и практики. Мир труда изменяется быстро – как в силу развития современных технологий деятельности, так и из-за меняющейся психологии людей. Меняются отношение людей к работе, ее значимость для них, мотивация, ожидания, в целом стиль жизни современного человека. Когда-то работа была лишь вынужденным занятием, обеспечивающим средства к существованию. Сегодня это значимая для человека сфера его жизни, возможность реализации его потенциала, способностей, амбиций. Следствиями возрастающей ценности работы, усиления личностной включенности человека в жизнь организации становятся новая психология работающего человека, изменения в отношениях людей на работе, в стиле деятельности руководителей, в способах решения рабочих проблем. Возникают новые явления в жизни организации – организационная культура, тимбилдинг, моббинг, дауншифтинг и др. Резко возросло и количество изданий, посвященных проблемам организаций, в том числе организационным конфликтам, которые заслуживают отдельного описания.

Попытки систематизации

Семейные ссоры, противостояние политических противников, столкновения руководителя и подчиненного – в этих и других межличностных конфликтах при всем их внешнем различии существует нечто общее, позволяющее говорить о возможности их систематизации.

Подобно тому, как личностные конфликты описывались в соответствии с мотивационной, когнитивной и деятельностной сферами жизнедеятельности, можно выделить аналогичные виды межличностных конфликтов. В конфликтологической литературе традиционно различаются два основных вида социальных конфликтов, релевантных в том числе и interpersonalным ситуациям, – конфликты ценностей и ресурсные конфликты (или конфликты интересов). Существуют и другие варианты систематизации, однако, в сущности, при некотором различии в наименовании они апеллируют к одной и той же феноменологии.

К мотивационным конфликтам могут быть отнесены *конфликты интересов* – это ситуации, затрагивающие цели, планы, устремления, мотивы участников, оказывающиеся несовместимыми или противоречащими друг другу. Например, у супругов оказываются разные планы по поводу проведения предстоящего отпуска; начальник намеревается послать в командировку подчиненного, который никак не собирался отлучаться из города до конца месяца, и т. д. Интересы разных сторон противоречат друг другу, однако, возможно, им и удастся найти вариант их совмещения. Особая разновидность конфликта интересов касается случаев, где они оказываются несовместимыми. Если в семье один телевизор и жена с нетерпением ждет начала очередного фильма из своего сериала, а по другой программе в это время транслируют футбольный матч, имеющий, по мнению ее мужа, принципиальнейшее значение, то при всем желании договориться невозможность совмещения их намерений ставит их перед выбором «либо – либо».

К когнитивным могут быть отнесены так называемые *ценностные конфликты* – это конфликтные ситуации, в которых разногласия между участниками связаны с их противоречащими друг другу или несовместимыми представлениями, имеющими для них особое значение. Система ценностей человека отражает то, что является для него наиболее значимым, исполненным личностного смысла, смыслообразующим. Например, если речь идет о работе, ценностью будет то, в чем человек видит для себя основной смысл работы (является ли она для него источником средств к существованию, возможностью самореализации и др.); ценностями семейных отношений будет то, в чем супруги видят смысл существования семьи, и их представления о том, какой, соответственно, должна быть семья. Наконец, в систему основных ценностей человека могут входить его мировоззренческие, религиозные, нравственные и иные значимые для него представления.

Различия в ценностях, однако, не обязательно ведут к конфликтам, и люди разных убеждений, политических и религиозных взглядов могут успешно работать вместе и иметь хорошие отношения. Конфликт ценностей возникает тогда, когда эти различия оказывают влияние на взаимодействие людей или же они начинают «посягать» на ценности друг друга. Доминантные ценности выполняют регулятивную функцию, направляя действия людей и создавая тем самым определенные модели их поведения во взаимодействии. Если в основе поведения участников взаимодействия лежат разные доминирующие ценности, они могут приходиться в противоречие друг с другом и порождать конфликты. Наконец, люди нередко склонны «переубеждать» друг друга, навязывая свои взгляды, вкусы, точки зрения и т. д., что также может вести к конфликтам.

Еще один распространенный вид межличностных конфликтов, относящихся к деятельностной сфере, – это *ролевые конфликты*, возникающие из-за нарушения норм или правил взаимодействия. Нормы и правила являются неотъемлемой частью совместного взаимодействия, его регуляторами, без которых оно оказывается невозможным. Они могут иметь импли-

цитный, т. е. скрытый, подразумеваемый характер (например, соблюдение норм этикета, о чем не обязательно договариваться, следование им считается само собой разумеющимся) или быть результатом особых договоренностей, иногда даже письменных (например, оговоренный вклад каждого из участников в общее трудовое взаимодействие). Но в любом случае нарушение общепринятых норм может повлечь за собой возникновение разногласий, взаимных претензий и привести к конфликту между участниками взаимодействия.

Причины нарушений норм и правил могут иметь разный характер. Кто-то может невольно нарушить принятые в коллективе правила просто потому что, как новый человек в коллективе, он еще не полностью с ними знаком. Сознательное же нарушение норм или правил связано с желанием их пересмотра (например, подросток приходит домой позже обозначенного родителями времени и пытается доказать им, что он уже взрослый и не должен соблюдать правила, принятые для детей).

Обозначенные виды интерперсональных конфликтов, вероятно, не исчерпывают всего их реального многообразия. «Живые» конфликты сочетают в себе компоненты их разных видов, кроме того, как будет показано далее, характер конфликта зависит не только от особенностей противоречий, возникающих между участниками ситуации в процессе взаимодействия, но и от того субъективного смысла, который они вкладывают в эту ситуацию.

Межгрупповые конфликты

Межгрупповым принято называть взаимодействие как между собственно группами людей, так и между отдельными представителями этих групп, а также любые ситуации, в которых участники общения взаимодействуют в межгрупповом измерении, воспринимая друг друга как членов разных групп.

Чаще, безусловно, когда речь идет о межгрупповых конфликтах, имеются в виду именно конфликты между группами людей.

Социальные группы являются предметом изучения многих научных дисциплин – философии, социологии, политологии и, конечно, психологии, в первую очередь социальной. Благодаря этому, вероятно, а также учитывая очевидную социальную актуальность, межгрупповые конфликты (по сравнению с другими видами конфликтов) чаще становились объектом внимания исследователей и получили более разнообразное описание в литературе.

Враждебность, соперничество и войны между группами описывались историками, анализировались философами, социологами, политологами, и потому взгляды психологов на межгрупповые конфликты часто явно или неявно имели основания в смежных областях знания, равно как и оценивались не только с позиций научно-психологической достоверности, но и социальных установок своего времени.

Подобно тому как были описаны личностные и межличностные конфликты, межгрупповые конфликты также могут быть рассмотрены с позиций трех подходов: мотивационного, ситуационного и когнитивного, что находит отражение в литературе по проблемам межгруппового взаимодействия (Агеев, 1990). И точно так же, как и в предыдущих случаях, эти подходы различаются, прежде всего, пониманием истоков и природы конфликтов.

Мотивационные подходы

С точки зрения мотивационного подхода, поведение группы и ее отношение к другим группам рассматривается как отражение ее внутренних проблем. Например, аутгрупповая (направленная вовне) враждебность является следствием внутренних напряжений и проблем в самой группе, ее собственных противоречий и конфликтов. Подобное объяснение потому и

называется мотивационным, что группа нуждается во внешнем конфликте с целью решения своих собственных проблем.

Такое понимание межгрупповых отношений получило наиболее явное воплощение в работах Фрейда, утверждавшего, что аутгрупповая враждебность совершенно неизбежна в любом межгрупповом взаимодействии и имеет универсальный характер, поскольку является главным средством поддержания сплоченности и внутренней стабильности группы. Механизм формирования этой враждебности к «чужим» связан с инстинктом агрессии, эдиповым комплексом, эмоциональной идентификацией со своим лидером-«отцом» и т. д. Интерпретация Фрейдом механизма возникновения враждебности к «чужим» и привязанности к «своим» не получила значительной поддержки, тогда как идея неизбежности аутгрупповой враждебности (агрессии, межгрупповой конфликтности и дискриминации) была принята многими исследователями и развивалась в их работах.

Другой вариант мотивационного объяснения межгрупповых конфликтов основан на известной концепции фрустрационной детерминации агрессии, которая дала толчок соответствующим исследованиям в области межгруппового взаимодействия. Они связаны главным образом с именем Берковица. Основываясь на известных общепсихологических исследованиях Долларда, Миллера и др., он осуществил перенос их идей в область социального взаимодействия. В своей книге «Агрессия: социально-психологический анализ» (Berkowitz, 1962) и последующих работах Берковиц описывает разнообразные социально-психологические влияния на агрессивное поведение.

Одним из основных понятий концепции Берковица стало понятие относительной депривации. Относительная депривация – это (в контексте межгруппового взаимодействия) оценка положения своей группы как более плохого по сравнению с другими группами: своей группе приписываются меньшие возможности, ущемленность в правах, несправедливый социальный статус и т. д. По Дойчу понятие депривации является важнейшим объяснительным концептом по отношению к переживаемому чувству несправедливости. Можно считать общепризнанным, что неудовлетворенность вызывается прежде всего относительной, а не абсолютной депривацией. Это означает (что подтверждено и результатами эмпирических исследований), что те, кто объективно характеризуется более благоприятными абсолютными показателями, могут ощущать большую неудовлетворенность из-за относительной депривации, если их ожидания были более высокими или они окружены людьми, которые находятся в лучшем положении, чем они (Deutsch, 1985, p. 50).

Известно, что при росте уровня благосостояния, материального или социального статуса изменяется и планка, в соответствии с которой человек оценивает свои достижения. Относительная депривация возникает в результате «сравнения, нацеленного вверх» (Майерс, 1997, с. 496) и становится для группы (или ее отдельных представителей) источником фрустрации и последующей возможной агрессии. При этом объектом агрессии может стать не только тот, кто непосредственно вызвал фрустрацию, но любой человек или люди, ассоциирующиеся с ним по признаку групповой принадлежности или по иным причинам оказавшиеся в положении «козла отпущения». Впечатляюще выглядят данные о росте воровства в связи с распространением телевидения, демонстрировавшего более высокий, чем это было доступно большинству зрителей (особенно бедным слоям и молодежи), жизненный стиль героев телеэкрана (Майерс, 1997, с. 497–498). А поскольку в современном обществе с его сложной социальной структурой всегда можно найти более привилегированные по тем или иным параметрам слои или группы, то явление относительной депривации всегда потенциально присутствует в социальных сравнениях, а следовательно, существует и вероятность аутгрупповой враждебности. По Г. Тэджфелу, если индивид чувствует неудовлетворенность, сравнивая себя с другими, то для решения его проблем достаточно преобразования индивидуальной ситуации. Групповая депривация тем и сложна, что требует изменения в социальной позиции группы (Deutsch, 1985, p. 51).

Свой социально-психологический анализ Берковиц также переводит на уровень широкого социального взаимодействия – конфликтов, связанных с этническими предрассудками, расовых конфликтов и т. д. Для этого ему оказывается вполне достаточно чисто психологических понятий. С помощью гипотезы о фрустрационной детерминации агрессии можно, по мнению ее отдельных приверженцев, объяснить даже проблемы политических революций.

Ситуационный подход

И все же гораздо больший резонанс в изучении межгрупповых конфликтов в психологии (и социальных науках вообще) приобрел ситуационный подход. Как мы видели ранее, для ситуационного подхода характерен поиск детерминант психологических явлений в ситуации, контексте, особенностях внешних факторов. В исследовании межгрупповых конфликтов именно этот подход стал наиболее плодотворной основой как теоретических построений, так и эмпирических обобщений.

Эксперимент М. Шерифа. Ситуационный подход в исследовании межгрупповых конфликтов прочно связан с именем Шерифа и его уже упоминавшимися экспериментами. Шериф поставил своей целью доказать, что решающими факторами, определяющими кооперативный или конкурентный характер межгруппового взаимодействия, являются факторы ситуации непосредственного взаимодействия групп. В соответствии с этим он выстроил методическую процедуру своего эксперимента, искусственно создав ситуацию конкуренции, жесткого соперничества между группами. На первой стадии создавались группы со сформировавшейся структурой и групповыми нормами. Эта стадия продолжалась около недели, после чего между группами начиналась конкуренция за счет искусственного создания разнообразных ситуаций, когда цели одной группы могли быть достигнуты только за счет другой, т. е. инициировалось жесткое соперничество групп. И в этой ситуации между группами возникает явная враждебность и конфликт и одновременно растет внутригрупповая солидарность. В эксперименте Шерифа мальчики описывали себя как «смелых», «крепких», «дружных», тогда как «они» (члены другой группы) были «трусы», «нахалы», «вонючки» (Майерс, 1997, с. 643). Контакт между группами использовался лишь как возможность для взаимных оскорблений. Например, когда один из «Орлов» столкнулся с «Громобоем», другие «Орлы» потребовали от него «смыть с себя грязь». Несмотря на «приличное» происхождение, в тот момент мальчики были, по выражению Шерифа, «сборищем злой, испорченной и разнузданной шпаны».

Окончательно Шериф закрепил свой успех, решив преобразовать ситуацию конкуренции в ситуацию кооперации. Если его гипотеза о решающей роли ситуативных факторов верна, то изменение ситуации должно было изменить и характер межгрупповых отношений. В качестве средств изменения ситуации Шериф выбрал общие объединяющие цели, наличие общей угрозы, опасности, проблемы, создавая тем самым объективную ситуацию взаимозависимости и взаимной заинтересованности.

Для этого использовалась последняя стадия эксперимента, когда перед членами противоборствующих групп ставились общие задачи, которые могли быть решены только совместными усилиями. Им приходилось вместе тащить «сломавшийся» грузовик, собирать общие деньги для просмотра дорогостоящего фильма и др. Уменьшение их неприязни друг к другу было совершенно очевидным (рис. 3.2). Домой они ехали вместе на одном автобусе и уже не держались двумя отдельными группами, а, подъезжая к родному городу, дружно запели приветственную песню. Таким образом, «с помощью изоляции и соперничества Шериф превратил незнакомцев в заклятых врагов. С помощью экстраординарных целей он превратил врагов в друзей» (Майерс, 1997, с. 657–658).

Соревнование «я выиграл – ты проиграл» быстро превращает незнакомцев во врагов, порождая открытую конфронтацию даже у нормальных честных мальчиков.

Д. Майерс

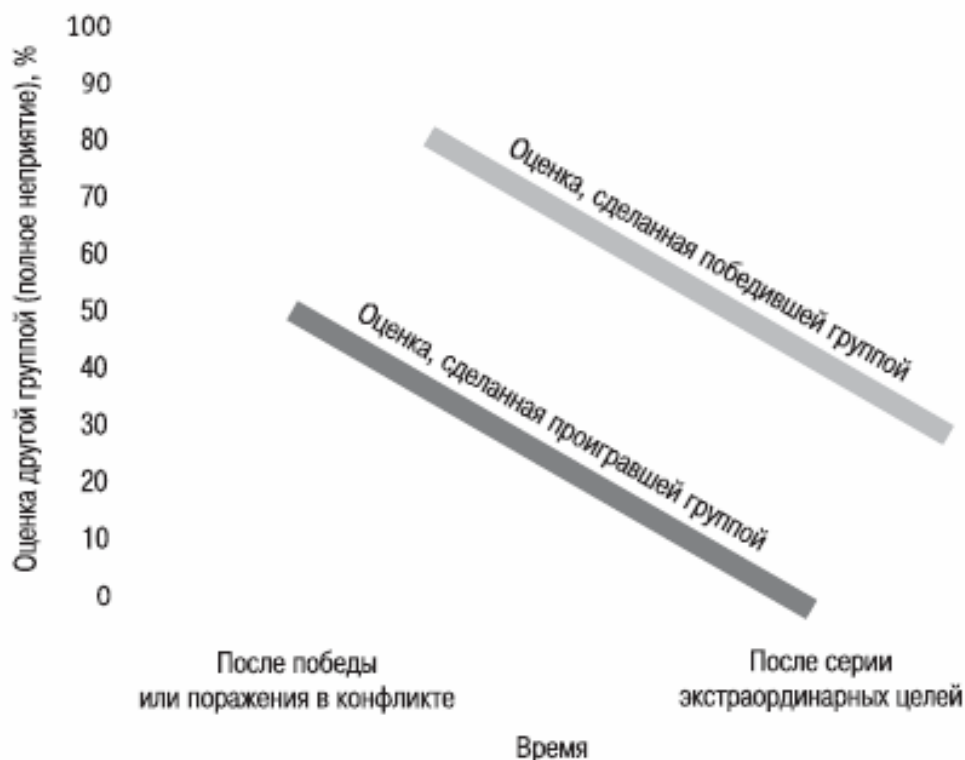

Рис. 3.2. После соревнований «Орлы» и «Громобои» неприязненно оценивали друг друга. После совместных усилий, направленных на экстраординарные цели, враждебность резко снизилась (цит. по: Майерс, 1997)

Столь же удачными оказались попытки Р. Блейка и Дж. Моутон, воспроизводивших в своих экспериментах с руководителями ситуацию, смоделированную Шерифом. Руководители (более 1000 человек) сначала занимались в отдельных группах, затем соревновались с другой группой и далее объединялись ради достижения общих значимых для них целей. Их поведение и реакции в целом оказались подобны реакциям подростков Шерифа (с поправкой на возраст). Эксперименты Шерифа имели большой резонанс. На фоне пессимистических рассуждений о неизбежной межгрупповой враждебности, берущей свое начало в природе человека и человеческих отношениях, доказательства ситуативной обусловленности конфликтов открывали перспективы влияния на межгрупповые отношения и, более того, перспективы эффективного управления конфликтами. Кроме того, результаты, полученные в рамках ситуационного подхода, лучше согласовывались с идеями и работами социологов в области конфликтов.

Именно на основе исследования конфликтов в рамках социального контекста и с учетом социальных переменных была сформулирована реалистическая теория конфликта.

«Реалистическая теория конфликта». Д. Кэмпбелл считает, что «реалистическая теория группового конфликта» является своего рода протестом на психологизированное объяснение межгрупповых конфликтов, интерпретирующее их как «прожективное выражение проблем» самой группы.

Конфликт рационален в том смысле что те или иные группы действительно имеют несовместимые цели и конкурируют в стремлении овладеть ресурсами, которые не беспредельны... Своим названием эта теория обязана обращением к так называемым «реалистическим» источникам группового конфликта, а ее исходным тезисом является предположение о «рациональности» конфликта.

Д. Кэмпбелл

Основные положения «реалистической теории группового конфликта» Д. Кэмпбелл формулирует следующим образом.

«1. Реальный конфликт интересов различных групп обуславливает межгрупповой конфликт».

Межгрупповой конфликт будет, соответственно, особенно интенсивным, если реальный конфликт интересов значителен, а предполагаемый выигрыш сторон велик.

«2. Реальный конфликт интересов, а также явный, активный или имевший место в прошлом межгрупповой конфликт и/или наличие враждебности, угрозы и конкуренции соседних групп (что в целом может быть названо „реальной угрозой“) обуславливают восприятие угрозы отдельными членами группы».

Соответственно дальнейшие положения могут рассматриваться с точки зрения либо реальной угрозы, либо воспринятой угрозы, либо и той, и другой.

«3. Реальная угроза обуславливает враждебность отдельных членов группы к источнику угрозы».

По Шерифу, враждебность тем больше, чем значительнее подвергающаяся угрозе ценность, чем существеннее цель, к достижению которой стремятся конкурирующие группы, и чем серьезнее помеха на пути достижения.

«4. Реальная угроза обуславливает внутригрупповую солидарность».

«5. Реальная угроза обуславливает более полное осознание индивидом собственной групповой принадлежности (идентичности)».

Это положение было сформулировано Козером и конкретизировано Шерифом, показавшим, что внешняя угроза, как и межгрупповая конкуренция, приводит членов группы к преувеличению собственных достоинств и чужих недостатков.

«6. Реальная угроза увеличивает непроницаемость групповых границ».

«7. Реальная угроза уменьшает отклонения индивидов от групповых норм».

«8. Реальная угроза увеличивает меру наказания и степень отверженности нарушивших верность своей группе».

«9. Реальная угроза приводит к необходимости наказания и остракизма членов группы, отклоняющихся от групповых норм».

«10. Ошибочное восприятие членами группы угрозы со стороны внешней группы обуславливает повышенную внутригрупповую солидарность и враждебность в отношении внешней группы».

Речь идет о сознательном использовании выявленных закономерностей для усиления сплоченности группы или ее сохранения, например искусственное нагнетание внешней угрозы, поиск врага и т. д. (Кэмпбелл, 1979).

Хотя, как уже отмечалось, некоторые положения реалистической теории имеют психологический характер, сама теория в целом является синтезом данных социально-психологических экспериментов и ситуаций взаимодействия групп и развития социологических идей.

Из других тезисов социологов полезны для понимания межгрупповых конфликтов и работы с ними положения Козера о факторах длительности конфликтов и Зиммеля об их остроте.

По мнению Козера, длительность конфликта определяется следующими факторами: ясностью целей конфликтных групп, степенью их согласия по поводу смысла победы или поражения, способностью лидеров понять, чего стоит победа, и убедить своих сторонников в том, что желательно прекратить конфликт (Тернер, 1985, с. 173–174).

Г. Зиммель об остроте межгруппового конфликта

1. Чем больше группы вовлечены в конфликт эмоционально, тем острее конфликт.
 - А. Чем выше была раньше степень причастности групп к конфликту, тем сильнее они вовлечены в него эмоционально.
 - Б. Чем сильнее была раньше вражда между группами, принимающими участие в конфликте, тем сильнее их эмоции, вызванные конфликтом.
 - В. Чем сильнее соперничество участвующих в конфликте, тем сильнее их эмоции, вызванные конфликтом.
2. Чем лучше «сгруппированы» группы, втянутые в конфликт, тем он острее.
3. Чем выше относительная сплоченность участвующих в конфликте групп, тем острее конфликт.
4. Чем крепче было раньше согласие участвующих в конфликте групп, тем острее конфликт.
5. Чем меньше изолированы и обособлены конфликтующие группы благодаря широкой социальной структуре, тем острее конфликт.
6. Чем меньше конфликт служит просто средством достижения цели и чем больше он становится самоцелью, тем он острее.
7. Чем больше, по представлению его участников, конфликт выходит за пределы индивидуальных целей и интересов, тем он острее.

Несмотря на некоторую общность положений реалистической теории конфликтов и ряда социологических представлений, отраженных, в частности, в работах Зиммеля и Козера, нельзя сказать, что эти две точки зрения полностью совпадали. В частности, одним из дискуссионных остался вопрос о связи межгрупповой враждебности и внутригрупповой сплоченности. Сама связь при этом не подвергается сомнению и не оспаривается, однако высказываются разные мнения относительно их причинно-следственного характера.

Одна из возможных позиций состоит в том, что внутригрупповая сплоченность ограничивает выход негативных чувств для членов группы, в связи с чем разногласия и напряженность между ними находят свой выход в аутгрупповых проявлениях, в частности во враждебности к «другим» (что, соответственно, становится следствием внутригрупповой сплоченности). И наоборот, другая точка зрения рассматривает внутригрупповую сплоченность как «защитную реакцию» на внешнюю угрозу со стороны «других», конкуренцию с ними и другие проблемы. Эта позиция также представляется вполне обоснованной, и на ее счет имеются экспериментальные подтверждения.

Хотя эти две точки зрения нередко противопоставляются, вряд ли они должны рассматриваться как взаимоисключающие. Речь вполне может идти о двух разных механизмах, «работающих» в разных условиях: как внутри-групповая солидарность может при определенных обстоятельствах способствовать возникновению и интенсификации аутгрупповой конфликтности, так и межгрупповая враждебность может вести к усилению внутригрупповой солидарности.

Таким образом, несмотря на успех реалистической теории, нельзя считать, что получены ответы на все вопросы, касающиеся природы и процесса возникновения межгрупповых конфликтов.

Обобщение М. Дойча. Дойч, обобщив результаты своих многочисленных исследований, а также работ других авторов, следующим образом сформулировал различия по ряду параметров между группами, вовлеченными в процесс кооперативного или конкурентного взаимодействия (Deutsch, 1985, p. 118–119).

1. Коммуникация:

а) кооперативный процесс характеризуется открытой коммуникацией и честным обменом информацией между участниками, которые заинтересованы информировать и быть информированными;

б) конкурентный процесс характеризуется недостаточной коммуникацией между участниками, попытками разными способами получить информацию о других, снабжая тех в свою очередь вводной в заблуждение информацией.

2. Восприятие:

а) кооперативный процесс усиливает восприимчивость участников к сходству и общности интересов, стимулирует конвергенцию их представлений и ценностей и, напротив, снижает тенденцию к подчеркиванию различий. Также усиливается способность принимать другую точку зрения;

б) конкурентный процесс имеет тенденцию усиливать восприимчивость к различиям и опасности, идущей от других, и минимизировать сходство с ними. Возникает чувство полной оппозиции: «Ты плохой, я хороший».

3. Установки по отношению друг к другу:

а) кооперативный процесс ведет к доверительным, дружественным установкам относительно друг друга, увеличивает желание помогать другим, способствует взаимному принятию и ожиданию быть принятым;

б) конкурентный процесс ведет к подозрительным, враждебным установкам, усиливает готовность негативно реагировать на просьбы и потребности других, способствует взаимному отвержению и ожиданию быть отвергнутым.

4. Ориентация на задачу:

а) кооперативный процесс стимулирует тенденцию участников подходить к решению общей задачи с использованием их индивидуальных возможностей и делает их способными заменять друг друга в совместной работе. Он способствует координации усилий участников и их общему пользованию ресурсами таким образом, что их продуктивность в задачах, включающих взаимозависимую деятельность, увеличивается. Ведет к определению конфликтных интересов как общей проблемы, могущей быть решенной совместными усилиями. Облегчает признание законности интересов друг друга и необходимости поиска решения, которое отвечало бы интересам обеих сторон. Имеет тенденцию скорее ограничивать, чем увеличивать масштаб конфликтных интересов. Попытки повлиять на другого имеют тенденцию ограничиваться процессом убеждения. Целью становится усиление общей мощи и ресурсов;

б) конкурентный процесс затрагивает разделение ресурсов и труда, а также координацию действий таким образом, что страдает продуктивность выполнения задач, которые были бы оптимальнее решены в ходе взаимосвязанной работы. Конкуренция стимулирует точку зрения, в соответствии с которой конфликты могут разрешаться только в результате навязывания одной стороне позиции другой.

Усиление собственной мощи и ослабление другой стороны становятся целями участников, что увеличивает масштабы конфликтных проблем. Для влияния на других используются насилие, тактика угроз и хитрости.

М. Дойч считает, что эти сравнительные результаты влияния кооперативной и конкурентной ситуации отражают не только процессы взаимодействия между группами, но применимы и к внутригрупповым проблемам.

Когнитивные подходы

Эксперименты С. Уэрчела и коллег уточнили результаты, полученные Шерифом: успешное сотрудничество групп действительно вызывает их взаимную симпатию, однако если совместные усилия двух прежде враждовавших групп закончились неудачей, это легко может привести к усугублению конфликта между ними (Майерс, 1997, с. 658).

Авторы эксперимента, однако, сделали вывод о том, что кооперативное взаимодействие как таковое не ведет к симпатии и аттракции между членами групп, но скорее побуждает их к пересмотру своих взглядов относительно друг друга. В другом эксперименте тех же авторов имело место наглядное различие между членами взаимодействующих групп – одна группа была одета в белые халаты, а другая – в красные. В этом случае, когда границы групп были столь явно очерчены, успешная совместная деятельность приводила к меньшей взаимной симпатии, чем в предшествующих экспериментах, тогда как неудача вела к конфликту, даже если группы и не были ранее в конкурентных отношениях (чего также не наблюдалось в предыдущих экспериментах). Таким образом, решающим условием оказались воспринимаемые границы между группами, а установки групп относительно друг друга зависели от выраженности этих границ (Агеев, 1990, с. 25–26). Эксперимент, начавшийся скорее в духе ситуационного подхода Шерифа, дал результаты в когнитивной парадигме.

Когнитивный подход к межгрупповому взаимодействию делает акцент на решающей роли когнитивных установок групп относительно друг друга. Прежде всего в серии экспериментов было показано, что аутгрупповая враждебность может наблюдаться и без объективного конфликта интересов, на наличии которого основывалась вся реалистическая теория конфликтов. Это стало началом поиска иных детерминант межгрупповых конфликтов. Данное направление связано прежде всего с именем крупнейшего европейского психолога Г. Тэджфела, известного своими работами по теории социальной идентичности.

О позиции когнитивистов

Кооперативное и конкурентное взаимодействие не прямо порождает соответственно позитивные и негативные межгрупповые установки, а является детерминантой социальных установок, выступающих в качестве когнитивных критериев для социальной категоризации, т. е. конкурентное взаимодействие подчеркивает, а кооперативное затушевывает воспринимаемые границы между группами.

В. С. Агеев

Таким образом, по мнению когнитивистов, решающим фактором межгруппового взаимодействия являются не кооперативный или конкурентный характер ситуации их взаимодействия, но возникающие при этом социальные установки. Точно так же общие цели не могут сами по себе вести к разрешению межгрупповых конфликтов, которое зависит от того, формируются ли социальные установки, объединяющие группы и способствующие преодолению их психологического противостояния. Например, ранее на основе теории фрустрационной детерминации агрессии утверждалось, что к агрессии может вести явление «относительной депривации», вызывающей у группы или ее отдельных членов чувство социальной несправедливости.

В теории социальной идентичности, развиваемой Тэджфелом и Тернером, межгрупповые конфликты не рассматриваются как единственное и неизбежное следствие социальной несправедливости. Сталкиваясь с ней, индивиды могут выбирать разные способы реагирования и преодоления неудовлетворяющей их ситуации. Во-первых, она может быть разрешена за счет индивидуального выхода человека из низкостатусной группы и его перехода в высоко-статусную, более привлекательную для него группу. Далее, это может быть один из вариантов того, что авторы называют «социальное творчество». Это «когнитивная» альтернатива, пред-

полагающая возможность изменения критериев сравнения и ведущая к пересмотру неудовлетворяющих результатов этого сравнения. Например, рабочая группа, «проигрывающая» другой группе в своих успехах и признании со стороны начальства, утешает себя тем, что «зато мы самые дружные и у нас самые хорошие отношения». Можно сменить объект сравнения – известно, что наибольшую классовую и социальную нетерпимость проявляют, как правило, представители низкостатусных слоев населения: их «выход» нередко состоит в том, чтобы найти такую низкостатусную группу, по сравнению с которой собственная группа оказывается наделенной более высоким в каком-то отношении статусом. Если же эти стратегии не реализуются (по причинам объективного или субъективного характера), возникает межгрупповое соперничество или конфликтность.

Примеры исследований: соединение подходов

Разрабатывая те или иные концепции и объяснительные модели, авторы рассчитывают на их универсальное приложение к описываемой феноменологии. Какие-то из отмеченных закономерностей действительно имеют универсальный характер. Отечественный исследователь Б. Ф. Поршнев описывал историю развития человеческого общества как противостояние «мы» и «они», взаимная оппозиция которых, по его мнению, оставалась неизменной. Однако явления межгруппового взаимодействия испытывают на себе и бесспорное влияние социокультурных переменных. Известно, что воспроизведение одного и того же эксперимента в различных культурах (в том числе и экспериментов Шерифа) часто дает несовпадающие результаты.

Например, проделанный Агеевым анализ случаев проведения одного эксперимента в разных условиях привел его к выводу, что реалистическая теория межгрупповых конфликтов, равно как и другие объяснительные модели, «работающие» в одном социокультурном контексте, могут оказаться нерелевантными в другом (Агеев, 1990, с. 121). В то же время вряд ли можно подвергать сомнению универсальность таких феноменов, как ингрупповой фаворитизм или психологическая оппозиция «мы – они».

По результатам экспериментальных исследований Агеева, в которых разные группы ставились в очевидно неравные, несправедливые условия взаимодействия, эффекты ингруппового фаворитизма, конкурентные, конфликтные и защитные стратегии в межгрупповом взаимодействии «возникают, интенсифицируются, становятся выраженными тогда, когда:

1) оценка результата в значимом для испытуемых межгрупповом взаимодействии (оценка достижений каждой группы) произвольна, выносится извне без какого бы то ни было обсуждения с группой, а сами критерии, по которым она выносится, непонятны, двойственны, недоступны для понимания испытуемых;

2) само взаимодействие строится по принципу игры с «нулевой суммой» (выигрыш, победа одной стороны автоматически означает проигрыш, поражение другой);

3) при одновременном наличии первых двух условий группа терпит стабильный (постоянный) неуспех, неудачу (поражение, например, если речь идет о межгрупповом соревновании);

4) существует прямая зависимость индивида от группы, например когда личный успех или неудача (пусть даже и чисто символические) зависят исключительно от соответственно успеха или неудачи группы, членом которой он является;

5) нет ощутимой связи между индивидуальной активностью и степенью успешности, иначе говоря, от индивидуальных усилий человека конечный результат полностью не зависит;

6) при наличии всех вышеназванных условий существует возможность прямого сравнения, сопоставления ингруппового и аутгруппового результата, т. е. достижений, успехов обеих групп и их соответствующего вознаграждения (пусть и в чисто символической форме, в форме оценки) извне» (Агеев, 1990, с. 100).

Результаты исследований Агеева, выполненных в том числе в трудовых организациях, напоминают нам о том, что межгрупповые отношения – это не только взаимодействие различных социальных групп (которым всегда более интересовались социологи), но, например, и взаимоотношения различных структурных подразделений и профессиональных групп в организациях.

В работах ряда специалистов описывается так называемый «системный конфликт», характерный для противоречий между функционально взаимосвязанными группами, между лицами, находящимися на одной и той же ступени иерархии. Речь идет о взаимозависимости людей или групп, имеющих разные задачи, но объединенных одной последовательностью действий или общим использованием каких-либо служб или оборудования: «Организационные единицы, которые имеют разные функции, такие как производство продукции, контроль за качеством, продажа, оборудование и финансовый контроль, могут оказаться в разногласии друг с другом в силу их своеобразных функций» (Tiffin, McCormick, 1965, p. 417). Конфликт, вызванный объективным положением различных групп работников в организации, А. И. Пригожий называет позиционным. Такой конфликт является отражением так называемого «межцелевого напряжения». Автор иллюстрирует это примером взаимодействия конструкторского и технологического отделов предприятия. Конструкторы заинтересованы в постоянном совершенствовании продукции, что и является показателем их работы, а технологи – в отлаженном и стабильном производстве. Возникающее взаимное сопротивление сторон выполняет позитивные функции и соответствует интересам организации (Пригожий, 1980, с. 52–53). Фактически конфликты такого рода становятся для определенных категорий работников нормальным явлением, если работа выполняется успешно и замена одних специалистов другими не меняет дела, поскольку причина конфликтов содержится в самих обязанностях людей.

Классическим считается описание конфликтов этого типа, данное в работе Дж. Марча и Г. Саймона «Организации» (March, Simon, 1967). Необходимыми условиями для возникновения «межиндивидуального организационного конфликта» (по терминологии авторов) является сочетание осознаваемой необходимости в совместном принятии решения, с одной стороны, и различие в целях или различия в восприятии реальности, или же то и другое вместе, с другой стороны. Каждая из этих переменных, в свою очередь, определяется рядом факторов. Так, осознание необходимости в совместном принятии решений прямо связано со степенью взаимной зависимости сторон в плане используемых ресурсов или последовательно осуществляемых действий.

М. Дальтон в своей работе, посвященной изучению разногласий между штабно-линейными работниками, описывает их постоянные конфликты как следствие сложных взаимозависимостей между этими категориями работников в организации (например, продвижение штабных служащих зависит от линейных, тогда как авторитет последних, в свою очередь, в какой-то мере зависит от штабных). Не менее весомой причиной конфликтов является наличие значительных профессиональных и психологических различий между ними (Dalton, 1961).

В одном из проведенных нами исследований на материале нескольких организаций изучались взаимоотношения двух категорий работников – медсестер и врачей. В контексте анализируемой проблемы уместно остановиться на следующих результатах. В целом мы имели дело с благополучными организациями. Опрошенные нами работники были довольны своей работой и не намеревались менять место работы. Взаимоотношения врачей и медсестер оценили как благоприятные 66,6 % врачей и 73,2 % медсестер. Помимо оценки взаимоотношений в целом опрашиваемым предлагалось отдельно оценить отношение врачей к медсестрам и медсестер к врачам. При этом предлагались следующие варианты ответа: «В целом врачи относятся к медсестрам доброжелательно, с пониманием трудностей их работы и их вклада в лечебный процесс»; «Врачи могли бы более уважительно относиться к труду медсестер и больше считаться с трудностями их работы»; «Врачи часто недоброжелательно относятся к медсестрам,

пренебрежительно относятся к их работе». Вопрос об отношении медсестер к врачам имел тождественные закрытия. Результаты приведены в табл. 3.4.

Таблица 3.4. Установки врачей и медсестер по отношению друг к другу (в процентах к числу ответов)

Установки	Врачи	Медсестры
«Мы к ним»		
• доброжелательно	76,5	81,4
• могли бы более уважительно	17,6	15,4
• часто недоброжелательно	5,9	3,4
«Они к нам»		
• доброжелательно	35,2	28,8
• могли бы более уважительно	52,9	50,9
• часто недоброжелательно	11,8	20,3

Результаты показывают, что, при общей благоприятной оценке взаимоотношений «мы к ним» «относимся доброжелательно», по мнению подавляющего большинства опрошенных врачей (76,5 %) и медсестер (81,4 %), а «они к нам» «могли бы относиться более уважительно», считает большинство врачей и медсестер. Таким образом, «мы» – «доброжелательны», а «они» – «недостаточно уважительны».

Описывая межгрупповые конфликты, мы ограничились анализом проблем, возникающих при взаимодействии разных групп. Вместе с тем следует помнить, что межгрупповое поведение – это «любое поведение, демонстрируемое одним или большим числом действующих лиц в отношении одного или большего числа других на основе идентификации действующих лиц (себя и других) как принадлежащих к различным социальным группам или категориям» (Тэджфел, Тернер, цит. по: Агеев, с. 203). Исходя из этого понимания, межгрупповое измерение может быть необходимым дополнением в анализе межличностных отношений. Например, когда мужчина в сердцах бросает своей жене: «Все женщины одинаковы!», он фактически переходит на язык межгрупповых отношений, переводя ее в категорию «Они», автоматически противопоставляемую «Мы». Именно потому, что в этом высказывании отчетливо ощущается оппозиция, оно и кажется таким обидным. К сожалению, эти межгрупповые компоненты межличностного взаимодействия остаются фактически не исследованными.

С практической точки зрения проблема регулирования межгрупповых отношений формулируется как задача изменения стереотипов. Г. М. Андреева определяет ее содержание как «замену деструктивных, враждебных, негативных стереотипов такими, которые не актуализировали бы межгрупповую агрессию и конфликт и не препятствовали бы установлению взаимоотношения и использованию компромиссных стратегий при принятии решений. Иначе говоря, „защита“ от стереотипов в психологическом плане означает не ликвидацию стереотипов вообще, но замену одних – деструктивных и враждебных – другими, более конструктивными и лояльными» (Андреева, 1988, с. 70). В дополнение к этому правомерно говорить о формировании первичных позитивных чувств. Например, если чувства патриотизма усваиваются детьми в возрасте от 6 до 10 лет и они научаются им под влиянием родителей, можно предполагать, что не только любовь к своей стране, но и ненависть к чужеземцам являются «выученными чувствами» (Волкан, Оболонский, 1992).

Внутригрупповые конфликты

Традиционные классификации конфликтов далеко не всегда включают внутригрупповые конфликты. Это связано с тем, что обычным основанием для разграничения видов конфликта являются его стороны (личностные образования одного субъекта, разные субъекты или группы людей), а в вычленении внутригрупповых конфликтов это основание явным образом нарушается. Действительно, кто является сторонами внутригруппового конфликта? Либо отдельные члены группы, либо отдельные группировки внутри нее, либо член группы и остальная ее часть (позиция которой, как правило, персонифицируется лидером или другим активным членом группы). Это стало основанием для принятого (по крайней мере частью специалистов) мнения, что внутри-групповые конфликты фактически не имеют самостоятельной феноменологии и принимают форму либо межличностных, либо межгрупповых конфликтов. Для такой точки зрения есть свои основания, но в любом случае приходится констатировать, что нам не знакомо удовлетворительное описание внутригрупповых конфликтов, которое не сводилось бы к одной из упомянутых разновидностей.

Остановиться на проблемах внутригруппового конфликта нас вынуждает очевидная практическая значимость его описания и изучения, при этом мы будем исходить из точки зрения исследователей внутригрупповых конфликтов, для которых критерием их наличия является «состояние деструкции внутригрупповых связей» (Полозова, 1980, с. 195).

Возможно, в меньшей мере, чем межгрупповые конфликты, но и внутри-групповые конфликтные явления также испытали на себе влияние оценок с позиций их социальной нежелательности.

Традиционная точка зрения не только социологов, но и психологов, работавших с группами, состояла в том, что конфликты являются негативным явлением для группы и задача состоит в их устранении. Тенденция к поиску «социальной гармонии» в группах берет свое начало еще от школы «человеческих отношений». Избегание конфликта, рассматриваемого как «социальная болезнь», и способствование «равновесию» или «состоянию сотрудничества», понимаемым как «социальное здоровье», составляет основную программную ориентацию Элтона Мейо и его индустриальной социологии. Все его исследования проводились с разрешения администрации предприятий и в сотрудничестве с ней и были направлены на помощь менеджменту в решении его проблем. Мейо в принципе не допускал возможности того, что индустриальная система может содержать конфликтные интересы. Один из видных представителей теории «человеческих отношений», Ф. Ротлисбергер так формулировал суть программы Мейо и его школы: «Как в индустриальной организации между различными социальными группами может поддерживаться удобное рабочее равновесие таким образом, чтобы ни одна группа в организации не была в оппозиции по отношению к другим?» (цит. по: Coser, 1956, p. 24).

Л. Козер: позитивные функции внутригрупповых конфликтов

Возможно, именно в противовес доминировавшим идеям Л. Козер в своей революционной работе о позитивных функциях конфликта уделил довольно много внимания позитивным возможностям внутригрупповых конфликтов. Его основные идеи сводятся к следующему.

Благодаря конфликту оказывается возможным первичное установление единства или его восстановление, если оно было ранее нарушено. Однако не каждый тип конфликта будет способствовать укреплению группы, равно как и не во всех группах конфликт может реализовывать подобные функции. Наличие этих позитивных потенциалов конфликта определяется его типом, равно как и особенностями группы.

Каждая группа содержит потенциальные возможности конфликта в силу периодически возникающего соперничества между требованиями индивидов. Характер группы будет существенно влиять на особенности этих конфликтов, в частности на их функции. Так, Козер полагает, что чем группа теснее, тем конфликт интенсивнее. Он аргументирует это тем, что высокая частота взаимодействия способствует интенсификации эмоциональных проявлений индивидов, в том числе и враждебности, возникновение которой, опять же в силу тесного взаимодействия, будет восприниматься как опасность и подавляться, а следовательно, аккумулироваться. Поэтому если все же в такой сплоченной группе возникает конфликт, то протекать он будет с особенной интенсивностью в силу «накопленного» недовольства и полного личностного вовлечения, характерного для группы с тесными связями. Конфликт в группах этого типа будет угрожать самим их основам, а следовательно, иметь разрушительный характер.

В группах, члены которых не столь тесно связаны между собой, конфликт будет с известной вероятностью менее деструктивным. Это обеспечивается за счет большего числа конфликтов, возникающих в группах этого типа, что ведет к распределению энергии и не дает возможности ее аккумуляции. Тем самым создается определенная гарантия локализации каждого отдельного конфликта на обстоятельствах его возникновения. Отсюда Козер с известной долей уверенности утверждает, что многочисленность конфликтов находится в обратной связи с их интенсивностью.

Существенное значение для внутригруппового конфликта будет иметь и характер отношений группы с внешней средой. Так, группы, находящиеся в состоянии более или менее постоянного противоборства с другими группами, будут иметь тенденцию к более полному личностному вовлечению своих членов в общую деятельность и к подавлению отклонений от группового единства и разногласий. Большая терпимость к внутригрупповым конфликтам будет характерна для групп, отношения которых с внешней средой более уравновешены.

Социальные конфликты, возникающие в группе из-за каких-то конкретных проблем, связанных с ее деятельностью и целями, и направленные на эти проблемы, Козер называет реалистическими. Они являются средствами достижения конкретных результатов и могут замещаться альтернативными способами взаимодействия, более адекватными для достижения данного результата. Нереалистические конфликты вызываются, в свою очередь, потребностью реализации напряжения участниками взаимодействия или одним из них. В этом случае конфликт не направлен на достижение конкретных результатов, а «противник» может быть заменен любой «подходящей» мишенью. Таким образом, в реалистическом конфликте существуют альтернативы в отношении средств решения проблемы и достижения желаемых результатов, а в нереалистическом конфликте альтернативы возможны лишь при выборе антагониста.

Конфликт внутри группы может являться механизмом трансформации норм применительно к новым условиям. Гибкие структуры выигрывают от конфликтов, которые, модифицируя старые нормы и помогая созданию новых, обеспечивают преемственность в новой ситуации. Такой механизм переприспособления труден в случае ригидных отношений: подавляя конфликт, они заглушают полезный сигнал, тем самым усиливая напряжение и увеличивая опасность разрушения.

Внутренний конфликт также служит средством выявления у членов группы противоречивых интересов и тем самым способствует возможности нового согласования, обеспечивая восстановление необходимого равновесия.

Конфликты часто обуславливают создание ассоциаций и коалиций внутри групп, благодаря чему обеспечивается взаимодействие между членами всего объединения, уменьшается изоляция, создается почва для реализации индивидуальной активности членов группы.

Позитивными для группы будут являться те конфликты, которые не затрагивают основы существования группы, способствуя лишь переориентации норм и отношений, принятых в группе, соответственно

возникшей необходимости. Напротив, если конфликт связан с важнейшими ценностями группы, он подрывает ее основы и несет в себе тенденцию к ее разрушению.

Л. Козер

В целом, указав на позитивные возможности конфликта в гибких социальных структурах, Л. Козер называет его важнейшим стабилизирующим механизмом, механизмом приспособления норм к новым условиям (Coser, 1956).

К. Левин: «пространство свободного движения»

В уже упоминавшейся работе по семейным конфликтам Левин описывает основные факторы возникновения конфликтов в малой группе. Его исходной посылкой является представление о том, что большую часть своей жизни взрослый человек действует не просто как индивид, но как член социальной группы.

В качестве наиболее важного фактора, определяющего частоту конфликтов в группах, Левин называет общий уровень напряжения, в котором существует человек или группа. Приведет ли конкретное событие к конфликту – в решающей степени зависит от уровня напряжения или социальной атмосферы в группе. Особое значение, по его мнению, при этом приобретают:

1. *Степень удовлетворенности – неудовлетворенности потребностей человека*, особенно базисных, например потребности в безопасности. Конфликты будут более серьезными, если вовлекаются центральные потребности. Однако Левин напоминает, что неудовлетворенные потребности имеют тенденцию становиться доминирующими, что объективно увеличивает вероятность конфликтов.

2. *«Количество пространства свободного движения» человека*. Достаточное пространство свободного движения является условием удовлетворения индивидуальных потребностей и адаптации к группе. Напротив, ограниченность «свободного движения» ведет к росту напряжения. Левин ссылается на свои эксперименты с демократической/автократической атмосферой в группах: в автократических группах напряжение выше и результируется в апатии или агрессии.

3. *Внешний барьер: наличие или отсутствие возможностей выйти из неприятной ситуации*. Напряжение или конфликт часто ведут к тенденции покинуть эту ситуацию. Если это возможно, сильное напряжение не будет развиваться. Напротив, отсутствие такой возможности как результат внешнего барьера или внутренних препятствий провоцирует развитие сильного напряжения и конфликта.

4. *Степень совпадения или расхождения целей членов группы*. Левин отмечает, что в групповом взаимодействии конфликты зависят от степени, в которой цели участников противоречат друг другу, и от их готовности учитывать точку зрения другого.

Напомним, что проблема адаптации индивида к группе формулируется К. Левином следующим образом: как может индивид найти достаточное пространство свободного движения для удовлетворения своих собственных персональных нужд внутри группы, не затрагивая ее интересы?

М. Дойч: зависимость внутригрупповой ситуации от характера взаимосвязей между членами группы

На основе своей теории кооперации и конкуренции Дойч следующим образом характеризует особенности групп с кооперативной системой взаимосвязей в сравнении с конкурентными.

1. Для кооперативного типа групп характерна более эффективная внутригрупповая коммуникация; больше идей вербализуется; члены группы более внимательны друг к другу, более восприимчивы к идеям других и более подвержены их влиянию.

2. В ходе дискуссий проявляются большая дружелюбность и взаимопомощь. Члены кооперативной группы в целом больше удовлетворены группой и ее решениями и более благожелательно принимают вклад других ее участников.

3. В кооперативных группах проявляется большая координация усилий, большее разделение труда, большая ориентация на решение задачи, большая прямота в обсуждениях и более высокая продуктивность (если групповая задача требует эффективной коммуникации, координации усилий, разделения труда или разделения ресурсов).

4. В кооперативных группах достигается большее согласие с идеями других, большее чувство базисного сходства в убеждениях и ценностях, большее доверие к идеям друг друга и ценностям, которые другие члены группы вкладывают в свои идеи.

5. Кооперативный процесс ведет к определению конфликтных интересов как проблемы, которая должна быть решена совместными усилиями. Кооперация облегчает признание законности интересов друг друга и необходимости поиска решения, которое отвечало бы потребностям всех. Она стремится скорее ограничивать, чем расширять масштаб конфликтных интересов. Попытки повлиять на другого ограничиваются убеждением.

В противоположность этому конкурентный процесс стимулирует такую позицию, при которой разрешение конфликта может быть только навязано одной стороной другой. Целью участников становится усиление собственной позиции за счет ущемления интересов другой стороны. Конкуренция увеличивает масштаб проблем в конфликте, в результате чего конфликт становится делом общего принципа и больше не ограничивается рамками конкретного вопроса «здесь и сейчас». Эскалация конфликта увеличивает его мотивационное значение для участников и интенсифицирует их эмоциональную вовлеченность в него. В свою очередь, эти факторы могут способствовать оценке собственного проигрыша как менее приемлемого и даже более унижительного, чем могло бы быть взаимное поражение. Дублирование усилий, при котором соперники становятся зеркальными образами друг друга, более вероятно, чем разделение усилий. В попытках повлиять на другого скорее будут использоваться принудительные средства (Deutsch, 1985, p. 67–68).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.